

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Сюй Яо

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РЕЧИ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТЫ)**

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Селиверстова Елена Ивановна

Санкт-Петербург

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАРЕМИЙ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	16
1.1. ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	16
<i>1.1.1. Связь феноменов «культура» и «язык».....</i>	<i>16</i>
<i>1.1.2. Языковая картина мира в качестве объекта изучения.....</i>	<i>19</i>
1.2. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА	22
<i>1.2.1. Содержание терминов «паремия» и «пословица»</i>	<i>22</i>
<i>1.2.2. Паремнологическая картина мира как фрагмент языковой картины мира</i>	<i>27</i>
<i>1.2.3. Ценностный аспект паремнологической картины мира</i>	<i>29</i>
1.3. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ КАК ЕДИНИЦЫ МЕНТАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА	33
<i>1.3.1. Лингвокультурные коды: определение и классификации.....</i>	<i>36</i>
<i>1.3.2. Стереотипное представление и установка культуры в качестве национально-культурных констант.....</i>	<i>39</i>
1.4. РЕЧЬ КАК ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОЯВЛЕНИЕ АНТРОПОМОРФНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА	43
Выводы.....	48
ГЛАВА 2. СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РЕЧИ В ПОСЛОВИЦАХ И В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	50
2.1. КОМПОНЕНТЫ-ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КОНЦЕПТА «РЕЧЬ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ	50
<i>2.1.1. Номинация речи с использованием компонентов-существительных</i>	<i>51</i>
<i>2.1.2. Номинация речи с использованием глагольных компонентов.....</i>	<i>56</i>

2.2. СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕЧИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЕ РУССКИМИ ПОСЛОВИЦАМИ.....	59
2.2.1. Установки культуры в отношении манеры речи и ее внешних характеристик	59
2.2.1.1. Представления о краткости и многословии	60
2.2.1.2. Стереотипные представления о молчании и слушании.....	62
2.2.1.3. Представления о торопливой и медленной речи в русских пословицах.....	66
2.2.1.4. Стереотипные представления о предпочтительности дела в сравнении с разговором	68
2.2.2. Стереотипные представления о содержании речи, вербализованные в русских пословицах	72
2.2.2.1. Стереотипные представления об умной vs бессодержательной, глупой речи	72
2.2.2.2. Стереотипные представления о важности взвешенности слова и необходимости проявлять осмотрительность	76
2.3. СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА О РЕЧИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ	83
2.3.1. Понимание испытуемыми назначения речи согласно результатам опроса.....	83
2.3.2. Признаки речи, выделенные испытуемыми в ходе опроса	90
2.4. КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	99
2.4.1. Вербализуемые в пословицах представления о свойствах человека, проявляющихся в его речевой деятельности	100
2.4.2. Характеристика неприятного собеседника сквозь призму его речи: итоги анкетирования.....	109
2.4.2.1. Отношение к участникам коммуникации и нарушение правил речевого взаимодействия	109

2.4.2.2. <i>Характеристики речи, воспринимаемой на слух</i>	115
2.4.2.3. <i>Признаки речи в аспекте ее содержания</i>	116
Выводы	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ.....	129
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	131
ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРИЗНАКИ РЕЧИ, ВЫЯВЛЕННЫЕ В ПОСЛОВИЦАХ, В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПРИЗНАКАМИ РЕЧИ, ВЫДЕЛЕННЫМИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОПРОСА.....	147

ВВЕДЕНИЕ

Язык – это не только система, претерпевающая исторические изменения, «не только застывшее множество лексических единиц слов и правил их употребления», но и особая деятельность человека [Кондратенко 2012]. Она может целенаправленно регламентироваться, но преимущественно речевая деятельность осуществляется согласно принятым в данном обществе нормам поведения, характеризуется и оценивается с разных позиций.

Человек – существо социальное, а речь – это способ установления контактов и до некоторой степени – форма сосуществования людей в социуме. Поэтому, наряду с манерой поведения, внешностью и поступками, человек оценивается и сквозь призму своей речи, ее внешней и содержательной сторон.

«Язык, представляющий собой и инструмент культуры, и одну из ее ипостасей» [Толстой 1997: 312], создает сущностное ядро этнической личности, и всякая национальная культура существует и развивается в среде определенного этнического языка [Татиева, Суюнова 2015: 324]. Каждый язык имеет собственную культурную основу, он специфическим способом отражает происходящие с человеком события и самого человека, в том числе – с помощью устойчивых единиц языка.

В системе выражаемых языковыми единицами значений закрепляются знания и опыт социума, отражается картина мира носителей языка и культуры. Выражаемые различными устойчивыми единицами значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, совокупность норм поведения, обязательных для всех носителей языка.

Паремиологические единицы (ПЕ) составляют своеобразный пласт языковых единиц, запечатлевающих типичные жизненные ситуации, этномаркированные идеи, рекомендации относительно манеры поведения и проч. ПЕ таят в себе большой потенциал для таких направлений, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвистическая аксиология, когнитивная лингвистика [Татиева, Суюнова 2015: 323-328]. В настоящее время паремика русского языка находится в центре внимания лингвистов, что подтверждается трудами О.Б. Абакумовой [2012],

Е.И. Зиновьевой [2012], Т.Г. Бочиной [2002, 2023], Е.Е. Иванова [2007, 2019], М.Л. Ковшовой [2017, 2019a], Л.Б. Савенковой [2002], Е.И. Селиверстовой [2005, 2017], О.Е. Фроловой [2007] и многих др.

Пословицы¹ отражают народные представления о языке и речи, обобщают этномаркированные знания о характере речевого общения, наблюдения за широким спектром проявлений коммуникативного поведения, дают ему оценку. ПЕ, вербализующие концепт «Речь», имеются во всех языках, а их национальная специфика проявляется в различии используемых в той или иной культуре эталонов, образов, стереотипов. Изучение фрагмента языковой картины мира, репрезентирующего с разных позиций восприятие и оценку носителями культуры важнейшего вида человеческой деятельности – речи, представляется исключительно важным.

Речь считается «самой сложной системой человека и является недостаточно изученным фрагментом языковой картины мира» [Гутовская 2007: 63]. В то же время внимание к такому объекту исследования, как человек говорящий, предстающий в русской языковой картине мира сквозь призму особенностей его речи, кажется недостаточным. Между тем такого рода сведения чрезвычайно значимы как для отдельного человека, так и для социума, и лексикографические источники дают богатый материал для выделения и обобщения разнообразных представлений о речи, накопленных в русской культуре и русской ментальности.

С другой стороны, отразившиеся в пословицах представления о речи, могут иметь расхождения с теми установками культуры и стереотипами, которые свойственны носителям русского языка сегодня. Это делает целесообразным и **актуальным** выявление не только основных направлений в трактовке и оценке речи, зафиксированных в русском паремиологическом фонде, и представлений о ней, оформившихся с течением времени в коллективном языковом сознании, но и определение того, какими критериями в характеристике и оценке речи руководствуются сегодня носители русского языка и культуры, насколько значимы

¹ В данной работе, следуя за рядом современных лингвистов, терминами «паремия» и «пословица» мы пользуемся как синонимами.

обнаруживаемые различия.

Научная новизна работы заключается в том, что эта тема не подвергалась научному исследованию в аспекте сопоставления взгляда на речь, отражаемого русскими пословицами, и представлений о речи сегодняшних носителей русского языка. Новизну работе придает также аспект, состоящий в анализе вербализованной в паремике оценки человека сквозь призму его речи.

Объектом исследования являются пословицы русского языка, характеризующие с разных сторон такой важный вид деятельности, как речь, стереотипные представления о речи (слове) в современной русской культуре и в паремике русского языка.

Предмет составляют особенности вербализации в русских пословицах стереотипных представлений о речи, содержание установок культуры и отразившиеся в ПЕ ценностные представления, а также видение особенностей речевого поведения современными носителями русского языка.

Цель исследования — выявить специфику лингвокультурологического содержания национально-культурной константы «Речь», вербализуемой русскими пословицами, на фоне ее восприятия носителями современного языка и культуры.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. представить теоретическую базу исследования на основе анализа научной литературы по основным затрагиваемым проблемам;
2. охарактеризовать базовые компоненты пословиц, позволившие разработать критерии отбора единиц для проведения анализа и участвующие в формировании пословичных представлений о речи; отобрать материал из словарей пословиц и поговорок русского языка;
3. выявить парадигму признаков национально-культурной константы «Речь» в русской паремиологической картине мира и предложить типологию стереотипных представлений, вербализованных русскими паремиями и отражающих основные направления в трактовке и оценке речи;
4. определить спектр характеристик русского человека, обнаруживаемых сквозь призму его речевой деятельности и составляющих

лингвокультурологический потенциал паремий;

5. выявить в пословицах о речи ценностные смыслы, значимые для носителей русского языка;

6. провести анкетирование носителей русского языка с целью выявления у них представлений о речи, ее позитивных и негативных особенностях, и прокомментировать полученные результаты;

7. определить точки пересечений в представлениях, отражаемых пословичными единицами, и современном видении речи носителями русского языка и оценить степень сходства – совпадений и расхождений.

Гипотеза исследования состоит в следующем: Исследование и описание лингвокультурной константы «Речь» в русском языковом сознании позволит, во-первых, выявить систему параметров, по которым характеризуется речь, и совокупность наиболее часто вербализуемых установок культуры и стереотипных представлений, в которых проявляется ценностное отношение носителей языка и культуры; во-вторых, раскрыть своеобразие национально-маркированного видения этого важного вида человеческой деятельности и человека, свойства которого связаны с речевыми проявлениями, а также – на основе сопоставления полученных данных – отметить происходящие в сознании коллективного носителя языка изменения или, наоборот, стабильность во времени представлений о речи и ее оценки.

Использованные методы и приемы исследования: метод лингвокультурологического анализа, метод компонентного анализа, прием сплошной выборки материала из лексикографических источников, прием количественных подсчетов, прием анкетирования, описательный и сопоставительный методы.

Материалом исследования служат единицы, извлеченные из авторитетных словарей пословиц и поговорок русского языка: собрания «Пословицы русского народа» В.И. Даля, сборника «Русские народные пословицы и притчи» И.М. Снегирева, «Большого словаря русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой, «Словаря русских пословиц и поговорок»

А.М. Жигулева, «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина, сборника «Русские пословицы и поговорки» В.П. Аникина. Общее количество привлеченных к анализу паремий составляет более 1500 единиц.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили:

– труды по лингвокультурологии: Н.Д. Арутюнова 1984, Е.С. Яковлева 1994, Ю.Д. Апресян 1995, В.Н. Телия 1996, В.В. Воробьев 1997, В.И. Постовалова 1999, В.В. Красных 2002, В.И. Карасик 2004, 2013; Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова 2007, В.А. Маслова 2007, 2023; З.Д. Попова, И.А. Стернин 2007, М.Л. Ковшова 2009, 2012, 2019а; Н.Ф. Алефиренко 2010, С.В. Иванова, З.З. Чанышева 2010; Е.И. Зиновьева 2016, И.В. Зыкова 2017 и др.;

– работы, посвященные изучению русских пословиц: Г.Л. Пермяков 1970, 1988; В.П. Жуков 1991, З.К. Тарланов 1999, Е.Е. Иванов 2007, 2019; Е.В. Иванова 2002, Л.Б. Савенкова 2002, 2006; В.М. Мокиенко 2001, 2010; Т.Г. Бочина 2002, 2023; О.Е. Фролова 2007, О.Б. Абакумова 2012, Е.И. Селиверстова 2003, 2017; М.Л. Ковшова 2019б, Н.Н. Семененко 2020, Ани Рахмат, С.В. Банит, Н.Е. Якименко 2021; Сяоцзюн Хо, Н.Е. Якименко 2022 и др.;

– работы, посвященные проблемам, связанным с изучением речевой деятельности и человека как коммуникативной личности: П.А. Сорокин 1992, Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова 1994; Н.С. Рябинская 2002, С.Ю. Геннадьева 2007, М.С. Гутовская 2007, 2008, 2020; С.А. Еремина, А.П. Орлова 2009; Е.В. Иванова 2010, А.Н. Ксенофонтова 2012, Л.Б. Матевосян 2017, Е.И. Забусова, А.Ю. Лазарева, В.В. Колодченко 2018; В.Ю. Любимов 2022, С.В. Мощева 2022 и др.;

– работы, посвященные изучению ценностного аспекта в семантике языковых единиц: Shibutani 1961, Н.Д. Арутюнова 1984, В.И. Карасик 2002, Р.М. Якушина 2003, Л.К. Байрамова 2008, А.И. Лызлова 2009, Н.Н. Семененко 2010, Д.Б. Кумахова 2011, Е.А. Богданова 2012, Е.В. Ничипорчик 2012, 2015, 2023; Я.О. Сулейманова 2017, М.Л. Ковшова 2018, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко 2018;

Т.Г. Бочина 2023 и др.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы, словарей, источников и приложения. Во введении обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, гипотеза, цель и задачи исследования, сформулированы новизна, теоретическая и практическая значимость работы, представлены положения, выносимые на защиту, а также основные результаты, полученные в ходе исследования. Первая глава посвящена теоретическим основам исследования: в ней рассматриваются вопросы, связанные с антропоморфным культурным кодом, сущностью лингвокультурологического направления в современной науке и базовыми понятиями лингвокультурологии, раскрывается содержание используемых терминов «языковая картина мира», «паремиологическая картина мира», «паремия», «пословица», «стереотип», «лингвокультурологические константы» и др. Во второй главе приводится обзор лексического состава ПЕ – компонентов с семантикой говорения, анализируются пословицы о речевой деятельности человека, предлагается типология вербализуемых в них стереотипных представлений и установок культуры, рассматриваются отмечаемые говорящими свойства человека, проявляющиеся в его речевой деятельности. Вторую часть второй главы составляет анализ результатов проведенного опроса, позволяющий получить сведения о доминантных характеристиках речи в современном русском языковом сознании. Два основных аспекта работы создают базу для проведения сопоставления и выявления сходств и различий в представлении о речи и ее оценке, отражаемом паремикой как собранием народной мудрости и, с другой стороны, вербализуемом носителями современного языка.

Теоретическая значимость: результаты исследования способствуют дальнейшему развитию теории лингвокультурологии и паремиологии, изучению отдельных фрагментов русской языковой картины мира, национально-культурных особенностей семантики, прагматики, аксиологии русских пословиц и поговорок.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов в преподавании русского языка и русского языка как

иностранного, при чтении лекций по проблемам фразеологии и паремиологии, лингвокультурологии и лексикографии.

Апробация результатов исследования: теоретические положения и результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания и были представлены в виде докладов на научных конференциях:

1. Всероссийская конференция по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2021» (декабрь 2021, Санкт-Петербург);

2. XXVII международная научно-методическая конференция «Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе» (апрель 2022, Санкт-Петербург);

3. 51-ая Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (март 2023, Санкт-Петербург);

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 6 публикациях, из которых 3 опубликованы в научных индексируемых журналах из перечня, рекомендуемого ВАК РФ:

1. *Сюй Яо. Стереотипные представления о речи, отразившиеся в русских пословицах // Вестник филологических наук. – 2023а. – №3. – Т. 3. – С. 68–72.*

2. *Сюй Яо, Селиверстова Е.И. Особенности вербализации идеи о важности взвешенности слова в русских поговорках на фоне китайских // Вестник Костромского государственного университета. – 2023б. – №2. Т. 29. – С. 160–166.*

3. *Сюй Яо. Качества человека сквозь призму речевой деятельности (на материале русских пословиц) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2023в. – № 4. – С. 32–36.*

Другие публикации:

4. *Сюй Яо. Стереотипные представления о языке в русских пословицах (на фоне китайского языка) // Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ*

– 2021». – СПб.: Скифия-принт, – 2021. – С. 694–695.

5. *Сюй Яо*. Особенности вербализации концепта «речь» в русских пословицах // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе: материалы докл. и сообщ. XXVII междунар. науч.-метод. конф. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», – 2022. – С. 154–160.

6. *Сюй Яо*. Компоненты-вербализаторы концепта «Речь» в русских пословицах (лексико-семантический аспект) // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Санкт-Петербург: 2023г. – С. 486–487.

Основные научные результаты, полученные в ходе исследования:

1. Проводится анализ пословичных единиц в рамках отдельных разрядов – первый составляют те выражения, что характеризуют манеру речи и восприятие ее внешней стороны; второй разряд – это изречения, в которых отражается взгляд на содержательную сторону речи. Третий – меньший – разряд составляют паремии, связанные с выбором адресата, собеседника. В результате анализа формулируются наиболее часто вербализуемые стереотипные представления – как об отрицательных сторонах речи (торопливости, бесцельности, «пустоте», опасной неосмотрительности в словах и др.), так и о положительных (продуманности, воздержанности и др.). Паремии содержат целый спектр рекомендаций относительно разумного и достойного речевого поведения. (*Сюй Яо*. Стереотипные представления о речи, отразившиеся в русских пословицах. – 2023а. – С. 68).

2. Русская паремика обнаруживает значительное количество установок культуры (значимость дела по сравнению со словом; невозможность вернуть сказанное; необходимость осторожности в выборе слов, важность оценки условий произнесения речи и др.), важных для носителей языка. Многократность выражения в паремиях одной идеи есть свидетельство актуальности вербализуемой установки культуры. (*Сюй Яо., Селиверстова Е.И.* Особенности вербализации идеи о важности взвешенности слова в русских паремиях на фоне китайских. – 2023б. – С. 160.).

3. Осуществляется анализ русских паремий, отражающих речевую деятельность в аспектах ее вербального оформления, осмысления, прагматической направленности, результативности, условий осуществления и т. д. Результаты наблюдений демонстрируют антропоцентричность пословиц, поскольку сказанное в них, какой бы сферы деятельности оно ни касалось, рассматривается с проекцией на человека: каким он видится говорящим в той или иной жизненной ситуации. В паремиях преимущественно вербализуется критическое отношение к говорящим и крайне редко – позитивное, одобрительное, что подтверждает аксиологическую природу этих единиц. (Сюй Яо. Качества человека сквозь призму речевой деятельности (на материале русских пословиц). – 2023в. – С. 32.).

4. Речь как один из основных видов деятельности человека широко представлена в русских паремиях и, как показывает пословичный материал, вербализуется с использованием большого разнообразия компонентов – преимущественно глаголов и существительных. В пословицах отражаются стереотипные представления носителей языка о разных сторонах речи, даются характеристики субъекта говорящего – с точки зрения содержания речи и ее внешних характеристик. (Сюй Яо. Особенности вербализации концепта «речь» в русских пословицах. – 2022. – С. 154).

5. В пословицах обнаруживается широкий спектр лексических средств, которые, выступая в роли компонентов, участвуют в паремиологической вербализации концепта «Речь» и в показе разнообразных представлений, связанных у носителей русского языка с говорением. (Сюй Яо. Компоненты-вербализаторы концепта «Речь» в русских пословицах (лексико-семантический аспект). – 2023 г. – С. 487).

Положения, выносимые на защиту:

1. Разнообразие лексических единиц языка, выражающих семантику говорения, и многообразие пословиц, вербализующих представления носителей культуры о речи, свидетельствуют о значимости речи как важнейшего вида человеческой деятельности.

2. Пословицы, принадлежащие к числу культурно насыщенных языковых

единиц, содержат подлежащую дешифровке информацию, позволяющую судить о типичных проявлениях речевого поведения и его характеристиках, даваемых носителями языка, о соблюдаемых и нарушаемых правилах неписаного кодекса речевого общения.

3. Пословицы, характеризующие говорящих и их отношение к собеседникам, признаки речи и типичные коммуникативные ситуации, составляют единицы, содержащие компоненты с семантикой говорения разной частеречной принадлежности. При этом вне пределов этого массива единиц имеются пословицы близкой семантики, не содержащие таких компонентов.

4. Из двух основных разрядов пословиц, касающихся, с одной стороны, внешних характеристик речи и, во-вторых, ее содержания, преобладают единицы второго разряда, поскольку именно содержанием речи, в первую очередь, определяются человеческие взаимоотношения.

5. Парадигма моделей речевого поведения включает единицы, различающиеся по степени имплицитности/ эксплицитности выражения установок культуры и стереотипных представлений, в том числе противоречивые. Среди них выделяются наиболее важные, вербализуемые многократно и разными способами и существенно отличающиеся от иных в отношении количества репрезентаций.

6. Впечатление о человеке зависит во многом от его речи, и многие пословицы о говорении представляют не столько речь как таковую, сколько проявления характера человека, оценку им самого себя, отношение к людям и к работе, манеру речи и т.д.

7. В пословицах о речи обнаруживаются константы на уровне пословичных идей, клишированных паремийных фрагментов и логико-структурных моделей, типичные для русского паремиологического пространства и анализируемого фрагмента пословичной картины мира.

8. Языковое сознание современных носителей русской культуры включает значительное количество положительных и отрицательных признаков речи, которые в основной своей части перекликаются с признаками, вербализованными в русских пословицах, что свидетельствует о достаточной стабильности во времени

требований к собеседнику и к соблюдению общих правил коммуникации – в первую очередь, в отношении содержания речи.

9. Своеобразие восприятия и оценки речи современными носителями языка проявляется в бóльшем, чем это отмечается в паремике, внимании говорящих к проявлениям культуры речи, к формам осуществления коммуникации, соблюдению правил этикета и производимому впечатлению.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАРЕМИЙ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1.1. Основы и принципы лингвокультурологии

1.1.1. Связь феноменов «культура» и «язык»

Выходом из тупика, в который зашла традиционная лингвистика, исследующая «язык в самом себе и для себя» (Ф. Соссюр), стал в свое время ее интерес к человеку, его сознанию, культуре.

Лингвокультурология как самостоятельная наука формировала свой стиль в 1980-1990-е годы. В результате было открыто совершенно новое научное поле для исследований современными лингвистами, получившее широкие перспективы развития. Как указывает В.И. Постовалова, реализация антропологической программы постижения языка, к которой в настоящее время повернулась наука о языке, «начинается с создания синтетических и комплексных дисциплин, направленных на рассмотрение языка в тесной связи с фундаментальными сторонами человека, взятых в их лингвистическом “преломлении”» [Постовалова 1999: 29]. Ю.С. Степанов считает, что сущность языка может открываться исследователям лишь с философских позиций – в аспекте «философской антропологии» – учения о человеке, его «сущности» и «природе» [Степанов 2007]. Отсюда последовал следующий вывод: в научном мире назрел переход лингвистики на новый виток развития, к новой парадигме в ее изучении [Маслова 2014: 78].

В современной российской науке уже сделано очень многое для определения статуса лингвокультурологии, ее сущности и направлений изучения. Понятие «лингвокультурология» используется в трудах, в научном мире звучат имена известных лингвокультурологов и их трудов – Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], Н.Ф. Алефиренко [2003, 2006], В.В. Воробьева [Воробьев 1997], В.И. Карасика [Карасик 2004, 2013], М.Л. Ковшовой [Ковшова 2019], В.А. Масловой [Маслова 2004], Ю.С. Степанова [Степанов 1985], Т.Б. Радбиля [Радбиль 2017], В.Н. Телия [Телия 1996] и многих других, обратившихся к проблеме выявления информации культурного свойства, содержащейся в языковых единицах. Издаются и

специальные лингвокультурологические словари [Ковшова, Гудков 2018; Ковшова 2019; Красных 2016; Телия 2018 и др.], – в том числе двуязычные [Сяоцзюн Хо, Якименко 2022; Ани Рахмат, Банит, Якименко 2021 и др.]. В настоящее время лингвокультурология включена в качестве теоретического курса в программы вузовской подготовки специалистов, результатом чего стали учебники и пособия по данной дисциплине [Алефиренко 2010; Воробьев 2008; Зиновьева 2016; Красных 2002; Маслова 2023 и др.].

Как известно, язык тесно связан с культурой, поскольку ни одна культура в мире не может в полной мере реализовать свое развитие и становление без существования языка. «Язык не только отражает окружающую действительность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек» [Склярова 2021: 5]. Лингвокультурология – это не просто область определения национально-культурной специфики языковых единиц и текста. Она ориентирована на выявление механизмов внедрения в языковой знак культурной информации, а также механизмов ее извлечения оттуда носителем языка [Маслова 2023: 14].

На связь культуры и языка указывает и В.Н. Телия: «Лингвокультурология – это та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1996: 217]. Базовым для лингвокультурологии исследователь считает понятие культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковой знак [там же: 16].

Культура воспринимается человеком по-разному: это зависит от того, как она фиксируется в языке и как хранится в сознании человека и в коллективном языковом сознании, как проявляется в поведении социума – в том числе в речевом, как вербализуется в дискурсе, обуславливая тем самым его национально-культурную специфику. Зачастую это «культурное содержание» не осознается и не рефлексивируется самим представителем определенной культуры [Красных 2001: 5], оно хранится на глубинных уровнях человеческого сознания и передается носителями культуры неосознанно – различными единицами языка и в том числе паремиями.

Антропоцентричность значений языковых единиц как отражающих общие

свойства природы человека отмечала В.Н. Телия. Как пишет В.А. Маслова, В.Н. Телия считала, что культура «включена» в язык, так как язык, «будучи средством коммуникации, вбирает в значение все, что связано с культурной компетенцией ее носителей» [Маслова 2020: 690].

Таким образом, лингвокультурологические исследования реализуются в направлении от культуры к языку, вербализующему национальное сознание.

Справедливым и всеохватывающим видится определение лингвокультурологии, данное китайским лингвистом Лю Хун: лингвокультурология – это комплексная интегративная дисциплина, «объединяющая исследования языка и культуры в качестве своей первостепенной задачи, включает в себя исследования особенностей национальных культур, ядерных элементов национального менталитета, отраженного в системе языковых средств, а также особенностей восприятия иноязычной картины мира и формирования представлений об иноязычной культуре в ходе изучения иностранного языка» [Лю Хун 2020: 675].

В завершение данного раздела приведем мнение Е.И. Зиновьевой, которая настаивает на самостоятельности лингвокультурологии как научной дисциплины, аргументированно отделяя ее от лингвострановедения, когнитивной лингвистики, этнолингвистики и социолингвистики. По ее мнению, речь может идти «о пересечении наук, имеющих общий объект, но разные предметы исследования» [Зиновьева 2016: 17]. Лингвокультурология исследует «воплощенные в живом национальном языке материальную культуру и менталитет, проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преобладании с языком и культурой этноса» [Там же].

1.1.2. Языковая картина мира в качестве объекта изучения

Понятие «картина мира» как номинация смыслового моделирования мира существует в различных областях жизни человека: в науке, религии, литературе; языковую картину мира (иногда – наивную языковую картину мира) понимают как зафиксированную в языке и специфичную для данного коллектива схему восприятия действительности [Яковлева 1994]. Любой народ в процессе познания мира вырабатывал особую для себя систему наименований окружающей его действительности. Все, что человек испытывал, находил, переживал, проходило этап обработки и языкового осмысления. В зависимости от опыта, накапливаемого народом, разнится языковая система, так как ход формирования и передачи результатов процесса познания невозможен без языка.

Базовое понятие *языковая картина мира* (ЯКМ) появилось в 60-х гг. Языковая картина мира находится в центре внимания современной лингвистики как фундаментальное понятие антропоцентрической парадигмы. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и взаимоотношении языка и культуры. Значимым этапом для развития понятия картины мира стало появление гипотезы языковой относительности американских лингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, состоявшей в признании влияния, оказываемого языком на мышление человека [Гумбольдт 1984].

В. фон Гумбольдт, введя важные понятия «языковое мировидение» и «внутренняя форма слова», полагал, что языки отличаются друг от друга не только внешней формой (звуками, знаками), но и содержащимися в них взглядами языковой общности на мир [Гумбольдт 1984: 319]. По его словам, в процессе языкотворчества обязательно проявляются духовные особенности нации, которые не могут не перейти в язык и проявиться в нем. Интеллектуальные достоинства языка, по Гумбольдту, покоятся «исключительно на упорядоченности, основательности и чистоте духовной организации народов в эпоху образования или преобразования языков и являют собой отражение или даже непосредственный отпечаток этой организации» [там же: 101], т.е. материальная и духовная культура находят непосредственное отражение в языке. Кратко суть его взглядов можно

представить так: «всякая культура национальна, ее характер выражен в языке посредством особого видения мира» [там же]. Эта идея «языкового мировидения» получила развитие в работах А.А. Потебни, Ш. Балли, И.А. Бодуэна де Куртене, Р.О. Якобсона и других исследователей.

Хотя языковая картина мира не является частью наивной или научной картин, исследователи отмечают факт сосуществования в ней обыденных и научных знаний о мире [Пименова 2019: 9]. Многие понятия (время, пространство), которые отражаются в языке, являются общими и для научных теорий, и для обыденного сознания. Данные картины мира могут влиять на языковую в той или иной степени в силу своей языковой релевантности [Яковлева 1994: 11].

Некоторые исследователи отождествляют ЯКМ и наивную картину мира из-за наличия у первой определенных признаков народных заблуждений и даже ошибок, устаревших убеждений, просто обыденных представлений, являющихся медленно меняющимися установками [Яковлева 1994: 10; Апресян 1995: 39]. Однако не следует понимать наивное мышление как примитивное, оно складывалось веками и несет в себе народную мудрость поколений людей: «“наивность” связана с отражением бытового, обыденного восприятия порядка вещей в противоположность научному их пониманию и объяснению» [Иванова 2002: 15].

Между понятиями «картина мира» и «языковая картина мира» сложные отношения. Принципиальная разница в том, что «картина мира – это конкретное отражение действительности в сознании человека, а языковая картина мира – это информация о действительности, зафиксированная в языке» [Склярова 2021: 26]. ЯКМ, как и концептуальная картина мира нуждается в реконструкции, которая предполагает опору исключительно на факты языка [Иванова 2006: 38] – именно этим она и интересна лингвистам. Концептуальная картина мира означает «знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности», а также «итог чувственного познания» [Зиновьева 2016: 26]. Для воссоздания фрагментов картины мира, требующих анализа языковых данных и интерпретации социально-исторических и культурных факторов, лингвисты считают

необходимым поставить лингвистические данные в приоритет над социально-историческим контекстом.

Согласно концепции Ю.Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Язык – факт культуры, составная часть культуры, которую мы наследуем, и одновременно ее орудие. Именно язык аккумулирует и вербализует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения [Сукаленко 1992: 77], т.е. антропоцентризма, который пронизывает весь язык.

Приведем еще одно, ставшее основополагающим и весьма авторитетным определение ЯКМ. По мнению В.А. Масловой, это «общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает такие важные явления, как коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Для нас очень важно и то, что она отражает *способ речемыслительной деятельности*, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова 2007: 296].

В. А. Маслова считает, что каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Особенности национального языка создают для носителей этого языка специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [Маслова 2004: 66].

С точки зрения современных лингвокогнитивистов, ЯКМ является многослойным дискурсивно-смысловым образованием. Многослойность возникает как по причине участия в ее вербализации различных пластов языковых единиц, так и по причине исторической смены мировоззренческих парадигм, обуславливающих содержание и характер категоризации и концептуализации познаваемой человеком действительности [Семененко, Кривошеев, 2019: 34].

Лингвокультурология – направление в языкознании, «нацеленное на изучение культуры в языке и языка в культуре» [Карасик 2013: 4] и занятое поиском закономерностей языкового преобразования действительности, – во многом опирается на массив устойчивых единиц языка. По мнению В. Н. Телия, для лингвокультурологии базовым является понятие культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковой знак [Телия 1999: 16], а это в значительной степени касается фразеологических единиц. Это мнение разделяют и другие исследователи, определяя коннотацию как извлеченную из сознания культурную информацию, которая «соединяется со словесными знаками языка и фольклора — идиомами и поговорками, добавляется в их семантику в виде особого категориального компонента» [Ковшова 2019: 173].

Поскольку объектом изучения в нашей работе являются пословицы, нельзя не обратить внимание и на трактовку, предложенную М.Л. Ковшовой, которая считает языковую картину мира общекультурным структурированным и многоуровневым достоянием нации. Исследователь отмечает, что «фольклорный “слой” культуры <...> “заселен” сказками, пословицами, поговорками, загадками и т. п.; в виде “сгущенного”, фрагментированного дискурса он бытует в памяти каждого человека составляет фундамент его культурной комплекции» [Ковшова 2016: 40].

1.2. Аспекты изучения паремиологической картины мира

При написании данного раздела работы использовались материалы ранее опубликованных статей: [Сюй Яо 2023а].

1.2.1. Содержание терминов «паремия» и «пословица»

Каждый язык содержит немалое количество речевых образований, имеющих лингвокультурную ценность – благодаря их образному содержанию, лаконичной форме, вербализации в них человеческого опыта [Бабенко 2020: 15]. Среди

языковых свидетельств национальных лингвокультур фразеологизмы и пословицы – как одна из разновидностей фразеологических единиц – по праву занимают важное место в качестве источников информации о разных сторонах жизни и мировидения этноса.

Активное внимание к фразеологическим проблемам в последние десятилетия XX привело к усилению интереса к такому малому жанру фольклора, как паремиология. Поэтому *лингвистический статус* паремиологических единиц в настоящее время уже практически не подлежит обсуждению. Отметим, что в современных исследованиях ученые часто пользуются терминами *паремия* и *пословица* как синонимичными [Долгова 2018, Копыльских 2016, Селиверстова 2009 и др.]. Мы следуем этому принципу, поскольку другие паремийные жанры – например, загадки, приметы, – нами не рассматриваются.

Достаточно четкое разграничение фразеологизмов и пословиц осуществил в свое время В.П. Жуков. На основании семантического и синтаксического критериев он выделил, во-первых, *фразеологизмы (поговорки)* как «единицы с открытой структурой (незамкнутые)», в основе которых лежат понятия (*язык проглотил* – ‘молчит’; *язык без костей* – ‘болтун’). Второй разряд – *пословицы* – это единицы с замкнутой структурой, завершенные в смысловом и интонационном отношении, с присущими им категориями предикативности и модальности, т.е. с признаками предложения [Жуков 1991: 9].

Основоположник логического подхода к пословицам Г.Л. Пермяков вывел модель их смысловой структуры, в соответствии с которой основу паремии всегда составляет тематическая пара компонентов, связанных определенным типом отношений [Пермяков 1988: 107-128]. Элементы этой тематической пары могут быть связаны отношениями самого разного свойства. Например, тематические элементы ПЕ *Была бы корова, а подои́ник будет* связаны отношениями «вещь – предмет (инструмент), имеющий непосредственное отношение к ее использованию» (*Подои́ник* – ‘подои́ная посуда, дои́льник, дои́лка’ [ДТС.3: 159]; ‘посуда, в которую надаивают молоко’). Структурно-логический подход позволил ученому выделить определенное (предельное) количество универсальных моделей

пословиц, применимых к паремике любого языка и находящихся в нем соответствующие примеры реализации выделенных моделей.

Пословицы, демонстрирующие огромное разнообразие синтаксических структур, привлекли внимание З.К. Тарланова, последовательно рассмотревшего отдельные типы синтаксических построений, реализуемых в паремике. Например, им выделяются модели паремий, демонстрирующих сравнительно-сопоставительные и присоединительные отношения, противительно-ограничительные, сопоставительно-противительные и др. отношения, пословицы с бессоюзием и т.д. [Тарланов 1999].

Пословицы как единицы языка исследуются в разных направлениях. Так, Е.И. Селиверстова, сопоставляя фразеологизмы и пословицы, выделяет характерные для ПЕ черты: законченность и дидактичность, отличную от фразеологизма-словосочетания синтаксическую структуру, особые условия контекстуального включения и функционирования в тексте, яркую прагматическую направленность, определенные парадигматические и синтагматические отношения между компонентами и т.д. [Селиверстова 2017: 24-25]. В ряде работ исследователь обращается к проблеме пословичной вариантности и аргументирует закономерность появления вариантов наличием особого паремиологического пространства, санкционирующего многочисленные замены компонентов и целых фрагментов ПЕ, образование одномоделных изречений и т.д. [Селиверстова 2003, 2005].

Наиболее актуальные проблемы, которые решаются современной паремиологией, развернуто представлены проф. В.М. Мокиенко в его обзорной статье, посвященной основным восьми «провокативным» вопросам, касающимся направлений изучения пословиц. В.М. Мокиенко, несмотря на большое разнообразие различных трактовок пословицы и поговорки и критериев их выделения, настаивает на сохранении традиционного понимания пословицы как «логически законченного образного или безобразного изречения афористического характера, имеющего назидательный смысл и характеризующегося особой ритмической и фонетической организацией» [Мокиенко 2001: 10]. В данной работе

в лингвистической трактовке пословицы мы опираемся именно на это определение.

Весьма важным нам представляется возражение В.М. Мокиенко против мнения о снижении функционирования ПЕ в современной речи и трактовки пословиц как «языковых слепков отживших фольклорных стереотипов», как будто не соответствующих реалиям современной жизни. Языковая практика, по его мнению, подтверждает обратное, что основано на наблюдениях за пословичной креативностью современных городских социумов [Там же: 11].

Остановимся подробнее на пословице как одной из наиболее ярких структур, представляющих определенным образом упорядоченное знание о мире, способ организации которого также является элементом этого знания [Путилов 1994]. В паремиях отражается актуальность фрагментов окружающего мира, получающих вес в силу причин экстралингвистического характера, из которых – по мозаичному принципу – формируется в сознании коллектива и отдельно взятого человека целостный образ, представление о мире и месте человека в нем [Корнеева 2003: 251]. Американский паремиолог Алан Дандес (Dundes 1980) отмечал, что пословицы являются, наряду с другими формами культуры, «автобиографией народа» и «зеркалом культуры» и представляют интерес для изучения в плане реконструкции на их основе совокупного представления о мире.

Паремии существуют в любом языке и за время своего длительного функционирования образуют значительный фонд единиц. По мнению В.М. Мокиенко, пословицы и поговорки являются ядром национального сознания и постепенно становятся «мерилом духовности народа» [Мокиенко 1986: 251]. Их привлекательность для говорящих определяется значительным национальным колоритом на уровне образно-выразительных средств языка и логико-языковой структуры изречений, а также своеобразием в выражаемых идеях, т.е. установках культуры и их трактовках, наличием различных экстралингвистических причин, объясняющих появление тех или иных единиц паремии свойствами национальной культуры. Через интерпретацию значения паремий и при соотнесении их с характером прототипической ситуации обнаруживаются национально-культурные особенности анализируемых единиц. Паремии, по словам В.М. Мокиенко,

информативно двуплановы: они констатируют «различные стороны жизни» и обладают высокой степенью «кумулятивности» [Мокиенко 2001: 7].

Известный лингвист Анна Вежбицкая показывает в своей работе «Понимание культур через посредство ключевых слов», каким образом в словарном составе языков проявляется национально-маркированная специфика, позволяющая констатировать различия в ядерных ценностях культурных общностей [Вежбицкая 2001], и при этом отмечает, что одним из показателей важности слова является наличие «целого фразеологического семейства» с этим словом. Ученый пишет о возможности «распутать» целый клубок «установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д.» [Там же: 36-37]. По сути, акцент в приведенном высказывании делается на важности массива устойчивых единиц языка как источника национально-маркированной информации. Национально-специфической может быть и «разработанность словаря», и частота употребления отдельных слов, и место, занимаемое определенным концептом в той или иной культуре. Аргументируя последний тезис, исследователь приводит в пример русские пословицы, вербализующие концепты 'правда' и 'истина' [Там же: 31–33].

Фразеологический фонд национальных языков ученые, специализирующиеся в разных областях науки, по праву называют «кладовой мудрости», дающей представление о различных областях жизни социума. «Многовековой опыт культурно-исторического развития народа, носителя языка, поистине является энциклопедией его жизни» [Антонова 2020: 150]. Тот факт, что каждый народ, несмотря на универсальный в целом механизм обобщения и стереотипизации различных ситуаций, фиксируемых пословицами, «по-своему закрепляет в этих образных единицах языка систему мировидения» [Там же], позволяет ученым говорить не только о языковой, но и о паремиологической картине мира.

1.2.2. Паремнологическая картина мира как фрагмент языковой картины мира

Паремнологическая картина мира (ПКМ) понимается как фрагмент языковой картины мира, представленный пословичным фондом этноса. Языковая картина мира в целом совпадает с отражением мира в сознании людей и представляет собой наиболее широкое понятие, она отражает «наивное» мировидение народа [Савенкова 2006, Иванова 2006 и т.д.]. Пословичная картина мира отличается от языковой: «паремия, часто готовая откликнуться многочисленными вариантами передачи одной и той же идеи, оказывается весьма прихотливой и отличается избирательностью в отражении фрагментов окружающего мира» [Селиверстова, Лень Си-и 2005: 49].

Являясь неотъемлемой частью языковой картины мира, ПКМ создает особый «глобальный образ», лежащий в основе мировоззрения как нации в целом, так и каждого отдельного человека. Иными словами, это — общепринятый стереотип, выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной деятельности [Постовалова 1988: 9]. Это достаточно общее понимание паремнологической (пословичной) картины мира получает в трудах других исследователей более детальное освещение, основанное на анализе конкретного материала – см., в частности: Жуков 2004; Комова, Ломакина 2019; Леднева 2016; Савенкова 2006 и др.

Пословичная картина, реконструируемая лингвистами, складывается из множества пословичных единиц, каждая из которых является носителем доли информации, а ее значение – социально кодифицированной формой общественного опыта [Селиверстова, Лень Си-и 2005: 49]. ПКМ отражает особенности мировосприятия народов, обусловленные, с одной стороны, экстралингвистическими факторами. К ним относятся специфические черты исторического развития каждого народа, особенности материальной и народной духовной культуры, проявляющиеся и отражающиеся в мифах, поверьях, обрядах, обычаях, стереотипах мышления, национальной психологии. Ср. такие культурно отмеченные ПЕ, как *Первая жена от Бога, вторая от человека, третья – от черта*;

Первый поклон Богу, второй хозяину с хозяйкой, третий всем добрым людям; Первые щенята (борзые) царские, вторые барские, третьи псарские. С другой стороны, особенности этномаркированной паремиологической картины мира определяются характером языков, по-разному категоризирующих одну и ту же объективную действительность.

Пословица представляет собой один из весьма специфических типов единиц, участвующих в нарративизации человеческого опыта. Она является, как считает Г.Л. Пермяков, «знаком ситуации»: в ней в качестве референтного события выступает не конкретная, а типизированная ситуация, с той или иной степенью эксплицитности явленная носителю языка. Возникновение в реальной жизни аналогичной ситуации приводит к извлечению из памяти говорящих соответствующего выражения, связанного с нею ранее и ассоциируемого с нею сейчас.

Паремиологическая картина мира (ПКМ) особенно отмечена богатством стереотипных представлений народа о мире, отражением его социокультурного опыта. Она представляет собой «компактное вместилище опыта, своего рода упаковку этого опыта» [Бредис, Ломакина 2018: 119]. Паремиологическая картина мира – это мировидение особого рода, поскольку на языковое отражение окружающего накладывается еще и своеобразие вербализующих средств, которые по-особому очерчивают некоторые жизненные ситуации. В пословицах говорится об актуальном для говорящих, лаконично и выразительно формулируются выведенные из наблюдений умозаключения, проводятся аналогии между жизненными ситуациями и поведением в них человека.

Показательно обращение к русскому фразеопаремиологическому материалу исследователей – носителей иного языка и иной культуры. Этот интерес объясняется стремлением в «раскодированию» скрытого во фразеологизме или пословице знания, связанного с категориями культуры народа и конкретной страны, к которым относятся сведения исторического и географического характера, информация о климате, о душевном складе народа, об образе жизни в разные времена и др. «Культурный дискурс» может быть обращен в науку, религию,

философию, социальную сферу конкретного народа [Георгиева 2002: 108].

Пословицы и поговорки являются одним из важных факторов на пути адаптации ценностей разных народов. Вот почему не только целесообразно, но и чрезвычайно важно рассматривать изучение фразеологического и паремиологического материала как способ ознакомления с системой ценностей иноязычной культуры, как средство снятия у инофонов возможных трудностей при адаптации ценностей другого народа.

Таким образом, у каждого народа имеется своя неповторимая паремиологическая картина мира, что делает не только интересным, но и актуальным изучение совокупностей пословиц, вербализующих определенные аспекты восприятия и оценки человека и окружающего мира человеком.

1.2.3. Ценностный аспект паремиологической картины мира

Н.Д. Арутюнова отмечала, что в языке отражаются, сохраняются и передаются из поколения в поколение «лишь наиболее значимые для человека элементы культуры, лишь те, что имеют определенную ценность для него» [Арутюнова 1984: 6]. В целом, трактуя в наиболее общем виде понимание ценности, исследователь определяет ее как понятие, обозначающее культурную, социальную или личностную значимость (смысл) явлений и реальных фактов. Ценности являются фундаментальными характеристиками культуры, представляют собой «наиболее значимые для человека объекты и явления окружающей действительности, играющие роль эталонов должного и определяющие направление и содержание деятельности человека» [Там же].

В лингвокультурологии оценочный элемент в семантическом содержании языковых единиц удостоивается отдельного внимания как результат вербализации места объекта в ценностной картине мира, принадлежащей носителям языка и культуры. По мнению В.И. Карасика, ценностная картина мира отображается в языке с помощью оценочных суждений, которые согласовываются с определенными кодексами (юридическими, религиозными, моральными),

общепринятыми рациональными суждениями, типичными народными и популярными литературными сюжетами. Ценностная картина мира включает общечеловеческую, представленную универсальными ценностями, и национально-специфическую, в рамках которой квалификация объектов основана на различающихся оценках, и ценности пересекаются и сопрягаются также по-разному. Исследователь также полагает, что ценностная картина мира содержит важнейшие для определенной культуры смыслы, культурные доминанты (константы или культурные концепты), совокупность которых образует специфический тип культуры, фиксируемый в языке [Карасик 2002: 117-118].

Содержащийся в языковой картине мира, помимо когнитивного элемента, нормативно-оценочный компонент не случайно является для лингвокультурологии отдельным предметом исследования и заслуживает изучения в аспекте так называемой ценностной картины мира [Сулейманова 2017: 32]. Проявление особого интереса к предмету, пишет японский исследователь Шибутани, обусловлено именно его ценностной составляющей [Shibutani 1961:105].

Авторы монографии «Паремиология без границ», рассматривая ценность как предмет семантического анализа паремий, пишут о том, что семантические структуры номинативных единиц языка – и в том числе пословиц – являются «творением человеческого разума, продуктом ценностно-смысловой интерпретации познаваемой действительности, составляющей содержательную сущность ментальности того или иного народа» [Паремиология 2020: 103].

Акцент на ценностно-смысловой значимости фрагментов окружающего мира делает и Н.Ф. Алефиренко. О природе ценных смыслов он пишет: «Отношение человека к миру, прежде всего, определяется смыслом. Если нечто лишено смысла, оно перестает существовать для человека. Человек наделяет культурными смыслами весь мир, и мир выступает для него в своей неповторимой ценностно-смысловой значимости» [Алефиренко 2013: 10]. Ценностное основание ЯКМ обуславливает ее осмысление в качестве мировоззренческой категории, при этом содержание термина «картина мира» заметно расширяется и фактически отождествляется с понятием мировоззрения [Семененко, Кривошеев 2019].

Я.О. Сулейманова оперирует понятием «мировоззренческий образ»: для исследователя это не только осмысление мира, знание о нем, но «одновременно система ценностей, определяющая характер мироощущения, переживания мира человеком, определенная оценка тех или иных его событий и явлений и, соответственно, активное отношение человека к этим событиям» [Сулейманова 2017: 33].

Понятие оценки может быть определено как «отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям» [Якушина 2003: 7]. Это определение представляется нам оптимальным как краткое и весьма содержательное.

Пословицы представляют собой единицы, в которых ценности народа находят наиболее яркое отражение. Это определяется высокой степенью паремиологической концептуализации ценностного смысла материальных и идеальных объектов. По мнению Е.В. Ничипорчик, «источником любого знания определяется человеческое сознание, а назидательные смыслы паремий могут быть объяснены интенциональной сущностью ценностей – осмыслением ценностного смысла вещей как целей, мотивов и способов достижения желаемого» [Ничипорчик 2015: 19].

Паремиология представляет собой раздел филологии, в котором при изучении паремий – пословиц, поговорок, загадок, примет и других изречений нередко акцент делается именно на ценностной составляющей семантики единиц. В кратком образном выражении традиционных взглядов и ценностей, основанных на жизненном опыте народа, исследователи видят основное назначение паремий – пословиц и поговорок [Массальская 2016: 121].

Доминантное положение отдельных ценностей в паремиологической картине мира определяется достаточно четко – как по количеству единиц, вербализующих их, так и по разнообразию аспектов их освещения. Т.Г. Бочина, рассматривая «аксиологию возраста» в русских паремиях, отмечает в качестве составляющих базового уровня ценностей и антиценностей такие феномены, как «жизнь – смерть»,

«здоровье – болезни». Социально-утилитарные ценности (труд, работа), связаны, по ее мнению, с молодостью, а материально-утилитарные – с богатством, бережливостью [Бочина 2023: 180-181].

Значительное внимание уделяет ценностной составляющей паремии Н.Н. Семененко. Она отмечает неоднозначность подхода к стратификации ценностей, репрезентированных паремиями [Семененко 2020: 217]. Исследователь подчеркивает важность «терминологической спецификации понятия ценностного субстрата паремии по аналогии с понятием когнитивного субстрата паремического значения». В нем она видит «содержательное ядро реализации обозначенного коммуникативного намерения», ради которого паремия и привлекается – «в соответствии с паремической концептосферой, в которой структурированно представлена ценностно-смысловая архитектура онтологии культуры» [Семененко 2017: 49].

Пословицы представляются наиболее приспособленными к выражению ценностной составляющей семантики. Как пишут авторы монографии «Паремииология без границ», паремическая дидактика «заключается в формировании стереотипных оценок, суждений и алгоритмов осознания действительности», которое осуществляется в процессе «восприятия заложенных в семантике ПЕ закономерностей осознания окружающего мира», «уяснения взаимоотношений и соотношения отдельных ценностных доминант культуры» путем их проекции на собственно языковую семантику паремии [Паремииология 2020: 80-81]. Пословицы, таким образом, не просто метко и выразительно характеризуют ситуацию, дающую толчок к осмыслению ценности, а «моделируют сферу культуры» – во всем спектре разнообразных оценок и мнений. В таком случае пословица, являясь носителем ценностного содержания, выступает в качестве не номинативного, а интерпретирующего средства языка [Там же: 81]. Например, ПЕ *От приветливых слов язык не отсохнет* предназначена не столько для представления ситуации, когда говорящий не проявляет традиционной (принятой) приветливости, доброжелательности по отношению к собеседнику, сколько для отрицательной оценки подобного поведения. Вежливость,

вербализуемая доброжелательность – одна из ценностей, связанных с коммуникацией и речевой деятельностью.

Вместе с тем для характеристики ценностной составляющей пословичной семантики важно учитывать проявление ее как в отдельной паремии, так и в национальном паремиологическом пространстве в целом. При этом целесообразен подход к ценности, которая объективируется паремией, как к «когнитивной единице особого рода, тем более что современный лингвокогнитивный подход в решении спорных вопросов лингвосемиотического статуса допускает весьма широкое толкование когнитивной единицы» [Ковшова 2018: 232].

Различным ценностным аспектам пословичной семантики посвящены исследования многих современных паремиологов – Л. К. Байрамовой [2008], Е.А. Богдановой [2012], Д.Б. Кумаховой [2011], О.В. Ломакиной, В.М. Мокиенко [2018], А.И. Лызлова [2009], Н.Ю. Нелюбовой и др. [2019], Е.В. Ничипорчик [2012, 2023], Н.Н. Семененко [2010] и др.

1.3. Национально-культурные константы как единицы ментального освоения мира

Формирование отдельного направления в языкознании – лингвокультурологии, предметом изучения которой являются языковые средства, выражающие те или иные культурно маркированные постоянные величины, привело к выделению и изучению разного рода культурных констант как важного фактора речевого общения. И.В. Зыковой приводится такое понимание *лингвокультурологических констант*: по ее мнению, это базисные терминологические понятия метаязыка (или метаединицы) лингвокультурологической науки. Они обладают определенным набором свойств, «релевантных для ее формирования и функционирования как целостной системы свойств» и направлены на изучение глубинной онтологии «сложного лингвокультурологического объекта и постижения лингвокультурологической реальности в ее многогранности и многомерности» [Зыкова 2017: 144].

Исследователи А.В. Ленец и Т.В. Овсиенко пишут о *константах лингвокультуры* как о проявляющихся в повседневной жизни неких стандартах-эталонах, основное назначение которых видится в сохранении для носителей языка и культуры стабильности, возможности ориентироваться в окружающем мире и адаптироваться человеку к условиям социальной среды [Ленец, Овсиенко 2018: 62]. Лингвокультура представляет собой комплекс таких языковых единиц, заполняющих ценностно-смысловое пространство языка в процессе познания действительности.

Р.П. Мильруд, разрабатывая алгоритм «декодирования культуры» с помощью различных единиц, говорит о надежности раскрытия мировосприятия носителей культуры на материале текстов и совокупностей метафор, называемых гипертекстами [Мильруд 2013: 55]. Исследователь также отмечает, что лингвокультура располагает комплексом языковых единиц, которые составляют ценностно-смысловое пространство языка в процессе познания действительности. Исследователь выделяет «культурно наполненные языковые знаки», которые соотносятся не просто с объектами и процессами окружающего мира, а с явлениями культуры в социальной среде [Там же: 43]. Такие единицы подлежат дешифровке информации, которая в них закодирована.

Обращаясь к проблеме констант в области гуманитарных наук, исследователи отмечают, что, во-первых, «константы реализуются в повседневной жизни в совершенно различных формах, аспектах, актах». Во-вторых, эти единицы составляют ценностно-смысловое пространство языка в процессе познания действительности [Костина 2017: 197]. В-третьих, «будучи мировоззренческими элементами культуры, константы опираются на вековые, наиболее обобщенные культурные традиции», соотносятся с широким спектром конкретных исторических ситуаций и «обеспечивают в целом устойчивость культурной системы независимо от изменений социальной жизни» [Там же].

Устойчивые единицы любого языка уже за счет своих признаков – устойчивости, известности и общественной «санкционированности» (термин Яна Мукаржовского), яркой национально-маркированной образности – могут быть

отнесены к национально-культурным константам, входящим в фоновые знания носителей культуры и постепенно постигаемым теми, кто в эту культуру погружается. В них репрезентируются типичные жизненные ситуации и коллизии, достаточно ощутимо выражается отношение к представленным событиям, их оценке [Шуян Сунь, Селиверстова 2018: 47]. Ср.: *сесть в лужу; Пошел по волоса, а вернулся остриженным; Метил в ворону, а попал в корову; В дождь крышу не кроют, а в ведро и сама не каплет* и др.

В.А. Маслова отмечает, что константами становятся наиболее актуальные и ценные для данной культуры явления действительности, которые «имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов». Они являются своего рода символами, эмблемами, определенно указывающими на породивший их текст, ситуацию, знания» [Маслова 2004: 28]. Для нас особенно важно в данном определении, что к носителям «культурной памяти народа» причисляются и устойчивые единицы, в том числе паремии.

Национальные отличия в паремиологических единицах наиболее ярко проявляются при сравнении данных разных языков, демонстрирующих, как в пословичной картине мира носителей проявляется своеобразие национально окрашенного восприятия человеком окружающего мира и отношение к нему. Не случайно с таким вниманием в последние годы исследователи относятся к возможности изучения семантики паремий как «сложных знаков языка и культуры» (термин Н.Н. Семененко) на фоне материала других языков.

Так, для носителей русской культуры представление о спесивом, чванливом человеке традиционно связывается с образом чрезмерно поднятой и даже запрокинутой головы (задранного носа как ее части): *С висока полета вскружится голова; Не гляди высоко: запорошишь око* и др. Эталон «высота, высокое» становится в ПЕ символом высокомерия, причем напрасного, порицаемого, на что указывает по-разному вербализуемая «опасность» неприятных последствий: *Не закидывай головы: спотыкнешься; Сатана гордился, с неба свалился; Выше носа плюнешь, себя заплюнешь; Спесивый высоко мостится, да низко садится; Высок*

каблук, да подломился набочок и т.д. [Шан Вэньцин 2022: 110-111].

Исследователи, анализирующие языковой, и в том числе – паремиологический материал, используют в своих трудах термины и понятия, позволяющие показать особенности мировидения, проявляющегося в языке. Ниже мы остановимся на некоторых из них.

1.3.1. Лингвокультурные коды: определение и классификации

Понятие кода широко используется в гуманитарных и технических науках, а термин «*лингвокультурный код*» уже вошел в терминологический аппарат лингвокультурологии. Основанием для этого послужило осознание и признание того, что культура и язык в их взаимосвязи — структура, сильно влияющая на индивидуальную и общественную жизнь каждого человека. С точки зрения Е.В. Королёвой, термин *лингвокультурный код* в сравнении с терминами *культурный код* и *языковой код* в сфере лингвистики наиболее удачен, поскольку «в нем подчеркивается равноправие изучения культурных и языковых феноменов» [Королёва 2015: 338]. «Лингвокультурный код появляется в результате вербализации культурных кодов», обретающих языковую сущность, такое «распредмечивание ведет к декодированию кодов культуры» [Иванова, Чанышева 2010: 75], что способствует более широкому их распространению.

Ю.М. Лотман считает, что язык и культура носят знаковый характер, их можно рассматривать как онтологически однородные явления и включить язык в систему культурных кодов. Более того, с позиций семиотики культуры, язык представляет собой базовую, ядерную знаковую систему этнокультуры, над которой надстраиваются все остальные знаковые системы данной культуры как вспомогательные, вторичные моделирующие системы [Лотман 1994].

По мнению В.А. Масловой, в культуре формируется и широко функционирует обширная парадигма образов, выполняющих знаковую функцию, которые в семиотике культуры называются культурными кодами [Маслова 2023: 61], т.е. образы в паремиологических единицах являются, по сути, проявлением

культурных кодов. В.И. Карасик также подчеркивает сущность языковой картины мира, сложившейся в «сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании» [Карасик 2002: 105].

Е.Л. Березович полагает, что код культуры представляет собой закрепленную в символической форме информацию о мире, имеющую лингвокультурную маркированность. Содержание этой информации определяется не столько «фотографированием» действительности, сколько субъективно-наивным мировосприятием носителя традиции, имеющим этническую, социальную, культурную подоплеку [Березович 2007: 9].

Попытка конкретизации содержания термина «код культуры» сделана исследователем А.И. Кравченко – им код культуры трактуется как «совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов». Они используются для передачи, обработки, хранения и запоминания информации в качестве регулирующих правил, «кодов, устанавливаемых по соглашению между носителями одной и той же культуры» [Кравченко 2001: 241]. Подчеркнем здесь важность конкретизирующего признака, отмеченного исследователем, а именно: *функцию регулирующего правила*, что имеет самое непосредственное отношение к пословицам.

Р. Барт понимает коды культуры как сгустки культурного опыта коллектива, фрагменты памяти культуры, культурные тенденции (мотивы), культурные прецеденты, приобретшие сконцентрированный, иконический характер. Они формируют знаковую систему, которая «служит моделью для осмысления явления культуры, природы и бытия в целом» [Барт 1994: 284].

Как пишет Р.М. Фрумкина, «не прибегая к знаковым средствам категоризации, мы не можем создать картину мира, совершенно необходимую для собственного функционирования в этом мире в качестве человека разумного» [Фрумкина 2003: 97]. Сами категории формируются в нашем сознании спонтанно – в соответствии с конкретными требованиями окружения, среды. При этом «любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для

выражения культурно значимых понятий и отношений» [Там же].

В.В. Красных приводит следующее образное понимание культурного кода как способа категоризации мира: это «“сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует и структурирует, и оценивает его» [Красных 2002: 232]. Освещая лингвокультурологический подход к фразеологии и участие фразеологии в категоризации концептосферы культур, М.В. Ковшова трактует культуру «как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания», и кодов, для передачи которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов [Ковшова 2012: 170].

Если В.В. Красных назвала 6 базовых кодов – духовный, телесный, пространственный, временной, предметный, биоморфный, то авторы «Большого фразеологического словаря» под руководством В.Н. Телия выделили пятнадцать кодов культуры, не претендуя при этом на конечность списка. Классификация в словаре охватывает следующие коды: антропный (собственно человеческий), зооморфный, растительный, природный, артефактно-вещный – при этом отдельно выделен вещно-костюмный, гастрономический, архитектурный код, духовно и / или религиозно-антропоморфный, религиозно-артефактивный, временной, пространственный, количественный (числовой), цветовой и телесный (соматический) [Кузнецова 2022: 46-47]. «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [БФСРЯ: 13].

В.Н. Телия считает важным отметить, что кодом культуры считается «таксономический субстрат ее текстов», к которым относятся и многочисленные устойчивые единицы языка. Он представляет собой «совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [Телия 1999: 20-21].

Культурный код – это «ключ к пониманию определенного типа культуры, уникальные культурные особенности», унаследованные этносом от предков [Паршукова 2015: 105]. Это, однако, не исключает отдельных совпадений как в характере категоризации окружающего мира, так и в способах вербализации кодов различных культур, что может быть обнаружено и на материале паремий и фразеологизмов. По шкале «сходство-различия» могут быть выявлены отношения тождества, неполного тождества и различия [Райхштейн 1980: 24]. Это естественно, поскольку разные культуры в ходе истории естественным образом сталкиваются и взаимодействуют, оказывая друг на друга взаимное влияние, оставляя свои «следы». Степень сходства и различия кодов отражает степень общности и расхождения культур народов [Мамонтов, Морослин 2016: 142].

Паремия выступает в качестве этноязыкового носителя ценностно-смыслового содержания, т.е. «не столько в качестве номинативного, сколько интерпретирующего средства языка» [Паремиология... 2020: 104]. Код культуры не случайно назван кодом, он требует расшифровки, т.е. извлечения из паремиологической единицы специфического содержания, культурного контекста, определяемого мировосприятием народа, свойственным ему в определенный период нравственным кодексом, историей и т.д. [Степанова 2012: 187].

Паремии, вербализуя идеальные артефакты – языковые образы, символы, знаки и в целом – «результаты эвристической деятельности всего языкового сообщества» [Георгиева 2012: 219], представляют собой богатейший материал для наблюдений.

1.3.2. Стереотипное представление и установка культуры в качестве национально-культурных констант

Термин «стереотип», связываемый исторически с именем У. Липпмана, касается не только сферы лингвистики. В настоящее время им пользуются в рамках различных наук и дисциплин – социологии, этнографии, когнитологии, психологии, лингвистики и т. д. Представители каждой из наук «выделяют в стереотипе те его

свойства, которые они замечают с позиций своей области исследования, а потому выделяются социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные стереотипы и т. д.» [Маслова 2023: 108].

Речь может идти о стереотипах поведения, которые тоже зафиксированы в языке, – не случайно оценка поступков и манеры поведения нередко осуществляется в модальности «так не делают, не принято делать». Нас же интересуют языковые единицы и вербализуемые ими стереотипные представления, рассматриваемые как проявления культуры.

Лингвокультура каждого народа располагает целым рядом «универсальных высказываний» и прецедентных текстов, составляющих культурный контекст и понятных среднему носителю языка [Степанова 2012: 188]. Сюда включаются правила этикета, формулы вежливости, оценочные значения слов и разного ранга ценности. Так, Ю.В. Степанова называет, помимо общечеловеческих ценностей и ценностей, свойственных определенному типу цивилизации, – ценности, характеризующие определенный этнос [там же]. Познавая мир в процессе общения с представителями определенного народа, человек, таким образом, усваивает стереотипные представления и поведенческие стереотипы, постигает ценностные доминанты, этические и утилитарные ценности.

Стереотипные представления выражают в своем содержании пословичные единицы. Представляя собой один из наиболее ярких относимых к прецедентным [Семененко 2011: 3] типов текста, пословица входит, наряду с афоризмами, крылатикой, идиоматикой, «в гиперпространство культуры не только на уровне цитат [в тексте], но и на уровне концептуальной основы авторской идеи, и, с другой стороны, образуют весьма обширный фонд, служащий источником для разного рода прецедентных ссылок» [Семененко 2011б: 19]. Паремия рассматривается как прецедентный текст именно благодаря заключенному в ней суждению, на которое принято ссылаться в подкрепление выражаемой говорящим идеи, при описании какой-либо достаточно типичной ситуации. Таким образом, смысл пословицы является социально санкционированным, а идея – разделяемой говорящими.

С точки зрения когнитивистики, языковое сознание определяется как «совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании» [Попова 2007: 45]. Образы, формирующиеся в языковом сознании, оформляются, по мнению И.В. Приваловой, «с помощью языковых средств, отражающих перцептивные и концептуальные знания языковой личности о культурных предметах реального мира. При этом данный процесс объективирован той реальной ситуацией (экологией), в которой он происходит» [Привалова 2003: 96]. Т.е. за сформировавшимся в коллективном сознании стереотипом стоит исторический контекст той или иной протяженности, который сопряжен с психологическим процессом когнитивного свойства – стереотипизацией. Стереотип при таком рассмотрении предстает как концептуальная единица (ментальное образование, когнитивная структура). Поскольку «стереотипы могут формироваться в любой области человеческого знания, <...> стереотип, выступая регулятором социального поведения, является и когнитивным стереотипом» [Пищальникова 1999: 166]. Исследователь, как видим, включает в определение стереотипа его способность служить «регулятором социального поведения», что непосредственно касается паремики, выполняющей во многом предписывающую функцию.

По мнению В.В. Красных, стереотип, *стереотипное представление* – это структура ментально-лингвального комплекса, формируемая «совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей» [Красных 2002: 231]. Исследователь видит в стереотипе «некоторое “представление” фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную “картинку”, являющуюся результатом отражения в сознании личности “типového” фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных 2002: 178].

Многие современные исследователи опираются на определение стереотипа, данное Ежи Бартминским в монографии «Языковой образ мира»: это «представление, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта

и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как выглядит, действует, как воспринимается человеком, это представление воплощается человеком в языке, доступно через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [Бартминский 2005: 15]. Это совокупное «субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей» [Там же: 48]. Нельзя не подчеркнуть важность отмеченных ученым не только внешних признаков, входящих в стереотип, но и его оценочных и интерпретирующих характеристик.

М.Л. Ковшова четко определяет, что дает нам основания говорить о стереотипе применительно к фразеологической единице: «Мы говорим о стереотипе, если образное описание какой-л ситуации во фразеологизме согласуется с устойчивым представлением об образце каких-л действий, и это представление закреплено в культуре, подтверждено ее фактами» [Ковшова 2009: 33].

Стереотипные представления составляют важнейший элемент пословиц, входящих в паремиологический фонд национального лингвистического сообщества. Именно это делает пословицы привлекательным и перспективным объектом анализа при выявлении установок культуры и стереотипных представлений, типичных для определенного этноса. Такой подход реализуется в трудах, обращенных к устойчивым единицам языка как вербальным знакам культуры: А.С. Алешина [2019], Е. И. Зиновьевой [2013, 2014, 2018, 2022 и др.], М.Л. Ковшовой [2009; 2019а; 2019б и др.], в работах В.В. Красных [2002], Л.Б. Матевосян [2017], Е.И. Селиверстовой [2019а, 2019 б, 2020 и др.], Ван Исюань [2022], Ма Сянфэй [2017] и др.

В работе В.Н. Телия «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» указывается на ценность фразеологических единиц как обладающих культурно-национальной коннотацией. Исследователь указывает на культурно-человеческий фактор как определяющий формирование фразеологизмов и отмечает проявление в них эталонов и стереотипов

национальной культуры [Телия 1996: 271].

При анализе лингвокультурного потенциала языковых единиц – и в том числе устойчивых единиц языка – многие из сформулированных в поговорках и пословицах идей рассматриваются в терминах «установок культуры». Это один из важных терминов понятийного аппарата лингвокультурологии.

Е.О. Опарина отмечает, что «этот термин – один из наименее определенных и поддающихся формализации» [Опарина 2004: 53]. В.Н. Телия понимает под *установками культуры* «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» [Телия 1999: 18].

По мнению В.А. Масловой, установки культуры – это имеющиеся у каждого народа определенные идеалы, которые «вырабатываются на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывается в социальной памяти и формирует установки» [Маслова 2023: 50].

Определяя первоочередные задачи, стоящие перед лингвокультурологией, Л.М. Ковшова писала о важности разработки методологических предпосылок, на основе должен быть разработан метаязык лингвокультурологии, «понимаемый как ключевые термины для решения новых задач: культура, установки культуры, текст культуры, тезаурус культуры, символический язык культуры и др.» [Ковшова 2012: 55].

Как видим, *установки культуры и стереотипные представления* – это термины-«инструменты», используемые учеными при проведении лингвокультурологического исследования.

1.4. Речь как вид деятельности и проявление антропоморфного культурного кода

При написании данного раздела использовались материалы опубликованных автором диссертации статей: [Сюй Яо 2023б, Сюй Яо 2023г].

Речь (слово, язык, говорение) – один из самых важных видов деятельности. Как пишет В.В. Красных, «осознание многомерности бытия человека говорящего»

сделало центральным в современных исследованиях «неслиянное единство “человек – язык – культура – лингвокультура – сознание – коммуникация – сообщество”» [Красных 2012: 345]. По словам О.В. Ртищевой, в «антропоцентристской гуманитаристике» субъект выступает «в качестве доминанты пространства человеческой деятельности», и феномен языковой личности является в лингвокультурологии центральным [Ртищева 2021: 153]. Язык и его использование, т.е. речевая деятельность, являются необходимым условием познания и отражения человеком окружающей действительности.

Речь – это очень емкое понятие, включающее ‘механизм для порождения и восприятия речи’, ‘речевой акт’ и ‘речевое произведение’, ‘речевое взаимодействие’ [Гутовская 2007: 63]. Язык в системе выражаемых им значений «фиксирует знания и опыт языкового коллектива, картину мира говорящего на нем народа» [Там же]. Через речевую деятельность человек приобретает знания, усваивает информацию и транслирует ее [Ксенофонтова 2012: 164]. «В языке до нас, – пишет Ю.С. Степанов, – запечатлено многотысячелетнее познание мира» [Степанов 2001: 921].

Язык и речь полифункциональны. Очень важной считается отмечаемая исследователями функция языка и речи как «способа передачи установок говорящего» [Гутовская 2007: 63], что непосредственно касается пословиц, являющихся выразителями ненаучного знания – мировидения. Мировидение становится для современного человека эталоном «правильных представлений» [Апресян 1995: 58], которыми он нередко подкрепляет свои суждения.

Речь – это средство коммуникации, которое делает возможным социализацию члена общества: «в коммуникации человек живет и являет себя как личность», впитывает в себя культуру и лингвокультуру [Красных 2012: 346]. По А.Н. Леонтьеву, человек всегда включен в совместную деятельность, даже если он фактически наедине с собой [Леонтьев 1961: 14].

Язык, с одной стороны, является средством и способом объективации лингвокультурных реалий определенной нации, ее культурного кода [Хомякова 2014: 5], но, с другой стороны, и сам он является объектом анализа для выявления

«этнических стандартов диалогического взаимодействия» носителей языка, норм речевого этикета, традиций общения и т.д. Язык как код культуры при таком подходе «является не столько зеркалом души народа, сколько зеркалом культуры, своеобразие которой он моделирует» [Там же: 4].

Как и всякая иная деятельность, реальная конкретная речь, высказывание человека является «специфической деятельностью, которая исходит из тех или иных мотивов и преследует определенную цель» [Рубинштейн 1973]. Это позволяет судить по речи о самом человеке, его характере, воспитании, намерениях и амбициях, о его самооценке.

Рассматривая ценностный план коммуникативной личности, Е.В. Косинова отмечает, что в набор оцениваемых характеристик речи входят нормы поведения, закрепленные в нравственном кодексе народа, отражающие «историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком», – такие как правила этикета, проявление воспитанности, коммуникативные стратегии вежливости, паралингвистические средства общения и др. [Косинова 2011: 183-184].

Речь служит способом передачи разнообразных прагматических смыслов, которые намеренно или не вполне осознанно вербализуются говорящими. При этом нельзя не признать важности не только содержания речи, но и формы, в которой осуществляется речевой акт, и обстоятельств общения.

Устойчивые единицы со значением речи «всегда обращены на субъекта», они призваны называть тот или иной вид его речевой деятельности и, что более важно, «определенным образом интерпретировать его, дать ему оценку» [Зуева 2003: 82]. Поэтому речь способна характеризовать с разных сторон и саму языковую личность. Способы представления речи в паремике, мысли о ней могут быть этноспецифическими и отображать своеобразие мировосприятия определенного языкового коллектива и особенностей его культуры [Гутовская 2020: 212].

Многочисленные пословицы, вербализующие взгляд носителей языка и культуры на человека говорящего, свидетельствуют о важности речи и ее способности давать представление о нормах речевого поведения и этикета, реализовать различные коммуникативные стратегии, выражать оценки,

характеризовать общечеловеческие ценности.

Номинативная плотность пословиц о «слове», «языке», «речи» (к нашему исследованию привлечено в целом около 1200 единиц), также свидетельствует о важности концепта «РЕЧЬ (СЛОВО)», вербализуемого этими лексемами, активно выступающими в качестве компонентов ПЕ. Речь – это одна из доминантных ценностей в русской языковой и паремиологической картинах мира. Этим объясняется тот факт, что исследователи не обошли характеристику речи своим вниманием.

Так, С.А. Еремина и А.П. Орлова характеризуют стереотип «речевая деятельность» во фразеологических единицах, отражающих народное языковое сознание, и выделяют положительные характеристики речевой деятельности, закрепленные в речевой практике представления о языке и разные значения слова *язык* [Еремина, Орлова 2009: 70-71]. Авторы приводят свое понимание культурных стереотипов: они существуют в сознании представителей той или иной культуры в широком и узком смысле, несут в себе «потенциал изучения предсказуемого поведения людей, регулируемого некими скрытыми системами» [Там же: 68].

Серьезное внимание уделили концепту «Речь» А.Б. Татиева и Г.С. Суюнова, отведя речи важное место в антропоцентрической парадигме и определившие речь как «исторически сложившуюся форму общения людей» с использованием языковых конструкций на основе определенных правил, предполагающую формулирование мыслей языковыми (речевыми) средствами и их восприятие и понимание [Татиева, Суюнова 2015: 325]. Анализируя выбранную предметную область, исследователи отмечают, что «специфика концепта как раз и определяется числом культурно значимых обыденных представлений – обиходных концепций, разделяемых членами какого-либо этноязыкового социума» [Там же]. По их мнению, «концепциеобразующие признаки семантики языка-речи» представлены в пословицах «невычлененно и синкретично», а их выделение достаточно проблематично [Там же: 326]. Однако в ряде пословичных единиц сущностная семантика речи представляется более очевидной. В используемой нами терминологии «обиходным концепциям» соответствуют «установки культуры» и

«стереотипные представления».

В статье «Концепт “говорить”, “сказать” в русских говорах Сибири» А.Н. Ростова обращается к диалектным употреблениям двух глаголов, обнаруживающих значительное своеобразие в семантической структуре в сравнении с общерусскими вариантами лексем. Важным в свете темы нашей работы является спектр значений глагола *говорить* – ‘выражать в устной форме речи какие-то чувства, сообщать что-либо’, ‘вести беседу, разговаривать’, ‘владеть устной речью’ и др., различающихся по частотности употребления. Отдельные значения слова «говорить» в диалекте обозначают разные виды речевого действия: осуществление устной речи, перформативного акта, выражение интенции, акт референции; обозначение словом – номинацию. Анализ контекстов позволил автору прийти к убедительному выводу о различиях концептуального содержания глаголов «говорить» и «сказать». *Говорить* – ‘выражать свои представления о мире’. *Сказать* – ‘адекватно отразить мир и собственные намерения’ [Ростова 2002: 106, 110].

В работе «“Народная лингвистика” в русских пословицах и поговорках» М.Р. Шумарина, рассматривая пословицы как потенциально полимодальные единицы, способные реализовать разные значения, отмечает, что то или иное значение выступает на первый план в зависимости от характера коммуникативной ситуации [Шумарина 2014: 100]. Автор отмечает, что пословицы «обобщают знания о коммуникативном поведении, выражая одновременно и его разноаспектную оценку», фиксируют наблюдения над фактами языка и «своеобразные инструкции о правилах поведения», например: *Не спеши языком, торопись делом* [Там же: 98]. В понятие «народные представления» включаются и «наблюдения над отклонениями от нормы», и проявления типичного поведения людей – в частности, женщин – в отличие от мужчин; манипуляторов и др. Нельзя не согласиться и с выводом, к которому приходит автор в отношении метаязыковых пословиц: они нередко содержат противоположные мнения.

Таким образом, язык есть определяющее свойство культуры и человека – как ее носителя и представителя. *Язык, речь, слово* – это понятия, неразрывно

связанные с сущностью человека, они номинируют одну из неоспоримых ценностей русской культуры и ментальности. Языковую личность можно характеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения [Ртищева 2021: 152] – и то, и другое получает разноаспектное освещение в паремиях как единицах народного сознания. Это делает пословичный материал, в котором вербализуются стереотипные представления о речи и установки культуры (прескрипции), ярким примером проявления антропоморфного культурного кода. Речь во многом свидетельствует о своеобразии национального характера.

Выводы

Подведем некоторые итоги. В системе выражаемых языковыми единицами значений закрепляются знания и опыт социума, отражается видение мира носителей языка и культуры. Идея взаимосвязи языка и культуры, взятая современными исследователями на вооружение, сейчас определилась в основных позициях, определениях, терминах, методах изучения. Задачей лингвокультурологического исследования, основанного на признании несомненной связи культуры этноса и языка как средства ее проявления, состоит в выявлении квантов информации, в которых отмечается культурно-языковая специфика.

Язык есть определяющее свойство культуры и человека как ее представителя. По этой причине важным видится изучение языковой картины мира, репрезентирующей с разных позиций восприятие и оценку носителями культуры важнейшего вида человеческой деятельности, а именно – речи, особенностей ее производства, восприятия и функций. О важности речи свидетельствует как значительное количество лексических единиц с семантикой ‘речь, говорение’, так и огромный массив пословиц разной структуры и различной прагматической направленности.

Пословичная картина мира, являясь объектом пристального внимания исследователей как часть языковой картины мира, имеет, однако, весьма важное

преимущество: она не номинирует отдельные предметы и явления, а воссоздает типичные жизненные ситуации и вербализует вытекающие из их оценки говорящими прескрипции и стереотипные представления. Через пословицы как «единицы обыденного сознания» возможно постижение образа мыслей народа, национально маркированных приоритетов и ценностей. Именно это делает столь востребованным пословичный материал при изучении этномаркированных констант, заполняющих ценностно-смысловое пространство языка.

Национальная специфика любой культуры проявляется и в повседневном общении, в разговоре, которые если не регламентируются строгими и обязательными для всех членов социума правилами, то рассматриваются и оцениваются сквозь призму установок культуры, оформившихся в коллективном сознании и вербализованных в виде пословичных единиц.

Пословицы отмечены большим эвристическим потенциалом и служат материалом для разработки лингвокультурологии, лингвистической аксиологии и других научных направлений. Обращение к русским пословицам, вербализующим взгляд на жизненно важные сущности, к каковым принадлежат язык и речь, является надежным способом получения информации не только об этом фрагменте языковой картины мира, но и о самом человеке, его характере, поведении и поступках.

Народная аксиология проявляется в оценке как разных сторон речи, так и в целом человека говорящего – с точки зрения его намерений и отношения к людям, соблюдения им правил общения и норм общепринятого поведения.

Декодируя коды культуры, вербализованные средствами русского языка, исследователь имеет возможность почувствовать своеобразие культуры и языка иного этноса. Это, безусловно, касается и речевого культурного кода – с его разнообразием используемых устойчивых единиц, многоаспектностью освещения речи и выражаемых оценок.

ГЛАВА 2. СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РЕЧИ В ПОСЛОВИЦАХ И В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

2.1. Компоненты-вербализаторы концепта «Речь» в русских пословицах

Данный подраздел работы написан с использованием материалов опубликованных ранее статей [Сюй Яо 2021; Сюй Яо 2022].

Человеку – и, конечно, человеку, понимаемому как коллективная языковая личность, т.е. совокупность всех говорящих на языке, – свойственно моделировать в языке действительность по неким «лекалам» [Гридина, Пятинин 2003: 6], которые проявляются в характере номинативной деятельности, в мотивации, дающей толчок для образования единиц языка и их дальнейшей интерпретации. Взаимодействие языковой личности с другими говорящими людьми приводит к формированию определенного круга языковых единиц – лексикона, обеспечивающего носителям языка возможность понимания как темы высказывания, так и его смысла – обобщенного или ситуативно обусловленного. Не случайно ученые относят к единицам паремиологического пространства не только цельные пословицы, но и типичный для них лексический состав – слова, связанные «отношениями тематической однородности» [Селиверстова 2017: 103]. В нашем материале, это, например, такие слова, как *речь, беседа, разговор, слова, басни, говорья, голдовня* и др. Некоторая семантическая «дистанция» между словами, привлекаемыми в качестве компонентов ПЕ, не мешает им участвовать в выражении разнообразных смыслов, связанных с характеристикой речи. Ср. глаголы *говорить, галдеть, толковать, болтать, сболтнуть, лепетать, беседовать, сказать, сбрехать, баять, молвить, талдычить* и т.д. Некоторые из них являются типичными именно для пословиц, что позволяет Е.И. Селиверстовой отмечать «санкционированность» определенной лексики паремиологическим пространством [там же: 65], хотя отдельные составляющие этого массива слов представлены в паремике с разной степенью частотности. Так, например, в одном из разделов собрания В.И. Даля «Пословицы русского народа», а именно «Язык – речь», где представлен внушительный массив единиц о речи, изречений с

компонентом *язык* насчитывается 86, с компонентами *слово, словцо, словечко* и *словá* – около 50, в то время как с компонентами *речь, речи* – лишь 13.² В это количество нами не включены сравнения и поговорки, не имеющие структуры законченного суждения – такие, как *не дощется слова; у него слово слову костыль подает; говорит, что клеит; говорит, что клещами на лошадь хомут тащит* и т.д.

Речевые ситуации, репрезентируемые в пословичных единицах как отдельные сцены, или «картинки» из жизни, представлены с различных сторон и, как мы покажем ниже, с привлечением языковых единиц разного лексико-грамматического статуса. Обратимся в первую очередь к компонентам-именам существительным.

2.1.1. Номинация речи с использованием компонентов-существительных

Паремии с компонентом *язык*

Среди паремий насчитывается большое количество единиц, содержащих компонент *язык*. Для данного исследования особый интерес представляют ПЕ, в которых *язык* обозначает не просто «орган человека, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей, орган речи» [СРЯ.4: 780], а в соответствии со вторым значением, приведенным в Малом академическом словаре, трактуется как ‘способность говорить, выражать словесно свои мысли’ [Там же]. Приведем примеры: *Язык языку вести подает; Язык на замок не запрещь; Язык впереди ног бежит; Два запора – губы да зубы, а языку удержи нет; Язык не стрела, а пуще стрелы; Всякая сорока от своего языка погибает; К старости зубы тупее, а язык острее* [Жиг.: 294-295]³ и др.

В ПЕ *Язык голову кормит, он же и спину портит (и до смерти / до беды доводит)* [БСРП: 1013] реализуются два значения слова *язык*: *язык* как ‘орган,

² Если следовать другим пословичным источникам – в частности, «Большому словарю русских пословиц» под ред. В.М. Мокиенко, то количественные показатели будут иными (см. совокупные данные о количестве привлеченных к анализу единиц).

³ Примеры, почерпнутые из одного источника, сопровождаются одной ссылкой на него, если номера страниц совпадают.

участвующий в приеме пищи человеком’, и язык как ‘способность говорить’, которая может навлечь на говорящего большие неприятности. Ср. ПЕ *Язык мой – враг мой (наперед ума лепечет)* [Д.2: 279]. Однако здесь не исключается и еще одна трактовка: язык способен накормить человека, участвуя в работе пищеварительной системы, но важно и участие в коммуникации, поскольку человеку без вербализации своих намерений трудно решать жизненно важные проблемы и удовлетворять свои потребности; ср. *Язык до Киева доведет* [Жиг.: 294].

ПЕ *Самое сладкое – язык, самое горькое – язык* [Жиг.: 295] также допускает несколько прочтений: *буквальное*, поскольку как сладкое на вкус, так и горькое можно распробовать только языком благодаря вкусовым рецепторам; *переносное*, так как и приятное для слушающего, и неприятное выражается на языке – и это, безусловно, связано с речью, и с использованием языка как части артикуляционного аппарата человека.

В общей сложности изречений с компонентом *язык*, говорящих именно о речи, насчитывается в русском языке более 200 – такое количество ПЕ, собранных по принципу первого входящего в состав изречения существительного, содержится в «Большом словаре русских пословиц». ⁴

Паремии с компонентами *слово, словцо, словечко и слова́*

Массив пословиц с компонентами *сло́во, словцо, словечко* и *слова́* весьма значителен, однако нас интересуют в первую очередь значения, связанные с представлением о речи как процессе говорения, способности говорить и выражать свое намерение и трактуемые в Малом академическом словаре следующим образом: *Слово – 2. только ед. ч. Речь, язык. 3. ед. ч. в том же знач., что и мн. ч. Высказывание, словесное выражение мысли, чувства и т.п. [СРЯ.4: 139-140]. Слово – серебро, молчание – золото.*

Приведем примеры: *Слово не стрела, а сердце насквозь разит; Слово выпустишь, так и вилами не втащишь; Блюда хлеб на обед, а слово на ответ; Кто*

⁴ Всего в этом собрании пословиц приведено с компонентом *язык* 234 единицы, из которых более 40 приводится в тексте данной работы.

слова не боится, тому и плоть не страшна; Худого слова и бархатным медом не запьешь; Лучшие споткнуться ногою, нежели словами [Жиг.: 223-224] и т.д. Нельзя не заметить, что паремии с компонентом *слово* перекликаются в своем содержании и даже построении с ПЕ, содержащими компонент *речь*: *Слова хороши, если они коротки* (ср. *Хороша веревка длинная, а речь короткая*). В ПЕ *Доброе слово* *лучше мягкого пирога* и *Добрая речь, что в избе печь* – акцент делается на позитивной оценке сообщаемой информации, и компоненты *слово* и *речь* здесь синонимичны.

Общее количество паремий с этими компонентами *слово*, *словцо*, *словечко*, *слова́* в разных их формах, согласно словарям, насчитывает, как мы уже сказали более 500 единиц, т.е. более 30% от общего массива ПЕ о речи.

Паремии с компонентом *речь*

Во-первых, в ПЕ указывается на сам **акт говорения, общения** – и здесь весьма важным оказывается компонент *речь*, называющий **процесс, конкретный вид деятельности** – мы как будто видим субъекта речи, окруженного участниками коммуникации, слушающими его; ср.: *Речь красна слушаньем* [СНМ]. Компонент *речь* в русских пословицах выступает в разных значениях. Чаще других обнаруживаются следующие значения: ‘способность говорить, выражать словами мысль’ (*Речь вести – не лапти плести*), ‘язык, свойственный кому-либо, манера говорить’ (*Красна речь поговоркою*), ‘слова, разговор, то, что говорят’ (*Язык мой, а речи не свои говорю; Глупые речи, что пыль на ветру*), ‘публичное выступление’ (*Хороша веревка длинная, а речь короткая*) [СРЯ.3: 713-714]. Ср. также: *Красно поле рожью, а речь ложью* (красным словцом).

В паремике важен и метонимический перенос, весьма типичный для ПЕ с использованием лексемы *речь*. Так, в пословице *Речи как снег, а дела как сажа* под компонентом *речи* подразумевается не сам факт говорения, а ‘содержание’ произносимой реплики (текста), выраженное прямо или косвенно. Не случайно этот компонент сопровождается в ПЕ акцентирующими этот смысл определениями; ср.: *Умные (Хорошие) речи приятно и слушать; Глупые речи, что пыль на ветру; Лихих речей не переслушаешь; Пустые речи и слушать неча; Похвальные речи*

всегда гнилы; Льстивые речи душу калечат [БСРП: 754-755] и т.д. Человека характеризует не столько внешнее оформление речи, сколько ее содержание: *По речам можно человека узнать; Какова речь, таков и склад* [БСРП: 754]. Косвенно указание на содержание речи человека дается и в ПЕ *На свашенькиных речах хоть садись да катись (хоть выпись)* [БСРП: 754], где, казалось бы, нет прямых характеристик, однако культурный типаж «сваха» ассоциируется у носителей русского языка с обилием хвalebных слов в адрес предлагаемых ею в супруги невесты или жениха.

В составе паремий компонент *речь* – один из весьма активных и входит в более чем 100 выражений – это около 7% от общего количества ПЕ, содержащих именные компоненты с семантикой речи.

Паремии с компонентами *разговор* и *беседа*

Еще один разряд единиц, принимаемых нами во внимание, это ПЕ с компонентами-существительными *разговор* и *беседа*. Компоненты *беседа* и *разговор* – часто синонимичные – указывают на протекающее между двумя или более говорящими общение на определенную тему, предполагающее сообщение сведений, обмен информацией и мнениями: *Разговор дорогу коротает; Разговорами щи не сварить; Из разговоров о меде сладко во рту не будет* [БСРП: 745]; *Лошади узнают друг друга по ржанию, а люди — по разговору; Красен разговор, да не спор* [Жиг.: 196] и т.д. Компонент *разговор* в сравнении с глагольным компонентом *говорить* существенно проигрывает и насчитывает около 30 ПЕ.

Почти такое же количество паремий насчитывается и с компонентом *беседа*. Ср.: *Беседа не без красного словца; Беседа найдет соседа; И невелика беседа, да честна; В чужой беседе всяк ума купит* [Жиг.: 17]; *Сладка беседа, да голодна* [Д.2: 19]; *Звон не молитва, крик не беседа* [Д.2: 26] и др.

Другие компоненты паремий, называющие акт речи, говорение

Помимо названных, в состав пословиц входят в незначительных количествах следующие компоненты:

– *болтовня, болтовство* (ср. *болтать*) – *Болтовня может стоить жизни* [Жиг.: 22]; *Болтовня и красна, и пестра, да пуста; Болтовство – не ремесло* [БСРП: 83];

– *голдовня* (ср. *галдеть*) – *Вощина – не соты, голдóвня (болтовня) – не толк* [БСРП: 159]; *Кто голдобней, кто молчанкой* [БСРП: 186];

– *ответ* (в значении ‘вербальная реакция, отклик’) – *Блюди хлеб на обед, а слово на ответ!* [БСРП: 949]; *Язык языку ответ дает, а голова смекает* [Д. 1: 355];

– *басни* (‘пустые, напрасные разговоры’) – *Баснями закрома не наполняются; Баснями сыт не будешь; Бабьи басни, а дурак то любит* [БСРП: 36];

– *сказка* – *Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается* [Жиг.: 218]; *В сказках все есть, да в руках ничего нет* [БСРП: 812]; ПЕ *Полно тебе докучную сказку сказывать* (*докучная сказка* – повествование, в котором повторяется много раз один и тот же фрагмент) [Д.2: 122] служит попыткой прервать монотонную скучную речь собеседника;

– *прибаска* – *Всякая прибаска хороша с прикраской* [БСРП: 717];

– *лясы* – *На лясах далеко не уедешь* [БСРП: 511];

– *мелево* – *Мелева много, да помолу нет* (т.е. нет толчку в речах) [БСРП: 527].

Компоненты – названия субъектов речи

Отдельную лексико-семантическую группу номинативных компонентов ПЕ составляют **наименования говорящих** – субъектов речи, выступающих как объект наблюдения и оцениваемых со стороны. Пословичные обобщения касаются тех номинаций лица, в значении которых отмечена явная склонность говорящего к разговорам или особенное речевое поведение:

– *болтун* – *Болтун не ждет спроса, а сам все скажет; С ворон болтун начал, а на сорок перевел; С болтунами держи язык за зубами* [Жиг.: 22, 23]; *Болтуна видать по слову, а рыбака по улову; У осла уши длинные, а у болтуна язык* [БСРП: 84, 628];

– *говорун* – *Большой говорун – плохой работун* [Жиг.: 46];

– *враль – Были бы враль, а что врать – сыщут; Враль врет: семь верст до небес, и все лесом* [БСРП: 161] и др.

– *шептун – Шептунов – на высылку* [БСРП: 1001] и др.

Иносказательно на факт речи указывают и такие компоненты, которые не являются номинацией процесса либо субъекта речи, но указывают на органы речи, необходимые для осуществления говорения:

– *зубы – Ешь пирог с грибами (крупями), а язык держи за зубами* [БСРП: 661];

– *рот: Чужой рот не свои ворота: не затворишь; Чужой рот не хлев: не затворить; Ртом болезнь входит, а беда выходит;* [БСРП: 765-766] – ‘о неприятных последствиях сказанного’;

– *глотка (Глотку раздерешь – не зашьешь* [БСРП: 178]); *И неправде глотку рукавицей не заткнешь* [БСРП: 594];

– *горло (Горлом дело не спорится; Горлом не много навоюешь; Не все горлом, ино и руками* [БСРП: 205]). Как видим, в пословицах достаточно активно используется метонимический перенос: *горло, рот, глотка* указывают на способность говорить, а *горло* и *глотка* – на крик как противопоставляемый спокойному деловому подходу.

Таким образом, в паремиях обнаруживается достаточно широкий круг номинативных компонентов, привлекаемых носителями культуры для характеристики речи. Составляющие его единицы участвуют в образовании пословиц с разной степенью активности.

2.1.2. Номинация речи с использованием глагольных компонентов

Вторую и весьма значительную группу паремий составляют в нашем материале единицы с глагольными компонентами, вербализующими семантику «речь, речевой акт». Среди них можно отметить некоторые различия.

К первой группе можно отнести глаголы, которые содержат в своей семантике значение 'говорить' в качестве основного:

Говорить – Говори меньше – умнее будет; Не все говори, что знаешь;

Говорит направо, а глядит налево; Кто горячо говорит, тот быстро остывает; Говори с другим поменьше, а с собою побольше; Говоря, не ошибешься, а молча не обмолвишься [БСРП: 181] и т.д. Массив паремий с этим компонентом в разных формах составляет, согласно «Большому словарю русских пословиц», более 600 единиц.

Сказать – *Скажет вдоль, а сделает поперек; Скажешь – не воротишь, напишешь – не сотрешь, отрубешь – не приставишь; Скажешь тайком, а услышишь – не приставишь; Было бы сказано – забыть можно* [БСРП: 811]; *Лучше скажи мало, но хорошо; Сперва подумай, а потом скажи; Как сказано, так и сделано; Сказал бы еще, да дома забыл* [Жиг.: 217] и т.д.

Беседовать – *Беседовать – не устать: было бы что сказать* [БСРП: 52]; *Через порог не здороваться, не беседовать* [Д.2: 389] и т.д.

Молвить – *Говори, говори да и молви; В добрый час молвить, а в худой промолчать; Подумай, обдумай, да и молви; Недолго думал, да хорошо молвил; Не все то в строку, что молвится; Молвишь – не воротишь, а плюнешь – не проглотишь* [Жиг.: 124].

Толковать – *Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Глухому с немым нечего толковать; Сколько ни толковать, а всего не перетолковать (не пережевать)* [БСРП: 478].

Во вторую группу можно включить глаголы, которые, помимо значения ‘говорить’, содержат иные, дифференцирующие, семантические оттенки. Так, глагол **болтать** может участвовать в выражении семантики ‘напрасные, бесполезные’, ‘пустые’, ‘продолжительные’, ‘неосмотрительные’ и т.д. разговоры: *Кто много болтает, тот много врет; Много болтать – тому ж быть; Полно болтать-то, ино болтнешь, не воротить* [БСРП: 83]; *Захочешь болтать – язык что-нибудь да скажет; Языком болтай, а рукам волю не давай; Глупому лучше молчать, нежели много болтать* [Жиг.: 22] и т.д.

Отдельные глагольные компоненты достаточно редки и могут встречаться в очень немногих паремиях.

Сказывать – *Все скоро сказывается, да не все скоро делается; Знает сила*

правду, да не любит сказывать; Мал бывал – сказки слушал, вырос велик – сам стал сказывать [БСРП: 812]; *Говори, говори, да сказывай* [Д.2: 357] и т.д.

Глаголать – *Язык мой – враг мой: прежде ума (наперед ума) глаголет* [БСРП: 172];

Лепетать – *Ешь калачи да поменьше лепечи; Лепеталось бы, да не дремалось* [БСРП: 478]; *Язык лепечет, а голова не ведает* [Д.1: 358];

Рассказывать – *Береги язык под старость – ребятам сказки рассказывать* [БСРП: 812];

Шептать(ся) – *Шептал тайно – хлопотать явно; В темноте хорошо шептаться, но не ловить блох* [БСРП: 1000];

Хаять – *Не хвали: половина хвои. Не захваливай: дай людям похаять! Непочто хаять, коли лучшего (иншего, т.е. ‘другого’) нет* [БСРП: 946].

Третий разряд глагольных компонентов составляют единицы, в которых значение 'говорить' отмечено в качестве переносного; ср. лексемы *чесать, почесать, точить, молоть* в составе устойчивых словосочетаний со значением 'врать, говорить вздор': *Языком молоть – не дрова колоть: спина не заболит* [БСРП: 550]; *Языком мели, а руками не разводи* [Жиг.: 295]; *Пустая мельница и без ветру мелет* [БСРП: 528]; *Лясы точит да людей морочит; Полно лясы (балясы, балы) точить, пора голенища строчить* [БСРП: 511, 880].

Слова других частей речи в составе паремий, характеризующих разговор, речь, общение, встречаются редко. Ср.: *Речист, да на руку нечист (речистый – ‘красноречивый; любящий поговорить, говорливый, болтливый’* [СРЯ.3: 713]). Встречаются в составе ПЕ, хотя и не так часто, причастия; ср. *сказанный (Сказанное слово – серебро, не сказанное – золото)*.

Показав типичный для паремий состав компонентов, которые, несомненно, вносят существенный вклад в формирование семантики изречений о речи, мы можем перейти к тому, какие представления вербализуются в паремиологическом пространстве, какова парадигма параметров, в соответствии с которыми оцениваются говорящие и их речевое поведение.

2.2. Стереотипные представления о речи, репрезентируемые русскими пословицами

При написании данного раздела работы использованы материалы, опубликованные в виде статей [Сюй Яо 2023а, Сюй Яо 2023г].

Пословица – одна из наиболее культураносных единиц любого языка, и изучение паремий, вербализующих восприятие и оценку речи носителями культуры, позволяет выявить широкий спектр народных представлений о ней и репрезентируемых в ПЕ установок. ПЕ о языке и речи хранят сведения о специфике речевого общения, дают ему оценку, предлагают рекомендации относительно правильного речевого поведения. Пословицы «обобщают знания о коммуникативном поведении, выражая одновременно его разноаспектную оценку» [Шумарина 2014: 98].

Речь в целом – вещь отнюдь не простая, она подлежит «утонченному анализу с позиций исследования человеческого поведения» [Косинская, Черных 2016: 7]. Это подтверждается и обнаруженной нами достаточно сложной системой идей и представлений, анализ которых и составляет содержание данного раздела.

Анализ паремий, направленный на выявление установок культуры, которыми руководствуются носители языка в отношении речи, позволяет выделить четыре основных группы единиц – в зависимости от того, с чем связана установка культуры, репрезентируемая пословицей.

2.2.1. Установки культуры в отношении манеры речи и ее внешних характеристик

Первую группу составляют изречения, в которых отмечается характер протекания речи и восприятие участниками коммуникации ее внешних параметров.

Обратимся к отдельным разрядам ПЕ, связанных общим стереотипным представлением, или установкой культуры.

2.2.1.1. Представления о краткости и многословии

Одной из наиболее важных в этой группе является установка культуры, ориентирующая говорящих на **краткость** произносимой речи, отмечающая позитивность немногословия. В отдельных паремиях о предпочтительности кратких речевых действий говорится прямо: *Слова хороши, если они коротки* [БСРП: 822]; *Держи язык короче! Ешь много, а говори мало* [БСРП: 331]; *Хороша веревка длинная, а речь короткая* [БСРП: 113]; *Недолгая речь хороша, а долгая — поволока* [Д.1: 357]. *Поволока* от *волочь* ‘медлить, мешкать, тянуть время’ (ср.: *Лучше на убогой жениться, чем век с богатой волочиться* [Д.1: 236]). В ПЕ *Короток язык, так вытянут, а длинен, так окоротают* (*окоротать* – ‘укоротить, прервать’ [Д.1: 360]) можно даже усмотреть угрозу в адрес слишком многословного.

В ПЕ *Много слов – кладь для ослов, а короткое слово – украшение мира* [БСРП: 821] представлены 2 способа выражения отношения к продолжительности речи. Во-первых, *кладь* ассоциируется с тяжелой поклажей, которую осел безропотно везет – так же без всякого желания приходится иной раз выслушивать длинные речи. С другой стороны, трактуя компонент *ослы* в переносном смысле, можно выявить идею вынужденного многословия, если адресат из числа непонятливых, в то время как умному достаточно и краткой речи. **Идея предпочтительности и положительной оценки краткой речи** по сравнению с долгой – несомненно, одна из наиболее важных в паремике установок. Ср.: *Говорить не устать, было бы что сказать* [БСРП: 182]; *Бога благодари, а лишнего не говори* [БСРП: 70]; *Говорил день до вечера, а слушать нечего; Многая говоря всегда стыда доводит* [БСРП: 183] и др. Как видим, приведенные ПЕ допускают и такое прочтение, при котором важной является не только краткость конкретного речевого акта («малословие»), но и акцент на том, что разговорам надо в целом отводить меньше времени.

Чаще, однако, в ПЕ рекомендуется в целом проявлять **сдержанность**, которая касается не только умения коротко и по существу изложить что-либо, но и **удержаться от сообщения лишней информации**, важных сведений, не предназначенных для чужих ушей; ср.: *Лишнее говорить – себе вредить* [Д.1: 359]; *Щи хлебай, да поменьше бай!* [Д.1: 356]; *Знай больше, а говори меньше* [Д.1: 369];

Держи язык на привязи (на веревочке); Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами [БСРП: 661]. Не случайно тактика «закрытого (запертого) рта» вербализуется достаточно активно и с привлечением различных образов: *Глотку раздерешь – не зашьешь* [БСРП: 178]; *Загороди рот запором, заставь заставкой! Вот тебе сахарный кусок, заткни себе роток!* [БСРП: 468]. Немало оборотов призывают сознательно лишиться себя возможности говорить: *Зажми рот и не говори [с год]! Заткни рот рукавицей!* [БСРП: 765].

Второй способ подчеркнуть важность умения говорить кратко – это указание на **многословие**: *Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать* [Д.1: 361]; *Губы да зубы – два запора (забора), а удержу нет* [Д.1: 361]; *Короткую речь слушать хорошо, под долгую речь думать хорошо* [Д.1: 347] – здесь, похоже, содержится намек на то, что человек перестает слушать говорящего с его слишком продолжительной речью и невольно переключается на свои мысли и др.

Хотя в паремиях нет категорического запрета на многословие, неодобрительное отношение говорящих к его проявлению представляется очевидным. На ошибочность избранного поведения говорящего указывают некоторые особые фрагменты ПЕ; ср.: *Острый язык – дарование, длинный язык – наказание* [БСРП: 1012]; *Во многих словах нет спасения* [БСРП: 823] (*нет спасения* – следовательно, это ошибочная тактика, многословие ничему не поможет); *Много говорить – голова заболит* [Д.1: 357] – негативная оценка создается образом заболевшей от долгих разговоров головы. В ПЕ *Язык блудлив, что коза (кошка)* [Д.1: 356] отрицательно-оценочным показателем является компонент *блудлив* (‘проказливый, вороватый’ [СРЯ.1: 99]), негативно маркированный и в других паремиях; ср.: *Блудливой чушке полено на шею (чушке – ‘свинье’)* [Д.1: 185]. Имплицитно здесь присутствует семантика произвольности, бесконтрольности.

В паремиях выражается идея о том, что **мысль может быть донесена в краткой форме и умный человек не нуждается во многих словах**: *Доброму слушателю (Умному) немного слов* [БСРП: 824] (*доброму*, т.е. ‘хорошему, достойному’).

Противоречивость ПЕ как их имманентное качество [Селиверстова, Чэнь

Вэйцзя 2019: 168]⁵ проявляется в выражении в паремике идеи, не согласующейся с предпочтительностью краткой речи. Ср. ПЕ *Короткие речи и слушать неча (нечего)* [Д.1: 364], т.е. ‘незачем, нет смысла’ – возможно, потому, что говорящий может не успеть передать свою мысль. Скорее всего выражение порицает недосказанность, неточное или неполное выражение говорящим своей мысли.

В ПЕ можно обнаружить и следующий смысл: расчет на разумного собеседника *исключает необходимость повторения уже сказанного: Про одни дрожжи не говорят трожди (трижды)* [Д.2: 122]; *Заладила сорока Якова одно про всякого* [Д.1: 358] и др.

В целом оппозиция «говорить – молчать» представлена в пословицах о речи тремя смысловыми аспектами: «говорить кратко, мало», «говорить пространно (много)» и «молчать». Остановимся подробнее на пословицах о молчании.

2.2.1.2. Стереотипные представления о молчании и слушании

Остановиться на паремиях о молчании, которое, казалось бы, противоположно говорению, речи, нам позволяет мнение К.А. Богданова, признающего молчание «фактом речевой культуры». С ним «приходится считаться всякому, кто имеет отношение к самой этой культуре. Молчание вездесуще и неигнорируемо» [Богданов 1998: 4]. В пословицах молчание рассматривается не само по себе, а именно в противопоставлении речи, которая может быть не всегда уместной и толковой. Народная мудрость содержится в таких изречениях, как *Сказано – серебро, не сказано – золото* [Д.1: 362]; *Молчок – золотое словечко* [БСРП: 551]; *Говорит (поет, играет) хорошо, а замолчит — еще лучше* [Д.1: 361]; *Молчанкой никого не обидишь* [Д.1: 362].

М.Н. Эпштейн считает, что феномен молчания получает свою тематическую полноту только в разговоре, это следствие, «продолжение» состоявшегося разговора: «Если бы не было разговора, не было бы и молчания – не о чем было бы

⁵ Противоречивость идей и ценностей жизнеустройства в целом в современной картине мира отмечают Н.А. Никитин и М.Г. Харитонов [Никитин, Харитонов 2019: 275].

молчать. Разговор не просто отрицается или прекращается молчанием – он по-новому продолжается в молчании, он создает возможность молчания, обозначает то, о чем молчат» [Эпштейн 2006: 179]. В паремике бóльшая часть ПЕ о молчании также вербализует представление о нем как воспринимаемом в сравнении с реальным или возможным говорением и оцениваемом на его фоне. Например: *Не говори, когда нужно молчать* [БСРП: 181]; *Не все ворчать, надо и помолчать* [Д.1: 334]; *Брюхо, что судья; и молчит (и молча), да просит* [Д.2: 282].

Молчание – это важный аспект речевого поведения человека, который по большей части получает в паремиях положительную оценку: *С молчания язык не болит* [БСРП: 550]. Так, например, одобряется **умение вовремя промолчать**: *Кстати промолчать, что большое слово сказать* [Д.1: 364] (*промолчать* – значит, сдержаться, постараться не проронить слов).

Важно промолчать, когда слова могут оказаться нежелательными или опасными: *В добрый час молвить, в худой помолчать* [Д.1: 388] предпочтительнее разговаривать, когда этим нельзя ничему навредить.

Любитель поговорить нередко может наговорить лишнего и поплатиться за это, о чем предупреждают ПЕ *Кто меньше толкует, тот меньше тоскует* (*тосковать* – ‘печалиться по тому или иному поводу’) [БСРП: 909]; *Молчанье – половина спасенья; Молчи больше, так проживешь дольше* [БСРП: 550]; *Меньше говоришь – меньше греха; И глух, и нем – греха не вем* (‘не знаю, не ведаю’) [Д.1: 355].

Признаком должного поведения является умение различать ситуации, когда есть что сказать и это надо сделать, а когда для этого нет повода и нет резона: *Не стыдно молчать, когда нечего сказать* [Д.1: 171]; *Молчание лучше пустого болтания* [БСРП: 550] – семантика напрасного, праздного реализуется за счет компонента *пустой*; *Умный молчит, когда дурак ворчит* [Д.1: 383]; *Умей вовремя сказать, вовремя смолчать* [БСРП: 934]; *Говоря не ошибешься, а молча не обмолвишься* [БСРП: 183] (*обмолвиться* – ‘сказать нечто ошибочное, оговориться’). Согласно пословице, чем неудачно что-либо сказать, полезнее промолчать; ср.: *Отважился слово молвить, да и то невпопад* [ДТС: 736].

Сказанное быстро распространяется среди людей, подхватывается молвой, поэтому в личных интересах разумнее промолчать: *Сказал красно — по избам пошло; а смолчится — себе пригодится* [Д.1: 360].

В умении молчать проявляются опыт и мудрость человека: *Кстати промолчать, что большое слово сказать* [Д.1: 364]; *Кто молчит, тот двух (семерых) научит* [БСРП: 550] – этому умению другим следует поучиться.

Молчание воспринимается как ценность – не случайно оно оценивается с привлечением таких традиционных пословичных эталонов, как *деньги, серебро, золото*: *Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое; Сказанное слово – серебро, а молчание – золото; Молчок – сто рублей* [БСРП: 551] и др. Другой акцент делается в ПЕ *За молчание деньги платят; И за молчание гостинцы дают* [БСРП: 550]: вероятно, имеется в виду «покупное молчание» одного человека в интересах другого.

Нельзя не остановиться отдельно на паремиях, в которых **молчание порицается**, поскольку оно нередко наблюдается в тех случаях, когда (1) предпочтительнее речь, участие в беседе: *Молчать, так и дело не скончатъ* [Д.1: 363]; *Не молчи, когда нужно говорить* [Д.1: 364]. Молчуна трудно разговорить: *Всю неделю говорил: ась, а в субботу сказал: что* [Д.1: 318]; *Он спроста не говорит: растопырит слово да и молчит* [Д.1: 362].

Молчание не всегда является признаком большого ума – **хранить молчание может не только мудрый, но и недалекий** (2), которому попросту нечего сказать; ср. иронично-насмешливую ПЕ *Долго не говорит – ум копит; а вымолвит – слушать нечего* [Д.1: 361], в котором видимость глубокомысленного молчания оборачивается на деле пустотой содержания речи.

Отрицательной оценки **молчание** может удостоиться и в том случае, когда оно **мешает коммуникации, необходимому людям общению** (3): *Не всякое молчание – золото* [БСРП: 550]; *Говорить беда, а молчать другая* [Д.1: 360] – в ПЕ противопоставлены болтун и молчун, причем негативно воспринимаются оба. Молчание нежелательно, когда от человека требуется его мнение: *Молчаньем (Молчбою) прав не будешь* [БСРП: 551]; *Тихое молчание – ничему не ответ* [БСРП:

550].

Молчание может оцениваться отрицательно и потому, что (4) **мысли и намерения молчащего человека другим неизвестны**. Ср.: *Молчан-собака да тихий омут [опасны]* [БСРП: 550] – пословица о собаке, которая «кусает молча, исподтишка, без лаю» [ДТС.2: 350], может в переносном смысле характеризовать молчащего (молчаливого) человека, вызывающего своим поведением некоторые опасения.

Носители русского языка уделяют **внимание проявлению такта и манерам, демонстрируемым во время беседы**.⁶ Паремии регламентируют речевое поведение в целом, делая акцент на **важности** проявления уважения к собеседнику, **умения слушать, не перебивая, а не только говорить самому**: *Не торопись отвечать, торопись слушать!* [Д.1: 357]; *Как тут говорить, где не дадут (не велят) рта отворить* [Д.1: 322]; *Слушай больше, а говори меньше* [БСРП: 181]. Ср. также реализацию этой идеи в ПЕ *Кушать кушайте, а балы наши слушайте* (балы – ‘слова, разговоры’; от слова *балакать*); *Красна речь слушанием* [СНМ]. В ПЕ зафиксировано и одно из сохраняющихся сегодня правил не перебивать собеседника: *Чужих слов не перебивай* [ДТС.4: 235].

Идея о **пользе слушания, противопоставляемого речи, говорению**, реализуется в паремике разными способами: *Кто говорит, тот сеет; кто слушает — собирает (пожинает)* [Д.1: 356] – трактовка пословичной метафоры позволяет выявить идею несомненной пользы результата – «пожинания плодов» слушания; *Красна речь слушаньем (а беседа смиреньем)* [Д.1: 355].

Как мы уже отметили выше, паремии подчеркивают **предпочтительность сдержанности, нечастого участия в беседе**: *Поменьше говори, побольше услышишь* [Д.1: 356]; *Меньше говорить, меньше согрешишь (меньше греха)* [Там же] (*меньше говорить* – означает не только ‘короче’, но и ‘реже’).

⁶ Интересно в этом смысле исследование, проведенное Лиин Юань относительно правил, касающихся проявлений воспитанности/ невоспитанности в речевой коммуникации. Так, по результатам опроса и анализа контекстов из Национального корпуса русского языка, воспитанный человек не повышает голоса, не перебивает собеседника, не поддерживает пустых (праздных) разговоров, не говорит при всех о вещах интимных, не говорит за глаза неприятного о человеке и т.д. [Юань Лиин: 59].

К словам того, кто реже вступает в беседу, чаще прислушиваются; ср.: Где слова редки, там они вески (вес имеют) [БСРП: 821]; Не все говори, что знаешь [БСРП: 181].

Молчание воспринимается как особая стратегия поведения, оно может свидетельствовать об особенностях характера человека, его косноязычии и неспособности ясно выражать свои мысли, о психологических переживаниях или, наоборот, об умиротворенности [Мухаметов 2012: 82]. Некоторые из этих характеристик молчания получили отражение в паремике, что говорит о типичности вербализованных в ПЕ установок и представлений, о двойственной оценке такого явления, как молчание.

2.2.1.3. Представления о торопливой и медленной речи в русских пословицах

Речь представлена в паремиологической картине мира очень широко, и представление о темпе речи, о том, как носители русской культуры оценивают говорящего слишком быстро или слишком медленно, также находит в ней отражение. И то, и другое способно вызывать неодобрение как препятствующее успешному общению.

Идея ***порицания торопливости в беседе*** представлена в нескольких ПЕ, основанных на сопоставлении ненужных разговоров с работой, которой, в первую очередь, и следует заниматься: *Языком не торопись, торопись делом* [Д.2: 68]; *Не спеши языком, торопись (не ленись) делом* [Д.1: 356]. Согласно пословицам, спешить нужно именно с выполнением работы. В ПЕ *Не спеши языком, торопись кочадыком!* [Д.2: 68] конкретизируется вид деятельности; *кочадык* – специальный инструмент для изготовления лаптей, с его помощью при плетении продергивается лыко или пенька. Этот же инструмент фигурирует и в ПЕ *Мужик кочадыком, а чистомойка (чистоплюйка) языком* [Д.2: 68], реализующей идею «разделения

труда»: ‘один работает, а другой болтает’.⁷ Во всех этих ПЕ все-таки содержится мотив желательной неспешности в разговоре; ср.: ирон. *Говорить — не работать, торопиться не надо* [ДТС.1: 373].

Казалось бы, «скомканная» речь, делающая ее малопонятной, достойна порицания, однако паремий, негативно оценивающих именно торопливую и потому невнятную речь, нами не обнаружено, хотя к выражениям, характеризующим такого говорящего, можно отнести поговорки *говорить всмятку* [Д.1: 412]; *говорит, словно кашу в лапти обувает*; у кого-л. *каша во рту* [Д.1:374] – о речи, из которой трудно извлечь какое-либо содержание, и т.д.

Идея бесполезности беседы с человеком – ср. *С дураком говорить – в стену горох лепить* [Д.1: 388]; *С ним говорить, что решетом воду носить* [Д.1: 189] и др. – выражается без указания на причину, которой может быть и торопливость собеседника. С другой стороны, не следует торопиться с советом, с ответом (*Не торопись отвечать, торопись слушать* [Д.2: 67]), с любой репликой или фразой – предпочтительнее сначала подумать, иначе можно оказаться в неприглядной ситуации: *Словом поспешон – скоро посмешон* [БСРП: 828], т.е. ‘станешь объектом насмешек’. Ср. ПЕ *Говорить не думая – что стрелять не целясь* [БСРП: 182]. Тема нежелательности поспешно сказанного слова, о котором придется сожалеть, представлена в очень многих ПЕ.

Отрицательно расценивается в ПЕ и **замедленная речь**, когда **говорящего трудно слушать** – это снижает эффективность восприятия: *Рот откроешь, а слово не приготовишь* [БСРП: 765], хотя здесь, возможно, речь не о темпе речи, а об умении быстро соображать.

Паремии, в которых вербализуется желание собеседника поторопить говорящего, построены с использованием образов монотонных продолжительных действий (*Полно плести, пора домой брести!* [БСРП: 667]; *Полно мотать, пора узел вязать* [БСРП: 924]), которым хочется положить конец.

Если в русских поговорках характеристика медлительности в речи

⁷ Размещение этой ПЕ в собрании В.И. Даля в разделе «Звания – сословия» говорит в пользу того, что речь идет о занятости людей разной сословной принадлежности – вероятно, о крестьянине как человеке работающем, привыкшем работать руками, и человеке, для которого привычнее вести разговоры, белоручке.

представлена весьма разнообразно и выразительно (ср.: *Слово по слову, что на лопате подает* [Д.1: 362]; *Говорит, как сани по песку тащит* [Зимин: 367]; *Говорит, как будто три дня не ел* [Там же]; *Молоко скиснет, пока он слово вымолвит* [Там же]; *У него слово слову костыль подает* [Д.1: 362]; *Слово к слову приставляет, словно клетки городит* [Там же], то пословицы, порицающие неторопливую речь, рекомендуемые говорить быстрее, в русском языке единичны. Сам факт характеристики говорящими темпа речи свидетельствует о том, что он отличается от некоторого усредненного, не вызывающего нареканий, и потому привлекает внимание собеседников: *Слово насилу молвит, как будто язык киселем кормит* [Снегирев: 280]; *Говорит, что плетень плетет* [Аникин: 64]. Приведенные обороты указывают на отрицательное восприятие слишком медленной речи, которую бывает утомительно слушать. Похоже, носители языка и культуры видят и замедленной речи и недостаточную оформленность мысли, которую хочет выразить говорящий, что мешает пониманию смысла сказанного. Не случайно в ПЕ используется и глагол *плести*: *Говорит, как плохая плетя кружева плетет: что сплетет – ничего не разберет* [Аникин: 64].

2.2.1.4. Стереотипные представления о предпочтительности дела в сравнении с разговором

В анализируемых ПЕ одной из наиболее широко представленных и очень весомых идей является мысль о **важности и приоритетности дела по сравнению со словами**, поскольку от слов мало пользы. Эта установка представлена во многих единицах, во-первых, в общем виде: *Поменьше бы слов, да побольше дела* [Д.1: 131]; *Словом дела (дело) не заменишь* [БСРП: 827]; *Поменьше слов, побольше дела*; *Не много слов, да много дела* [БСРП: 821]; *Словами дело не делается* [БСРП: 823]; *От слова не сделается*; *Словами всего много говорится, а на деле не все сбывается* [БСРП: 822].

Эта общая идея вербализуется и в нескольких конкретизированных установках. Следует, например, **предпочесть разговорам выполнение куда более**

полезной работы, занятость делом: Меньше говори, да больше делай! [Д.1: 356]
Не спеши языком, торопись делом; Не спеши языком, а не ленись руками [БСРП: 1015].

Паремиями отмечается часто наблюдаемое в жизни *несоответствие между*, с одной стороны, *разговорами (опережающими обещаниями, планами* и т.д.) и, с другой стороны, *их исполнением*, т.е. *делами*, требующими приложения усилий, времени. Если в первом преуспеть легко – человек не всегда способен реально оценить свои возможности, то второе требует серьезного отношения и не терпит поспешности: *Все скоро сказывается, да не все скоро делается; Скоро то говорится, а не скоро делается* [Д.1: 356]. Охотников до разговоров, по свидетельству пословиц, немало, однако оценка дается, как известно, по делам. Одной из наиболее часто вербализуемых установок культуры является идея «От болтуна трудно ожидать делового подхода»: *Кто словом скор, тот в делах редко спор* [Д.1: 145]; *Где много слов, там мало дел* [БСРП: 821]; *До рассказней охотник — плохой работник* [СНМ]; *Кто много говорит, тот мало делает* [Д.1: 356].

Паремию *Рассказчики не годятся в приказчики* [БСРП: 749] можно интерпретировать как реализацию идеи невозможности быть хорошим руководителем человеку, который много говорит. Вряд ли такой говорун послужит примером в работе, хотя контраст «слово» – «дело» в ПЕ не вербализуется.

И наоборот: *кто говорит мало, от того больше отдача, более ощутимы результаты труда: Кто мало говорит, тот больше делает* [Д.1: 356].

В ПЕ *не одобряется тот, кто*, во-первых, *не исполняет обещанного – того, что обещает, чем похваляется: По разговорам всюды (годится), а по делам никуды* [Д.1: 356]; *Скоро сказано, кабы да сделано* [Д.1: 357]; *Звону много, да толку мало* [Д.1: 25].

В пословицах акцентируется привлекательность сказанного, приятная перспектива, способная вызвать напрасные ожидания достойного результата от усилий говорившего: *На словах его хоть выступи (а на деле и головы не приклонишь)* [Д.1: 365]; *Словами и туды и сюды, а делами никуды* [Д.2: 187]; *Складно баёт, да дела не знает* [Д.1: 362]; *Два слова басен – да и все дело тут* [БСРП: 821].

Во-вторых, *порицание выносится тому, кто еще и не умеет трудиться – а, возможно, и не хочет – и потому исполняет свою работу плохо: Не все то делается (творится), что говорится [Д.1: 357]; Слово бело, да дело черно [БСРП: 826]; Говорит много, а дела на грош, да и тот нехорош [СНМ]; На думках – что на вилах; на словах – что на саях, а на деле – что в яме [БСРП: 309]; Мелева много, да помолу нет (т.е. нет толку в речах) [Д.1: 358].* Негативная оценка поддерживается различными фрагментами ПЕ: образным элементом *в яме*, компонентом *черно*, наделенным символическим значением; наречием *много* – особенно подчеркиваемом за счет противопоставления отсутствию *помола* как ожидаемого результата. Выразителен контраст между словами и делами, представленный в ПЕ *Словами, что листьями сыплет (листьем стелет), а делами, что иглами колет [БСРП: 821].* Так можно характеризовать лицемера, чьи поступки в отношении кого-либо (чего-либо) противоречат содержанию его речей, либо человека-краснобая, чьи способности и ограничиваются разговорами.

Отдельные ПЕ могут акцентировать напрасность, бесполезность слов, в то время как «дело», т.е. работа, усилия по ее осуществлению, реализация планов и обещаний, в комментариях не нуждаются: в русском национально- маркированном сознании господствует идея безусловной выигрышности дела в сравнении с любыми разговорами. Эта идея реализуется в ПЕ и с привлечением иных компонентов с семантикой говорения: *Дело знай, а попусту не бай [БСРП: 826].*

Обращает на себя внимание линия, связывающая мотив бесполезности слова, т.е. речи, в качестве способа (средства) накормить страждущего, голодного, в то время как сытость – это одно из серьезных жизненных условий существования человека: *Брюхо глухо: словом не уймешь; Брюхо не насыщается словами [БСРП: 96, 97]; Голодного словами не накормишь; Словами жернова не повернешь, а глухого не научишь [БСРП: 822, 823];* в *жернове* видится приспособление для помола муки, необходимого в качестве этапа на пути к изготовлению (выпечке) хлеба как источника пропитания.

В ПЕ *Из слов блинов не напечешь и полушубка не сошьешь [БСРП: 821]* и др. имплицитно скрыта лингвокультурная установка: *на еду следует заработать*, т.е.

нужна активная практическая деятельность. Это изречение сближается с другими на основании одной структурно-семантической модели: «слова, речь воспринимается как “материал”, из которого невозможно сделать ничего сколько-нибудь пригодного, полезного»: *Из слов щей не свариишь – нужны капуста и мясо* [Там же].

В сферу осязаемых результатов вовлекаются в паремике не только продукты питания. О паремиях типа *Спасибо в карман не положишь; Спасибо в стакан не нальешь* (‘словесной благодарности недостаточно’) и др. пишет, в частности, Е.И. Селиверстова, полагая, что для русского самосознания важны поступки и действия, в то время как разговоры, праздные слова и даже выражение благодарности могут восприниматься как малополезные атрибуты общения [Селиверстова 2017: 129-130]. «Слово бесполезно в том смысле, что им нельзя накормить и напоить: *Брюхо не насыщается словами; Из слов щей не свариишь – нужны капуста и мясо; От слов мошна не будет полна.* <...> Нематериальность слов – в отличие от денег, одежды, зерна, еды – отмечена и в ПЕ *Поле словами не засевают; Сколько ни говорить, а с разговоры сыту не быть*» [там же].

Другая обобщенная идея кроется в трактовке языка как инструмента. Он, действительно, является инструментом – без него невозможны общение, речь, однако ни он сам, ни осуществляемая с его помощью речь не способствуют получению материальных результатов – и тем он нехорош, недостаточен: *Языком капусты не шинкуют; Языком и лаптя не сплетешь; Языком целину не поднимешь; Языком льна не натрепнешь* [БСРП: 1015]. В ПЕ *Языком молотъ – не дрoва колотъ* [БСРП: 1015]– с одной стороны, указывается на легкость говорения, а с другой – здесь имплицитно выражена мысль о непригодности языка для колки дров. Так или иначе, паремия служит для характеристики человека, за которым водится скорее болтливость, чем трудолюбие.

2.2.2. *Стереотипные представления о содержании речи, вербализованные в русских пословицах*

Пословицы дают рекомендации относительно разумного и достойного речевого поведения – одного из важнейших видов деятельности в жизни человека. Одним из важных его признаков является содержание речи, наличие в ней должного смысла. В общих чертах установка на *необходимость основательного, весомого содержания сказанного* выражена в ПЕ *По речам узнают человека* [БСРП: 754]; *Умей сказать много в немногих словах* [БСРП: 931] и т.д.

2.2.2.1. *Стереотипные представления об умной vs бессодержательной, глупой речи*

Пословицы рекомендуют *избегать необязательных разговоров, праздных бесед*: *Не с ветра говорится, что болтать зря не годится; Ешь капусту, да не мели попусту!* [СНМ] Нельзя не заметить активности в составе паремий компонента *пустой* (*На алтын — пользы, а на целковый — пустых слов; И красно, и пестро, да все пусто; Пустые слова – что орехи без ядра; Пустыми словами и оскомину можно набить* [БСРП: 822], имеющего в русском языке значение ‘неосновательный, лишенный серьезного значения; не заслуживающий внимания, пустяки, вздор; бесполезный’ [СРЯ.3: 561] и участвующего в выражении идеи порицания пустых разговоров. Ср. также ПЕ *Что толку говорить без толку*, в которой необычным образом сочетаются два семантических элемента: ‘бесполезность’ и ‘бессодержательность’ – оба переданных компонентом *толк*.

Пустыми, напрасными слова видятся говорящим на фоне отсутствия какого-либо результата, подчеркиваемого компонентами *нечего* и *ничего*: *Наговорили, что наварили, а глядь – ан и нет ничего* [Д.1: 358]; *Говорит день до вечера, а слушать нечего* [Д.1: 358]; *Зять с тещею говорит день до вечера, а послушать нечего* [Д.1: 345]; *Мелет день до вечера, а послушать нечего* [Д.1: 357]. Ср. также о малости результата в сравнении с многословием: *Много всего говорится, да не все в дело годится* [СНМ] (‘из сказанного лишь немного содержит полезную информацию’).

Образно передает представление о длинной, но бесполезной, бессодержательной речи ПЕ *Мелева много, да помолу нет* [Д.1: 358], т.е. ‘нет толку в речах’; *мелево* от глагола *молоть*, ‘действие и продукт этого действия, результат’. Ср. выражение *Мели, Емеля, твоя неделя*, которое в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» комментируется так: выражение *языком молоть* сопоставляли с длительной «тяжелой работой на ручном жернове», рот же ассоциировался с ручной мельницей, перемалывающей зерно при помощи жерновов – языка [ИЭС 2005: 216]. Ассоциация пустой и часто продолжительной болтовни с помолом реализуется и в других ПЕ – этому способствует многозначность глагола *молоть*; ср.: *Язык – жернов: мелет, что на него ни попало; Язык без костей – мелет* [Д.1: 358]; *Мелет день до вечера, а послушать нечего* [Д.1: 357].

Как мы уже сказали (см. 2.2.1.4.), оценка пустых слов в сравнении с делами, результативной деятельностью однозначно отрицательна. Изречения, в которых пересекаются 2 мотива – многословия (см. 2.2.1.1.) и, с другой стороны, бессодержательности сказанного, занимают между двумя группами ПЕ пограничную область. Например, в ПЕ *Много говорено, да мало сказано* [Д.1: 317] – действия, названные глаголами *говорить* и *сказать*, противопоставляются. Глагол *говорить* называет действие не обязательное, но длительное – благодаря уточнению *много*, а желательный как в качестве итога разговора результат – обозначен глаголом *сказать*. Пониманию смысла ПЕ способствует и одномоделная пословица *Много наговорено, да мало переварено* [Д.1: 355], также акцентирующая малость рационального зерна, вынесенного из разговора, понятого, усвоенного собеседником. Ср. выражение, аналогичное последним приведенным ПЕ по структуре, но противоположное по смыслу, о предпочтительности краткой содержательной речи: *Коротко сказано, да много высказано* [СНМ].

Пословицы, рассматриваемые в данном подразделе, имеют отношение и к лингвокультурной установке, связанной и с порицанием многословия, поскольку оно традиционно воспринимается как ненужное, занимающее много времени и часто пустое: *В долгих речах и короткого толку нет* [БСРП: 754], т.е. даже малого

смысла. *Многословие* – ‘излишество слов, излишняя пространность в изложении чего-либо’ [СРЯ.2: 283] – воспринимается преимущественно как речь недалекого, не слишком умного человека, что проявляется и в содержании сказанного. Не случайно паремия, с одной стороны, рекомендует *Говори меньше — умнее будет* [БСРП: 181], а с другой – отмечает ситуации, когда длинные и красивые речи лишены смысла, из них нечего извлечь: *В многословии не без пустословия* [Д.1: 355]; *Говорит много, а слушать нечего*; *Красно* (т.е. красиво) *говорит, а слушать нечего*; *И красно и пестро* (говорит), *да пустоцветом* [Д.1: 359]; *пустоцвет* – ‘цветок, не дающий плодов’, в переносном смысле – ‘человек, деятельность которого не приносит пользы другим людям, обществу’ [СРЯ.3: 562], а в паремии – компонент вносит значение ‘впустую, напрасно’. Ср. также: *Не тот умен, кто много говорит, а тот, кто попусту слов не тратит* [СНМ].

Итак, к речи, беседе предъявляется ***требование быть содержательной, полезной, позволяющей услышать и почерпнуть умные мысли***: *Умную речь хорошо (добро) и слушать*; *Красную речь красно и слушать* [БСРП: 755]; *Хорошего пирожка приятно покушать, умную речь приятно послушать* [БСРП: 756]; *Умные речи и дурак поймет* [СНМ].

Умная речь – это и речь умного человека, не говорящего лишнего и пустого и отвечающего за свои слова: *Кто говорит без умолку, в том мало толку* [БСРП: 933]; *Из пустой клетки – сыч или сова; из пустой головы – пустые слова* – пустая голова, т.е. ‘глупый’, неспособна сказать что-н. разумное, полезное. *Что знает, все скажет, и чего не знает, и то скажет* [Д.1: 355] – о субъекте, за достоверность речи которого нельзя поручиться. ***Сказанное с толком, разумно ценится высоко: Слово толковое стоит целкового***. В ПЕ *В доброй беседе всяк ума копит; В умной беседе ума набраться, а в глупой – свой растерять* [БСРП: 52] признается польза умной беседы, а пословица *Я тебе говорю не (на) глум, а ты бери на ум* [БСРП: 178] содержит рекомендацию черпать полезную информацию из сказанного при общении; *глум* – ‘сказанное для смеха, в шутку, издевательство’.

Ценность умной речи подчеркивается с помощью распространенного в паремиологическом пространстве эталона *мед*: *Хорошая речь лучше (слаще) меда*

[БСРП: 756]; *С умным разговориться, что меду напиться* [БСРП: 524]. Ср. в ПЕ иной тематики: *Ласковое слово слаще меда* [БСРП: 824]; *Пьешь у друга воду слаще меду* [БСРП: 303].

Противоположны по смыслу пословицы, порицающие глупую, дурную речь: *Глупо говорить – людей смешить* [СНМ]; *Глупые речи, что пыль на ветру* [Там же], т.е. быстро рассеиваются, после них ничего не остается, к тому же они, вероятно, неприятны. Ср. также ПЕ о порицаемой речи: *За умную речь хвалят, за дурную хаот* [СНМ]; *За дурную речь – голову с плеч* [Там же]; *Тот дурак, кто говорит не так* [БСРП: 313]; *Глупому лучше молчать, нежели много болтать* [БСРП: 178]. Глупому лучше вообще не участвовать в беседе: *С глупою речью сиди за печью* [БСРП: 756].

К выражающим неодобрение относятся и ПЕ, говорящие о восприятии произносимой речи собеседниками: *Говорит красно, да слушать тошно* [БСРП: 182]; *Вежества не купи, умелось бы говорить* [БСРП: 107] – в ироничной форме представлена аттестация говорящего, не умного и знающего, но охотно беседующего о чем угодно; *вежество* – от глагола *ведать* ‘знать’, а ПЕ *Говорит – сам себя веселит* допускает различные трактовки: с одной стороны, говорящий, возможно, ведет беседу ради развлечения – тогда это краснобай, с его желанием покрасоваться. С другой стороны, человек, возможно, говорит глупости – и самому смешно. В любом случае такой говорящий удостоивается отрицательной оценки.

С иронией говорится о длительном молчании, которое можно принять за мыслительный процесс – *Не говорит – ум копит; а скажет – нечего слушать* [Д.1: 377], за которым, однако, не оказывается ожидаемой глубокой мысли.

ПЕ также предупреждает о последствиях непродуманной, глупой речи *Из-за пустых слов пропал как пес* [БСРП: 821]; *пес* – ‘О человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками’ [СРЯ.3: 113].

Таким образом, в отношении содержания к речи предъявляются в ПЕ следующие требования: речь должна быть по возможности краткой, а ее содержание толково изложенным и полезным для слушающих. «Говорение ради говорения» пословицами не одобряется. Соблюдению этих условий во многом

способствует пониманию того, как, с кем, о чем и с какой целью состоится общение, беседа, разговор.

2.2.2.2. Стереотипные представления о важности взвешенности слова и необходимости проявлять осмотрительность

При написании данного раздела работы использованы материалы ранее опубликованной статьи: [Сюй Яо, Селиверстова Е.И. 2023б].

Паремии о речи включают единицы, выражающие стереотипные представления о необходимости некоторой предварительной «подготовки» к разговору. Так, в ПЕ выражена установка *«следует к содержанию разговора подходить с умом»*: *Говори подумавши, садись осмотревшись* [БСРП: 181].

Необычна трехчастная ПЕ *Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов*, где *думка* [БСРП: 310] – ‘мысль’; *чадна* от слова *чад* – ‘дымный, неясный; *недоумка* – ‘недоумение’, ср. *недоумевать* – ‘не постигать умом, не понимать’. Неясно выраженная мысль порицается, но хуже всего, по пословице, – отсутствие мысли вообще: *пустые слова* – не имеющие никакой прагматической цели.

Некоторые пословицы прямо указывают, как правильно подходить к построению высказывания – *необходимо обдумать собственные слова, а только потом произносить их*, соблюдая при этом некоторые неписанные правила. В ПЕ *Не болтай наугад, клади слово в лад* [БСРП: 825] формулируется общее правило вступать в беседу в соответствии с темой, порядком обмена репликами и т.д.

Об *уместном участии в беседе* гласит паремия *Блуди хлеба до обеда, а слово до ответа!* [БСРП: 954]; *Умей вовремя сказать, вовремя смолчать* [БСРП: 931]. Не всегда желательна и вмешательство в разговор: *Где двое говорят, там третий не приставай* [БСРП: 183].

В ПЕ можно обнаружить *неодобрительное отношение к повторению уже сказанного*. Расчет на разумного, понятливого собеседника исключает такую необходимость: *Про одни дрожди (‘дрожжи’) не говорят трожди (трижды)*

[БСРП: 299]; *Заладила (твердит) сорока Якова одно про всякого* [БСРП: 858] и др.

Изречения *Сначала пожуй слово, а потом скажи* [БСРП: 827]; *Прожуй слово, да и молви!* [БСРП: 825]; *Разжевав слова, да выплюнь* [БСРП: 826] можно понимать и как пожелание *неспешно, вдумчиво подходить к тому, что говоришь*, и как совет *отнестись внимательно к качеству речи*, ее четкости, членораздельности.

Нужно хорошо *понимать, о чем ведется беседа*: *Толкуй, да наперед сам разжуй!* [Д.1: 399], т.е. сначала сам говорящий должен понять суть разговора. При этом нужно *следить за нитью беседы и знать меру*, поскольку всех возможных тем коснуться нельзя: *Воздух словами не наполнить. Всего не переговоришь* [Д.1: 363].

Таким образом, сознательно-взвешенный подход к речи предполагает понимание темы беседы и четкого осознания говорящим содержания своей речи, уместное вступление в разговор, понимание цели или причины говорения.

Лингвокультурная установка **«В беседе следует проявлять осмотрительность»** находит в паремике самое широкое претворение – пословицы предупреждают о возможных неприятных последствиях.

Во-первых, многие пословицы – особенно с компонентом **язык** – содержат мысль о его *неконтролируемости* и поэтому имплицитно указывают на *необходимость сдерживаться в разговоре, следить за собой*: *Язык, что вехотка: все подтирает* [Д.1: 358]; *На язык нет пошрины* [Там же]; *Говори, да не проговаривайся (да не заговаривайся)* [Д.1: 361]; *Рот нараспаишку, язык на плечо* [Там же]. Последствия неконтролируемой речи могут быть нежелательными: *До чего язык не договорится! – договориться* – ‘говоря, дойти до какой-л. крайности’ [БСРП: 183].

На *потенциальный вред*, которого следует избегать, в пословицах указывается разными способами: *Язык до добра не доведет; Язык до добра не доведет болтуна* [БСРП: 1013]; *Свой язычок первый супостат; Языце, супостате, губителю мой!* [БСРП: 1015]; *Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет* [БСРП: 1014]; *Лишнее говорить – себе вредить (болячку вередить)* [БСРП: 85]; *Мужик ражий, да язык-то вражий* [БСРП: 567]; *Большое вяканье доводит до*

бяканья [БСРП: 170]; *Где твои слова, там моя голова* [БСРП: 821] и др. В ПЕ *Ртом болезнь входит, а беда выходит* [БСРП: 766] рот (ротовая полость), участвующий в порождении речи, воспринимается как источник неприятностей. Язык вредит человеку, если он «опережает» осмысление произносимой речи: *Язык мой – враг мой: прежде ума (наперед ума) глаголет* [БСРП: 1014].

Компонент *язык* в подобных поговорках выступает сразу в двух значениях – ‘вспомогательный орган пищеварительной системы’ – и потому он «кормит голову», и ‘способность говорить, выражать словесно свои мысли; речь’ – и то, и другое, принося пользу, способно наносить и вред: *Язык голову кормит, он же и до побоев (до смерти) доводит* [БСРП: 1013]; *Язык хлебом кормит и дело портит* [БСРП: 1014].

Помимо общего указания на нежелательный конечный эффект участия в разговоре (ср. *беда, вред, бяканье, супостат, губитель*), ПЕ называют и некоторые конкретные последствия: *Лишнее слово в досаду (во грех, в стыд) вводит* [БСРП: 824], т.е. приходится в итоге испытывать неприятные чувства.

Во-вторых, следует помнить и о ***возможности услышать постороннему человеку разговор, для него не предназначенный***: *Говори, да назад оглядывайся!* [БСРП: 181]; *Говорил бы много, да сосед у порога* [БСРП: 181]. Пословицы предупреждают о необходимости соблюдать осторожность в разговоре, быть осмотрительным – с использованием разных образных элементов: *Сказал бы словцо, да сучок в избе есть (глаз)* [Д.2: 142] (*лишние сучки* – ‘лишние глаза, уши’); *Сказал бы словечко, да волк недалеко* [БСРП: 821]. Сведения, услышанные одним, могут стать достоянием многих, что нежелательно: *Не говори при холопье онуче: онуча онуче скажет* [БСРП: 626].

В-третьих, как рекомендуют ПЕ *Не говори всего, что знаешь; Не всегда говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь* [БСРП: 181]; *Не все сказывай, что поминается (помнится, отрыгается)* [БСРП: 812] и др., ***не всякой информацией следует делиться***. Не все следует говорить сразу, как рекомендует ПЕ *С ним говори, а в запас словечко покидай* [Д.2: 163], – важно сохранить кое-какие аргументы для убеждения собеседника и тем самым оставить за собой в

разговоре последнее слово.

В-четвертых, русские пословицы весьма активны в выражении идеи о *необходимости следить за словами, чтобы не пожалеть о сказанном*. В наиболее общем виде *идея невозвратности сказанного* реализуется в достаточно однотипных ПЕ – за счет глаголов с семантикой посессивности (обладания)⁸, используемых в негативной форме: *Сорвалось словцо – не схватишь; Выпустишь словцо – не ухватишь за кольцо* [БСРП: 828]; *И дорого б дал за словечко, да не выкупишь; Выпустишь словечко, не догонишь и на крылечке; Словечко выскользнуло – не воротишь* [БСРП: 821].

Носители русского языка вербализовали эту идею с помощью разных метафорических образов: «слово, реплика» сравнивается с шустрым воробьем (*Слово не воробей, а выпустишь – не схватишь (вылетит – не поймаешь); Слово не воробей, не поймаешь за хвост* [БСРП: 826] и др.). Паремика предлагает и иные образные решения для реализации идеи невозвратности: сопоставление с пулей (*Выстрелив, пулю не схватишь, а слово сказав, не поймаешь* [Д.1: 364]; *Выпалишь, пули не поймаешь* [СНМ]), с конем (*Коня на вожжах удержишь, а слово не воротишь (а слова с языка не воротишь)* [Д.1: 364].

Сожалеть, как правило, приходится о том, что было сказано напрасно, в спешке, в гневе – человеком, не подумавшим о последствиях. Сказанное при этом расценивается как нежелательное, способное задеть адресата. Этим объясняется появление в ПЕ компонента *плевков*, который может быть истолкован в прямом смысле – как действие, не подобающее воспитанному человеку, либо как наплевательское отношение к кому-, чему-л., недооценка кого-, чего-л., что может показаться обидным, если оно прозвучало в речи. Сближение плевка и слова – неслучайно, их связь опосредована не вербализованным в ПЕ компонентом *рот*: *Плевка не перехватишь, слово (слова) не воротишь* [Д.2: 157]; *Плюнешь – не воротишь* [Там же]. Этим объясняется и использование в ПЕ глаголов *слизать, слизнуть, подлизать*: *Слово выронишь, не подлижешь* [БСРП: 826]; *Оброненное*

⁸ Структура посессивности, предполагающей отношения между субъектом и объектом посессивности, неоднородна. Она включает как отношения «неподвижные, статичные, так и движущиеся, динамичные» [Милованова 2007: 121]. В этом аспекте нами рассматриваются глаголы *ухватить, схватить, воротить* и др.

слово языком не слизнешь [Д.1: 364]. Нельзя не отметить и семантики случайности, реализуемой за счет компонентов *выронить, обронить*.

Невозможно вернуть сказанное даже с приложением значительных усилий: *Слово выпустишь, так и вилóm (и крюком) не втащишь*. Пословицы, как видим, избирательны в отборе образных элементов, за которыми стоят предметы и явления окружающего мира, актуальные для определенного народа, а с другой стороны, мотив невозможности “отмены” любого совершенного речевого действия и исправления создавшегося положения [Селиверстова 2003: 48] вербализуется в ПЕ весьма разнообразными способами.

Соотношение паремий, характеризующих отдельные признаки речи, выявленные нами в ходе анализа, может быть наглядно представлено в виде диаграмм. Так, на первой из них (Рис. 1) мы видим, что среди ПЕ с глагольным компонентом *говорить* и его различными формами преобладают единицы, порицающие многословие, и единицы, подчёркивающие важность содержательности речи.

Рис. 1. Соотношение паремий с компонентом «говорить», указывающих на признаки речи.

Малочисленны разряды ПЕ, касающиеся таких признаков, как «логичность, связность речи», «подготовленность, продуманность речи», «способность

говорить», т.е. речь как умение пользоваться языком. Минимально отмечен говорящими признак громкости речи.

Среди паремий с компонентами *слово, слова* (Рис. 2) и др. один из наиболее существенных разрядов составили единицы, акцентирующие необходимость продумывать свою речь, прежде чем говорить, чтобы не испытывать сожаление о сказанном. Второй разряд – это ПЕ с эксплицитной или имплицитной рекомендацией быть кратким, немногословным.

Рис. 2. Соотношение пословиц с компонентами *слово, слова*, указывающими на признаки речи.

Это также позволило увидеть, что важность отдельных параметров речи участников коммуникации может быть отмечена в группах паремий, объединенных разными компонентами с семантикой говорения, ведь в обеих группах весомыми оказываются, во-первых, осмысленность, содержательность речи – в отличие от праздной болтовни, и во-вторых, протяженность речи – и не только конкретного речевого акта, но и речевого общения в целом; здесь принимается во внимание время, отводимое собеседниками для разговоров как вида деятельности.

Если обобщить сказанное о речи в ПЕ двух вышеприведенных групп, то напрашивается вывод: многословие, пустая болтовня говорящими порицаются, а самое важное может и должно быть сказано человеком кратко. Продолжительная речь неоправданна – ни в силу того, что расчет говорящим делается на понятливого слушателя, которому суть сказанного ясна без долгих пояснений и повторов (*Про одни дрожжи (дрожжи) не говорят трожды (двожды)* [БСРП: 299]; *Говоренное переговаривать, что вареное переваривать* [БСРП: 181]), ни по причине того, что длительные разговоры противоречат представлению о полезном времяпрепровождении (*Не та хозяйка, которая [красно] говорит, а [та,] которая щи варит* [БСРП: 962]). Мотив бесполезности речи продолжает свое развитие в сравнении с делом, занятостью – это один из наиболее широко вербализуемых пословицами с разными рассмотренными нами компонентами: *Меньше бы говорил, больше бы делал* [БСРП: 181]; *Языком лопочи, а руками делай* [БСРП: 1015]; *Речей много – толку мало* [БСРП: 755] и др.

Этой основной установкой культуры определяются и иные смысловые векторы паремий: речью следует дорожить и подходить к ней с позиций прагматики, пользы; сочетать речь с мыслительным процессом – желательно опережающим сам речевой акт; оценивать условия и возможности реализации речи, т.е., по сути, речевую ситуацию и участников коммуникации. Эти представления, вербализуемые паремиями, также отмечены, как мы покажем ниже, носителями современного языка и культуры.

Представив типологию стереотипных представлений, зафиксированных в русских пословицах как кладези народной мудрости, остановимся далее на том, как воспринимают речь сегодняшние носители русского языка и культуры, какие ее стороны рассматривают в качестве наиболее важных, что для них значит речь. Для ответа на этот вопрос обратимся к результатам проведенного нами анкетирования.

2.3. Стереотипные представления носителей русского языка о речи: результаты анкетирования

Для того, чтобы получить информацию о том, каковы представления носителей современного языка о речи, ее назначении в повседневном использовании, о ее оценке как виде деятельности и характеристике говорящего человека, мы провели опрос, в котором принял участие 61 респондент – люди в возрасте 20 – 30 лет (24.6%), от 30 до 50 лет (36.1%), старше 50 лет (39.3%). Среди респондентов были люди с разным образованием: техническим (11.5%), гуманитарным (24.6%), филологическим (63.9%). Фактор пола при анализе ответов респондентов во внимание не принимался. Опрос проводился в онлайн формате путем использования размещенной на сайте «Гугл формы». Вопросы преимущественно были открытыми и предполагали самостоятельную формулировку ответа респондентом.

2.3.1. Понимание испытуемыми назначения речи согласно результатам опроса

В качестве первого задания респондентов попросили продолжить высказывание, которое начиналось словами «Речь – это ...». Полученные ответы были весьма разнообразными (иногда анкетироваемым было дано более одной характеристики), что позволило выделить группы ответов в зависимости от того, какие были сделаны респондентами акценты, какого рода информацию они сочли важным отразить в своих комментариях.

1. Самую большую группу составили ответы (29.5% от общего количества полученных ответов), в которых отражена **важность человеческой способности говорить, общаться** (Таблица 1). Они приведены в правом столбце таблицы.

Таблица 1. Ответы респондентов о восприятии речи как способа общения⁹

Назначение речи	Ответы респондентов (18)
Способ коммуникации, общения	...средство коммуникации (2) ...умение говорить ...способ коммуникации ...устная языковая коммуникация ...способ коммуникации людей ...одна из форм общения людей ...устное общение, коммуникация на каком-либо языке ...использование языкового материала в целях коммуникации ...способность человека, отличающая его от животных, средство общения ...форма общения людей (говорение) (2) ...форма вербальной коммуникации Речь – это средство общения, выраженное в вербальной форме. ...процесс общения посредством языка, включая говорение, аудирование, чтение, письмо ...способ самовыражения
Из интернета	...исторически сложившаяся форма общения людей посредством языковых конструкций, создаваемых на основе определенных правил (2)

Отметим, что часть респондентов воспользовалась информацией сети Интернет, приведя практически слово в слово одно из определений «речи» – мы выделили этот ответ в отдельную строку.

2. Вторую по количеству группу (21.3%) составили ответы, в которых респонденты *связали речь с мыслительной деятельностью, проявлением интеллекта* (Таблица 2).

⁹ Ответы респондентов приводятся в таблицах в том виде, в каком они были получены при опросе. При совпадении ответов они суммируются, о чем говорит количество, приведенное в скобках.

Таблица 2. Ответы респондентов, отразившие связь речи с мыслительной деятельностью

Функция речи	Ответы респондентов (13)
Осуществление мыслительной деятельности и вербализация ее результатов	<p>...способ выражения мыслей при помощи языка</p> <p>...одежда мыслей</p> <p>...выражение мыслей и чувств при помощи языка</p> <p>...способ изложения мыслей</p> <p>... возможность выразить свои мысли</p> <p>...процесс и результат мыслительной деятельности в форме слов</p> <p>...умение связно и членораздельно выражать свои мысли</p> <p>...способность говорить, выражать, передавать свои мысли, опыт устно или письменно (2)</p> <p>...способность говорить, выражать, передавать что-либо словами — устно или письменно</p> <p>...способность выразить свои мысли устно, письменно, с помощью внутренней речи</p> <p>...отображение уровня человеческого интеллекта и эмоционального спектра</p> <p>...способность выражать свое мнение; отношение к жизни, являющаяся индивидуальной особенностью человека, показывающая уровень интеллекта и образования</p>

Помимо констатации связи между мыслительной деятельностью и речью, отвечавшие отметили и некоторые дополнительные черты, характеризующие мыслительный процесс: отражение в нем опыта, проявление эмоций, возможность письменной и устной форм выражения мыслей, важность связного и членораздельного изложения мыслей – возможного именно с помощью языка. Последним в этом разделе приведен наиболее полный и весьма содержательный, многоаспектный ответ, охвативший несколько важных моментов.

3. Третью по количеству группу (25% от общего количества) составили ответы, в которых респонденты отметили *формы речи, связь речи с системой языка и возможность ее реализации* (Таблица 3).

Таблица 3. Ответы респондентов, охарактеризовавших речь по форме реализации языка как системы

Формы реализации речи	Ответы респондентов (15) ¹⁰
<p>Письменная и устная формы речи. Речь как реализация языковой системы.</p>	<p>...устная форма реализации языка ...письменная и устная формы языка ...форма существования языка (устная / письменная), возникающая в результате речевой деятельности людей с использованием языкового кода, отражающая особенности характеристики ситуации общения, адресата и адресанта, контекста ситуации общения (<i>цитата из научной статьи – С. Я.</i>) ...форма существования языка ...речь – это язык в его употреблении ...реализация языковой системы (2) ...живая реализация языка (системы языка) ...целенаправленное разворачивание языка во времени ...акт говорения, протекающий во времени и облеченный в <i>звуковую или письменную формы</i> ...устный способ передачи информации ... способность выражать свои мысли <i>устно, письменно, с помощью внутренней речи</i> ...произносимые человеком вслух слова ...устно или письменно оформленный человеком текст ...индивидуальная реализация языка</p>

Как видим, ответы респондентов, в которых они отметили связь языка и речи, дифференцируя язык как систему знаков и как речь, т.е. «целенаправленное» использование языка в целях коммуникации, составляют довольно значительную группу. Упоминание письменной и устной форм речи встречается и в ответах, отнесенных нами в другие группы ответов – ср., например, характеристику речи как «устного способа передачи информации», где функция передачи информации

¹⁰ Курсивом выделены основания для включения отдельных ответов респондентов в данную группу и их количественного учета.

позволяет учесть данную реакцию и в другом разряде (см. Таблицу 5). Одним респондентом упомянута и *внутренняя речь*, нередко предваряющая вербализацию адресованной кому-либо речи или же обращенная к самому себе.

4. Четвертую по количеству группу (8.2% от общего количества) составили ответы, в которых респонденты охарактеризовали *речь как один из видов деятельности* (Таблица 4).

Таблица 4. Ответы респондентов, отразившие восприятие речи как деятельности

Речь как деятельность	Ответы респондентов (5)
	<p>...один из видов деятельности (3)</p> <p>...конкретный акт говорения, протекающий во времени</p> <p>...мозговая деятельность человека по производству определенных звуков в целях коммуникации</p>

Ответы респондентов, как видим, отличаются: здесь и простая констатация речи как вида деятельности, и определение, близкое к словарной дефиниции. Последний из приведенных ответов интересен тем, что в нем сочетаются характеристика вида деятельности (речи) с ее прагматической целью и указанием на деятельность органов речи, производящих звуки.

5. Пятую группу составили ответы (8.2% от общего количества) респондентов, касающиеся такой важной функции языка, как *передача информации* (Таблица 5).

Таблица 5. Ответы респондентов о связи речи с передачей информации

Функция речи	Ответы респондентов (5)
Передача информации	<p>...способность передавать информацию с помощью языка</p> <p>...передача информации с помощью слов</p> <p>...способ передачи информации человеком.</p> <p>...устный способ передачи информации (2)</p>

Из результатов опроса видно, что респонденты осознают важность обмена между людьми различного рода сведениями, возможного благодаря речи.

6. Незначительную группу (5% от общего количества) составили ответы, в которых респонденты отметили *виды речевой коммуникации*. (Таблица 6).

Таблица 6. Ответы респондентов о речевых формах общения (коммуникативного взаимодействия)

Виды речевой коммуникации	Ответы респондентов (3)
	...устно или письменно оформленный человеком текст ...публичное выступление, или монолог ...официальное выступление

В ответах респонденты обратили внимание на вид речи – монолог, произносимый от первого лица, в том числе в виде подготовленного выступления. Мы посчитали возможным отнести к монологическим и речь перед слушающими (*официальное выступление*), и *оформленный* (т.е. созданный) одним человеком (*автором*) текст, хотя здесь допустимы и иные трактовки. Отметим, что в ответах отсутствуют упоминания таких типов речи и жанров, таких как «*беседа*» или «*разговор*», т.е. диалога или полилога, «*рассуждение*» (монолог) и др.

7. Не многие из отвечавших отметили *звуковую сторону речи*, хотя это могло подразумеваться и теми, кто упомянул *устную форму, устную речь*. Нами получено 5 ответов (8%), в которых фигурируют слова *звук, звуковой* (Таблица 7).

Таблица 7. Ответы респондентов о связи речи с ее звуковой стороной

Звуковая сторона речи	Ответы респондентов (5)
	... <i>последовательность звуков в звуковой цепочке, обладающая смыслом</i> ... <i>звук</i> акт говорения, протекающий во времени и облеченный в <i>звуковую или письменную формы</i> мозговая деятельность человека по производству определенных звуков в целях коммуникации ... <i>произносимые человеком вслух слова</i>

Это важный признак речи, поскольку «фонетическая оформленность», т.е. звуковая оболочка, входит в перечень основных признаков слова, наряду с семантикой, валентностью, лексико-грамматической отнесенностью и т.д. [Шанский 2009: 21].

8. Последняя группа (3.3% от общего количества) включает ответы, в которых респонденты связали речь с *результативным аспектом речевой деятельности* (Таблица 8).

Таблица 8. Ответы респондентов о связи речи с результатами деятельности

Функция речи	Ответы респондентов (2)
Направленность речи на получение результата	...вся совокупность текстов, производимых с помощью языковой системы в процессе речевой деятельности ...использование языковой системы для достижения коммуникативных целей, а также <i>результат</i> такого использования

Столь незначительное количество ответов, в которых акцентируется семантика ‘результативности’, отнюдь не означает, что эта сторона речи не представляет ценности для говорящих, поскольку респондентами уже были ранее названы такие важные возможности «целенаправленной» речи, как «осуществление мыслительной деятельности», выполнение функции «передачи информации», выражение «своего мнения, отношения к жизни» и др.

Респонденты также отметили, что речь направлена на создание за счет использования единиц языковой системы текстов как определенного речевого продукта.

Необычным представляется ответ респондента «Речь – это всегда я», не вошедший ни в одну из групп. В нем проявляется внимание к аспекту авторства речи, к личности говорящего, ведь субъект речи – это важнейший фактор, определяющий и ее построение, и интенциональную направленность, и достижение коммуникативного эффекта.

Сопоставление полученных при опросе результатов с представлениями о речи, выявляемыми в паремиях, отстоящих по времени от сегодняшних дней

довольно далеко, позволяет обнаружить определенное сходство в трактовке сущности и назначения речевой деятельности.

2.3.2. Признаки речи, выделенные испытуемыми в ходе опроса

Второе задание, предложенное испытуемым, было сформулировано следующим образом: «Речь бывает разной. Продолжите ряд слов, характеризующих речь. Напишите наиболее важные характеристики. Не менее 6 слов. Например: *длинная, по делу...*». Мы предполагали таким образом получить в ответ совокупный перечень признаков, из которых – по степени их повторяемости – можно выделить те, которые для говорящих представляются наиболее важными, и есть вероятность, что они прозвучат в первую очередь. Проведенное нами анкетирование, хотя и близко к ассоциативным экспериментам, направленным на выявление у носителей языка их «внутреннего лексикона», отражающего национально-языковое сознание его носителей [Залевская 2006], от ассоциативных опросов отличается, поскольку перед испытуемыми была поставлена достаточно четкая задача – «охарактеризовать» речь. Анкетируемые приводят при подобных опросах зафиксированную в их языковом сознании типичную сочетаемость слова, которую можно трактовать как свидетельство актуального, важного – особенно при известной повторяемости приведенных характеристик. Полученные ответы подлежат группировке по принципу семантической близости и общности отмеченного признака.

Спектр признаков, полученных в результате опроса, достаточно широк и характеризует речь с разных точек зрения. Назовем последовательно разряды, в которые мы сгруппировали отдельные признаки.

I. Так, ряд выделенных признаков связан с восприятием речи с точки зрения возможности и удобства ее восприятия и понимания. В первую очередь мы говорим о *характере протекания речи, ее временных и иных параметрах*¹¹.

Итак, это, во-первых, (1) *протяженность*, отмеченная 24 респондентами:

¹¹ Ответы респондентов приводятся в том виде, в каком они представлены в полученных нами анкетах.

короткая – 9 ответов, *краткая* – 4, *немногословная* – 1, а с другой стороны, *длинная* – 7, *пространная* – 1, *длиннющая* – 1, *затянутая* – 1. Совершенно очевидно, что признак протяженности-краткости речи является одним из весьма важных для участников коммуникации. Отметим, что «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова также иллюстрирует важность этого признака: характеристика *длинная* – один из наиболее частотных ассоциатов, связанных с внешней стороной речи. Она отмечена (как и *плавная*) наибольшим индексом – 8. Ср. также: *долгая* – 3, *короткая*, *немногословная* – по 1 [РАС.1: 554-555].

(2) **Скорость говорения**, произнесения речи характеризуется прилагательными *медленная* – 2, а с другой стороны, *быстрая* – 8, *беглая* – 1 – всего 11 ответов. Для сравнения: в «Русском ассоциативном словаре» скорость речи – *быстрая* – вызвала 7 реакций [Там же].

(3) **Внятность, артикулированность** речи, существенно облегчающая ее восприятие, отмечена 13 респондентами и вербализована такими признаками, как *членораздельная* – 3, *внятная* – 6, а с другой стороны, *невнятная* – 4. В РАС этот признак артикулированности речи, обеспечивающей ее хорошее понимание, номинируется респондентами по-разному: *невнятная* – 7 реакций, *неразборчивая* (2) и противопоставляемые признаки: *внятная*, *разборчивая*, *четкая* – по 2 реакции [РАС.1: 554-555].

(4) Критерий **громкости** произносимого оказался не очень актуальным для респондентов: лишь одним из них отмечен признак *громкая* – 1 ответ, и двумя респондентами речь была охарактеризована как *спокойная* – 2, что также может восприниматься как косвенное противопоставление громкости.

(5) В отношении **плавности** речи как качественной характеристики высказывания получены ответы 7 человек: *плавная* – 3, *прерывистая* – 4.

II. Характеристика выражаемого содержания и способа его подачи отмечена респондентами в соответствии с несколькими критериями – см. Таблицу 9.

Одним из них является соблюдение **логики построения речи**, в соответствии с которым были выделены признаки связности и четкости построения, в также развернутости. Несвязная и сумбурная речь, как видим, особенно отмечается

говорящими.

Вторым параметром, по которому характеризуется речь, является ее *содержательность*. При этом анкетированные отметили (Таблица 9) этот признак двумя способами: прямым указанием на информативность или констатацией ее бессодержательности. Еще одним способом является косвенное указание на ментальные способности говорящего субъекта, которые оцениваются через продуцируемую им речь (*умная – глупая* и др.).

Таблица 9. Характеристика речи с точки зрения ее содержательности (39 ответов) и построения выражаемого содержания (14 ответов). Всего 53 ответа

Содержательная характеристика сообщаемой информации	Положительный признак	Отрицательный признак
Логика построения речи 3 ← → 11	связная – 1 развернутая – 1 ясная – 1	несвязная – 4 спутанная – 2 путаная – 1 сумбурная – 1 сбивчивая – 3
Содержательность речи 23 ← → 7	содержательная – 6 информативная – 5 интересная – 5 важная – 2 по делу – 2 познавательная – 1 по существу – 1 уместная – 1	пустая – 3 скучная – 2 неинтересная – 1 бессодержательная («ни о чем») – 1
Косвенное указание на содержательность речи через характеристику ментальных способностей говорящего 5 ← → 4	умная – 3 разумная – 1 осмысленная – 1	бестолковая – 2 бессмысленная – 1 глупая – 1

В ответах респондентов почти отсутствуют характеристики речи с точки зрения доверия, которое вызывает или, наоборот, не вызывает содержание речи, –

за исключением признака *лживая* (1 ответ). Это объясняется, вероятно, поставленной перед испытуемыми задачи – характеризовать не говорящего, а речь, т.е. как бы в отрыве ее от субъекта. Между тем, многие характеристики речи функционируют в языке «с проекцией» на человека: *хвастливая речь* – ‘речь хвастуна’, *трусливая речь* – ‘слова труса’, и т.д.

С другой стороны, признак *велеречивый* как будто характеризует человека (существительное в мужском роде единственного числа) – витиевато говорящего, хотя слово также характеризует слог, стиль произносимой речи, манеру выражаться. Ср.: *велеречивый* – ‘напыщенный, высокопарный’ [СРЯ.1: 146].

III. С точки зрения **принятых норм и стилистических особенностей** респонденты охарактеризовали речь с использованием определений, составивших третью группу (Таблица 10). Внимание испытуемых обращено на степень правильности речи и ее нормативность как проявления речевой культуры. С другой стороны, ими отмечены функционально-стилистические регистры и даже жанры (*тронная речь* – 1). Не совсем точно, но названы 3 из 5 основных функциональных стилей речи.

Таблица 10. Речь с позиции нормативности речи, функциональных стилей и жанров, богатства речи (57 ответов)

Положительные характеристики культуры речи (17)	Отрицательные характеристики культуры речи (9)	Речь с точки зрения стиля и жанра (31)
правильная – 6 нормативная – 1 грамотная – 8 цензурная – 1 богатая речь – 1	жаргонная – 1 не подчиненная языковым нормам – 1 неграмотная, безграмотная – 2 нецензурная – 1 невыразительная – 1 дефектная – 1 бедная – 2	художественная – 2 официальная – 7 бытовая – 2 неофициальная – 1 разговорная – 5 велеречивый – 1 торжественная – 8 приветственная – 1 вступительная – 3 тронная речь ¹² – 1

¹² Называя речь *тронной*, обычно имеют в виду речь монарха, обращенную к своим поданным – часто к парламенту, министрам. Это значение иллюстрируется многими примерами об официальной деятельности королевы Великобритании. В Национальном корпусе имеются и примеры использования словосочетания в значении ‘важная,

Такие отмеченные нами характеристики, как *тронная*, *торжественная*, также характеризуют скорее общую тональность произносимой речи, в то время как определения *приветственная* и *вступительная* могут быть связаны как с целью, которая стоит перед говорящим (приветствовать присутствующих, огласить повестку дня, программу и т.д.), так и с занимаемым местом произносимого текста в общем порядке проведения определенного мероприятия, которое может включать несколько выступлений. Прилагательное *вступительная* также может предполагать разделение произносимого текста на части в ходе, например, защиты обучающимися своих научных работ; ср. *вступительное слово*.

IV. **Общее впечатление, производимое речью**, складывается из нескольких составляющих. Оно во многом определяется **эмоциональным накалом** речи адресанта, его убежденностью, **экспрессией**, что и было отмечено респондентами (см. левый столбец Таблицы 11). Для многих респондентов является важным то, **какие чувства у адресата вызывает речевое действие**, насколько запоминается, **как воздействует**, т.е. учитываются и эмоциональный отклик или настроение реципиента, и прагматический эффект адресованного ему текста (см. правый столбец Таблицы 11).

Таблица 11. Оценка речи с точки зрения эмоциональности говорящего и в аспекте воздействия на слушающего (41 ответ)

Проявление эмоций говорящим (10)	Речь, вызывающая определенные чувства, ощущения у слушающего (31)
гневная – 1	волнительная – 2
эмоциональная – 5	ободряющая – 1
ораторская – 1 ('живая, эмоциональная')	вдохновляющая – 5
пафосная – 1	воодушевляющая – 1
одухотворенная – 1	завораживающая – 2
пылкая – 1	трогательная – 1
	убедительная – 5
	внушительная – 1

значимая речь лица, занимающего ответственный пост (мэра, президента и т.п.)'. Можно усмотреть в словосочетании *тронная речь* акцент на ее высокой стилистической тональности.

Продолжение Таблицы 11. Оценка речи с точки зрения эмоциональности говорящего и в аспекте воздействия на слушающего (41 ответ)

Проявление эмоций говорящим (10)	Речь, вызывающая определенные чувства, ощущения у слушающего (31)
	поучительная – 1
	запоминающаяся – 2
	увлекательная – 2
	впечатляющая – 3
	яркая – 5

Нельзя не отметить актуальность для анкетированных такого качества речи, как ее эффект, производимый на слушателей. Несомненно, положительными являются характеристики *убедительная* – так обычно характеризуют речь субъекта, достигшего определенной цели благодаря своему умению выстроить речь, использовать приемы выразительности. *Вдохновляющей, воодушевляющей* и *убедительной* называют речь в том случае, когда говорящему удалось максимально воздействовать на реципиента и побудить его к каким-либо действиям или принятию решений, отвечающих интересам или согласуемых с намерением говорящего субъекта.

В таблице 12 приведены позитивные и негативные определения, с помощью которых говорящие дают общую, эстетическую, не аргументируемую оценку (*красивая, изумительная* и др.) – в отличие от приведенных выше.

Таблица 12. Эстетическая оценка речи (без указания признака) – 12 ответов

Оценка речи без указания признака (позитивная) (9)	Оценка речи без указания признака (негативная) (3)
красивая – 4	неприятная – 1
приятная – 2	убогая – 2
изумительная – 1	
блестящая – 1	
прекрасная – 1	

Как видим, здесь учтено восприятие участниками коммуникации внешних, т.е. не содержательных, характеристик речи.

Обращает на себя внимание тот факт, что в таблицах 11 и 12 сравнительно мало негативных характеристик: очевидно стремление респондентов выделить именно те признаки, которые делают речь достойной внимания, незабываемой. При этом нет сомнений в том, что этот значительный ряд прилагательных назван не для характеристики речи в целом – как речевой деятельности вообще; оценивается некое выступление перед аудиторией, отдельный речевой акт.

V. Респонденты указали в качестве характеристик (см. Таблицу 13) **формы речи** – *устную* и *письменную*. Оба **канала общения** (термин Н.В. Изотовой) важны как обеспечивающие возможность полноценного общения с целью передачи мыслей и реализации намерений говорящего. Охарактеризована речь и по характеру взаимодействия участников: *диалог* как обмен репликами, а *монолог* – как система «облеченных в словесную форму мыслей», высказываемых «с преднамеренным воздействием на окружающих» [Щерба, 1957: 115]. Показательно, что при опросе названы и **способы передачи чужой речи** – *прямая* и *косвенная речь*, правила оформления которых входят как в школьную программу по русскому языку, так и, безусловно, в программы подготовки специалистов филологических специальностей, а в последние годы – и в программы по дисциплине «Русский язык и культура речи».

Таблица 13. Формы речи, каналы коммуникации, способы передачи чужой речи (37 ответов)

Формы речи (26)	Виды речи по характеру взаимодействия участников (6)	Способы передачи чужой речи (5)
устная – 14	диалогическая – 3	прямая – 3
письменная – 12	монологическая – 3	косвенная – 2

VI. По отдельным признакам произносимой речи слушатели довольно легко определяют, является ли она заранее запланированной и подготовленной (т.е. речь в данном случае рассматривается как выступление, причем чаще устное) или,

наоборот, спонтанной, что нередко сказывается на логичности произносимого текста и производимом им впечатлении. Для респондентов **степень подготовленности** речи также оказалась актуальной (см. Таблицу 14).

Таблица 14. Характеристика речи в аспекте ее подготовленности (11 ответов)

О подготовленной речи (7)	О неподготовленной речи (4)
подготовленная – 3	спонтанная – 4
продуманная – 2	
заготовленная – 1	
отрепетированная – 1	

В целях сопоставления важности отдельных параметров речи для носителей языка и культуры результаты опроса приведены ниже в виде диаграммы (Рис. 3), на которой отдельные сегменты, или секторы (сокращение – кв.), отличаются по цвету и сопровождаются указанием количества полученных ответов. Все параметры дублируются в списке, приведенном после диаграммы.

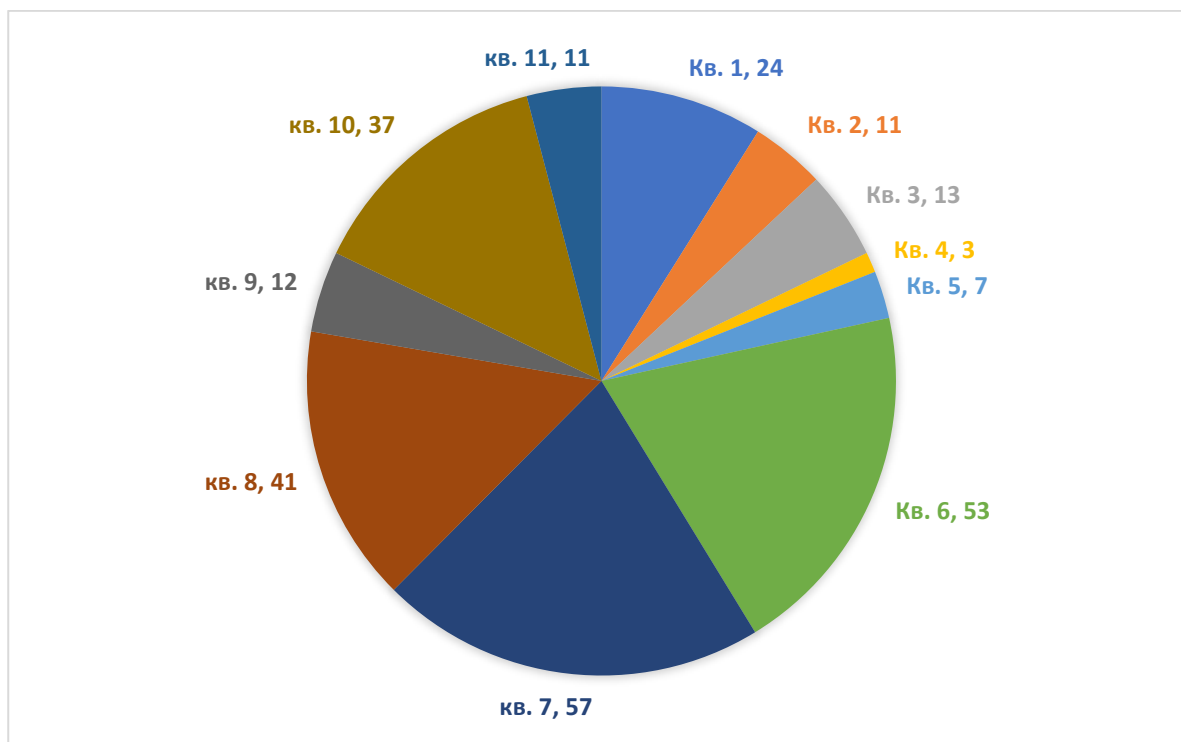

Рисунок 3. Результаты опроса в отношении признаков речи.

1. Характеристика речи с точки зрения ее продолжительности – 24 ответа
2. Темп речи – 11 ответов
3. Характеристика внятности, артикулированности речи – 13 ответов
4. Характеристика речи в аспекте громкости – 3 ответа
5. Речь с точки зрения ее плавности, непрерывности – 7 ответов
6. Характеристика речи со стороны ее содержания и логического построения – 53 ответа
7. Характеристика со стороны культуры речи (нормативность, функциональные стили и жанры, богатство речи) – 57 ответов
8. Характеристика эмоциональной стороны речи (в аспекте производимого ею впечатления и эмоционального настроения говорящего) – 41 ответ
9. Эстетическая оценка речи – 12 ответов
10. Формы речи, каналы коммуникации, передача чужой речи – 37 ответов
11. Характеристика речи в аспекте ее подготовленности – 11 ответов

На диаграмме видно, что самыми значительными в количественном отношении являются несколько групп ответов. Это, во-первых, признаки, связанные с культурой речи и ее характеристикой со стороны нормативности и богатства, функциональных стилей и жанров (57 ответов). На втором месте по количеству полученных ответов находится характеристика речи со стороны ее содержания и логического построения (53 ответа). Судя по ответам, для участников коммуникации весьма важной является эмоциональная сторона, связанная с речевой деятельностью, с отдельным речевым актом. Здесь приведен в общей сложности 41 ответ. Значительное внимание уделено формам речи (устной / письменной) и видам речи по характеру взаимодействия участников (всего 37 ответов). В отношении характеристики продолжительности речи получено 24 ответа респондентов, что также немало – на фоне таких характеристик, как темп речи, внятность, громкость, плавность.

2.4. Качества человека сквозь призму речевой деятельности

При написании данного раздела работы использованы материалы, опубликованные в виде статьи [Сюй Яо 2023в].

Под моделью языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым, понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов 1987: 3]. Входящий в эту модель когнитивный уровень подразумевает наличие представлений и знаний языковой личности, характеризующих ее как индивидуума или как носителя коллективного языкового сознания [Косинова 2011: 183].

Рассматривая человека говорящего как коммуникативную личность, В.И. Карасик выделяет в этой структуре несколько возможных планов. При ценностном подходе рассматриваются нормы поведения (в том числе и речевого поведения), типичные на определенном этапе для людей, объединенных общими культурой и языком [Карасик 2004: 56]. В культурный контекст при этом включаются, помимо прочих, прецедентные тексты как единицы общего социокультурного опыта, к которым принадлежат и пословичные единицы.

Речь позволяет человеку проявить себя, а другим – идентифицировать его через квалификацию речевого поведения. Она рассматривается как производная от индивидуальных способностей человека, как «фактор его успешной презентации в общении с окружающими людьми» [Шкуратова 2009: 57]. Вероятно, именно поэтому речи придается большое значение как возможности разносторонней характеристики и оценки человека¹³.

Наблюдения за особенностями речи, за умением и манерой общаться позволяют увидеть человека под определенным углом зрения и обобщить типичные ситуации речевого поведения, формирующие образ говорящего, отражающие его характер, привычки, намерения, степень его воспитанности и

¹³ Судить о человеке по его словам – и либо оправдывать его, либо осуждать – эта библейская истина высказана еще в «святом благовествовании» от Матфея: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься». Библия онлайн; <https://bibleonline.ru/bible/rst-jbl/mat-12.37/>

толерантности и т.д. В свете активного межличностного взаимодействия обращение к специфике речевого общения и традициям восприятия человека сквозь призму его речи является актуальным, а спектр характеристик говорящего субъекта мало меняется с течением времени, что свидетельствует о важности вербализованных паремиями характеристик.

2.4.1. Вербализуемые в пословицах представления о свойствах человека, проявляющихся в его речевой деятельности

При написании данного раздела работы использованы материалы, опубликованные в виде статьи [Сюй Яо 2023в].

Составители «Большого толкового словаря русских глаголов» (под ред. Л.Г. Бабенко), поясняя принципы его разработки и выделения разделов и подразделов, делают это на примере разряда глагольных единиц, «отображающих ситуацию характеризованной речевой деятельности». При этом они выделяют лексические варианты базовой модели «Субъект – предикат характеризованной речевой деятельности», представляемые ситуациями, в которых отмечаются особенности произнесения реплики (речи) – ее своевременность, непрерывность и др., степень понятности ее содержания и целесообразности произнесения, восприятие речи собеседниками, эмоциональное напряжение говорящего и / или его физиологическое состояние, отношение к собеседнику и т.д. [ЭСС 1998]. Эта типология ситуаций построена на материале лексических единиц – *говорить, шпарить, выговаривать, галдеть, басить, лопотать, бубнить, бурчать, отшучиваться, брякать* и многих других. Использование тех или иных глаголов, как показывают приведенные иллюстрации к отдельным ситуациям, характеризуют говорящего, его манеру речи, мотивационный и эмоциональный спектр [там же].

Пословицы, будучи знаками ситуаций, привлекающих внимание участников коммуникации или сторонних наблюдателей, также характеризуют говорящих в разных аспектах. Речь – это «материя очень далекая от простоты и

самоочевидности», в ходе ее анализа обнаруживаются аспекты, важные для изучения проблем личности [Косинская, Черных 2016: 7]. Человек своей речью сигнализирует о своей эрудиции, интеллекте, психическом состоянии, контактности и т.д. [там же].

Согласно мнению М.С. Гутовской, речь характеризует человека как со стороны способности говорить, выражать словами мысль, проявляющихся в речи стиля и манеры говорить, так и в плане публичного словесного выступления [Гутовская 2007: 164-165].

Итак, пословицы как особая форма характеристики поведения дают весьма детальную картину того, каким предстает человек сквозь призму его речи.

1. Так, манера речи и готовность к ней выдает в говорящем *словоохотливого* человека: *Говорить – десятерых отставить, да ее одное приставить* [Д.1: 320]; *Говори да откусывай* [ДТС.2: 733]; *Язык что осиновый лист: во всякую погоду треплется* [СНМ] (треплется – т.е. ‘попусту’); *Тещиново языка и аршином не измеришь* [БСРП: 1014].

Пословиц о неразговорчивом, молчаливом человеке совсем немного – скорее всего потому, что это свойство в практической жизни ничему не мешает – скорее наоборот, помогает: *Говоря не ошибешься, а молча не обмолвишься* [БСРП: 183] (*обмолвиться* – ‘сказать нечто ошибочное, оговориться’). Носители языка весьма выразительно представляют процесс замедленной речи (*Говорит, будто клеит; Говорит, как клещами на лошадь хомут тащит; Говорит, что родит; Слово к слову приставляет, словно клетки городит* [Д.1: 362] и др.), отражающей мучительный поиск способа выразить свою мысль, но редко дают рекомендации активизировать речевую деятельность; ср. *Не говори «тпру!»», когда ехать надобно* [Аникин: 213].

2. Однако оценивается в первую очередь слишком *многословный* человек, за речью которого не очевидно рациональное зерно сказанного, т.е. *пустомеля*: *Сам с вершок, а слов с горшок* [Д.1: 115]; *Говорить не думая – стрелять не целясь* [БСРП: 182]; *С дураком говорить – решетом воду носить* [Д.1: 383]; *Сколько ни говори, а еще на завтра будет* [Д.2: 161]; Ср. поговорку *Его слова на воде писать* [Д.1: 145]

– ‘вывести суть речи не представляется возможным, как и сохранить текст на воде’; и др. Носители русской культуры воспринимают любителя поговорить – *болтуна* – если не как отлынивающего от работы, то по меньшей мере как не самого активного труженика, т.е. неодобрительно: *Если косить языком, спина не устанет; И клочет, и валяет, и гладит, и катает – и все языком* [БСРП: 1014]; *В долгих речах и короткого толку нет* [СНМ]; *Много говорят, да мало делают* [БСРП: 183]. Праздная болтовня – серьезный минус для характеризуемого человека.

Краснобаями у русских иронически и шутливо называют любителей и умеющих красиво говорить, но чаще тех, кто страдает многословием, воспринимаемым как недостаток; ср.: *Для (Ради) красного словца не пощадит (не пожалеет) ни матери, ни отца* [Д.1: 360]; *Дай волю языку; скажет то, чего и не знает* [СНМ]; *Говорит – хорошо, а замолчит – еще лучше* [БСРП: 182]; *Красноплюй заговорит – всех слушателей переморит* [Д.1: 360]; *И красно и говорит, да пусто цветом* [Д.1: 359]– т. е. говорящий может не преследовать конкретной цели в разговоре, что приравнивается к пустословию.

Тем не менее пословицы позитивно оценивают и красоту речи, и умение говорить – *Речь вести – не лапти плести* [БСРП: 756], поскольку оно дано не каждому; *Хорошая речь слаще меда* [БСРП: 756]. Не случайно пословицы говорят о значимости языка и умения произвести речью сильное впечатление и решать как серьезные задачи, так и более прагматические повседневные; ср.: *Язык царствами ворочает; Язык — стяг, дружину водит; Кто с языком, тот с пирогом* [БСРП: 1014].

3. Пословицы рекомендуют проявлять в разговоре *сдержанность* (*Языку больше давай каши, нежели воли; Языку воли не давай* [БСРП: 1015]; *На язык пошрины нет: что хочет, то и лопочет* [БСРП: 1012]) и, следовательно, могут характеризовать носителя русского языка как человека *осторожного, опасливого*, помнящего о том, при ком и что можно говорить, а в каких случаях предпочтительнее воздержаться. В приведенных ПЕ эта идея выражена в общем виде, но в других поговорках указывается на разговоры, болтовню как ошибочные действия, совершаемые *неосмотрительным* человеком и имеющие неприятные

последствия: *Больше говорить – больше грешить* [БСРП: 182]; *Из-за пустых слов пропал, как пес* [Д.1: 359] (*пустых* – т.е. напрасно сказанных, легкомысленных, неоправданных) и т. д. Лаколично эта идея передана и в ПЕ *Свой язык (язычок) – первый супостат* [БСРП: 1015] – т. е. ‘недруг, неприятель’. В метафорическом виде последствия вольного, т.е. ни в чем не ограничиваемого языка, представлены в ПЕ *Дашь языку волю – голове тесно будет* [СНМ] – тесно, возможно, от нежелательных мыслей, поиска выхода из сложившейся ситуации и т.п. (ср. ФЕ *голову ломать* над чем-л.) Ср. также: *Язык говорит (болтает), а голова не ведает* [БСРП: 1013] – голова как будто не участвует в разговоре, т. е. отсутствует четкое осознание назначения и условий произнесения речи; *За слова голова гинет* [БСРП: 821]; *За худые слова слетит и голова* [Там же]; *Язык голубит, язык и губит* [БСРП: 1013], т.е. ‘за свои слова говорящий может поплатиться’.

Человек же **осмотрительный** учитывает присутствие других людей как нежелательных свидетелей разговора: *Говорят с уха на ухо, а слышно с угла на угол* [БСРП: 938]; *Скажешь тайком, а услышишь явком* [БСРП: 811]; *Сказал бы словечко, да у стен уши есть* [БСРП: 821] и др. Это особенно опасно, поскольку, как говорят ПЕ, негативная информация о человеке имеет свойство распространяться быстро: *Хорошее слово лежит, а худое бежит* [БСРП: 827]. Отсюда и мотив лишнего, напрасно сказанного слова, широко используемый в ПЕ: *Лишнее слово досаду приносит; Лишнее слово до стыда доводит* [БСРП: 824]. Самыми разными образными средствами вербализуется в ПЕ мотив случайно, неосторожно оброненного слова, которое невозможно вернуть: *Сказанное слово – пущенная стрела; Сказанное слово и топором не вырубешь; Сказанное слово в кадык назад не ворочается* [БСРП: 825-826] и др.

Паремии предупреждают, что **неосторожным** словом можно легко обидеть друга (*Пряательское слово не должно быть сурово* [БСРП: 825]), а не обдумав своих слов, можно попасть в комическую, нелепую ситуацию: *Словом поспешон скоро посмешон* [БСРП: 828]. Неосторожность (иногда это может быть и злонамеренность) может проявиться и в вербализации нелестных для кого-л. характеристик и оценок; ср. в ПЕ представление о реакции участников

коммуникации на чье-л. неприятное по форме или содержанию высказывание: *Жесткое слово строптивит, мягкое (кроткое) смиряет* [БСРП: 824]; *Жестоко слово воздвигает гнев* [Там же] – и, следовательно, порождает возражения.

4. Многословие и пустословие связывают с *недостатком ума* – такого человека характеризуют ПЕ *Длинный язык с умом не в родстве* [БСРП: 1012]; *Где много плевел, там мало хлеба, где много слов, там мало мудрости* [БСРП: 666]; *У дурака дурацкая и речь* [БСРП: 315]; *Осла знать по ушам, медведя по когтям, а дурака по речам* [БСРП: 628]; *Пень не околица, глупая речь не пословица* [БСРП: 645]; *С глупой речью сиди за печью* [БСРП: 756]. Поэтому ПЕ *Востер язык, да дурной голове достался* [СНМ]; *Дурной язык без привязи как бешеный пес на воле* [БСРП: 1012] служат характеристикой недалекого человека.

Наоборот, «умные речи» воспринимаются положительно, хотя в количественном отношении поговорки о глупых и умных говорящих и их словах несопоставимы: *Умные речи приятно и слушать; Хорошие речи приятно и слушать; С умным речь к разговору, а с безумным в ссору* [БСРП: 755]; *Умный одно слово вымолвит, и то скажется* [БСРП: 827].

5. Пустословие, пустозвонство расцениваются в паремике и в иных аспектах. Они нередко отличают, во-первых, *хвастливого* человека, *бахвала*, говорящего о своих достоинствах, которыми он не всегда обладает: *Хвастливое слово гнило* [БСРП: 827]; *На словах города строит, а на деле ничего не стоит* [БСРП: 823]; *Похвальные речи всегда гнилы* [БСРП: 755]. Паремии, построенные по модели противопоставления двух не соответствующих одного другому действий, дают оценку пустомеле – человеку, у которого слова расходятся с делом: *На словах – Волгу переплывет, а на деле – ни через лужу; На словах князь, а на деле – грязь; На словах, что на санях, а на деле, что на копыле* [БСРП: 823]; *копыл* — ‘небольшая деталь саней’, на которой ехать невозможно. Во-вторых, ПЕ характеризуют человека *необязательного*, который не держит своего слова, дает напрасные обещания: *На словах, что на перинке, а проснешься наголе (на голе)* [БСРП: 823]; *наголе* – ‘на голом месте’.

Лишь некоторые из обнаруженных нами единиц характеризуют человека

твердого слова: *Тот в слове стоит твердо, кому слово дорого* [БСРП: 823]; ср. поговорку: *Слово сказал, так на нем хоть терем клади* [СНМ].

6. Наиболее впечатляющей по количеству единиц является характеристика человека *неделового, бесполезного* – будь то *ленивого* или *не привыкшего работать*, а точнее – «работающего» языком: *Щедр на слова, да скуп на дела* [БСРП: 822]; *От слов до дела – целая верста; Два слова басен, да и все дело тут* [БСРП: 821]; *Речи слышали, а дел не видим; Большой говорун – плохой работник* [СНМ] и др.

Оценка человека, выводимая из подобных ПЕ, может быть выражена и прямо: *На словах кажется человек, а на деле покинуть* [БСРП: 823], «покинуть» – ‘не жаль бросить; бросовый, никчемный’.

7. Люди часто *льстивы и двуличны*, если преследуют определенную цель – эта идея вербализуется в ПЕ, предупреждающих о возможной неискренности говорящего и опасности веры его словам: *На ласково слово не сдавайся, а на грубое не сердись* [БСРП: 825]; *Речи сахарные, а за пазухой камень; Льстивые речи душу калечат* [БСРП: 755]. В ПЕ *Речи – что мед, а дела – что полынь* [Д.2: 153] выразителен контраст метафорического прочтения двух признаков – «сладкого» и «горького». Следовательно, негативную характеристику получают в ПЕ не только люди, падкие на лесть, но и хитрые *льстецы*; ср.: *Лестуны суть лукавы: на языке мед, а в сердце лед* [БСРП: 481].

О *падком на лесть, тщеславном* говорят многие русские пословицы: *Падок соловей на таракана, человек – на льстивые слова (речи)* [БСРП: 854]; *Не льстись на льстивые слова, скоро сведут с ума!* [БСРП: 822] и др.

8. В русских пословицах активно вербализуется представление о *лицемере*, который, произнося в чей-либо адрес приятные слова, способен на нехорошие поступки в отношении этого же человека: *Речами тих, да сердцем лих* [БСРП: 754]; *Льстец под словами – змей под цветами* [БСРП: 499]; *Льстивые слова говорит, а сам в карман норовит* [СНМ]; *Слова золотые, да рот у него поганый* [БСРП: 822]; *На словах тих, а на деле лих* [БСРП: 823]. Не случайно пословица прямо выражает лингвокультурную установку: *Льстецам нечего верить* [БСРП: 499].

9. В паремике представлен, с одной стороны, человек *ранимый*, которого легко задеть, обидеть словом: *От одного слова да навек ссора* [БСРП: 822], а с другой стороны – по-разному характеризуется человек *язвительный, насмешливый, критикующий*, способный речью задеть, обидеть, очернить: *Острый язык змею из гнезда выманит; Мягок язык, а жалит больно* [БСРП: 1012]; *Лучше быть битым, чем задетым словом обидным; Слово что уголь: не обожжет, так замазает* [БСРП: 827]. Пословицы порицают тех, кто *ругается* (*Чем ругаешься, тем и подавишься; Ругать – не ласкать, не скоро заморишься* [БСРП: 768]; *Говорю людскую честить, отца-мать забыть* [Д.2.161], *бранится* (*Бранливых никто не любит; Не бранись ни с кем, так хорош будешь всем; Брань до добра не доводит; Бранить – себя тешить* [БСРП: 90]), а то и *затекает драки* – ср. ирон. *Чем долго браниться, не лучше ль подраться* [БСРП: 90]; *Языком болтай, а рукам воли не давай* [БСРП: 1015].

Злой, злонравный – такие люди маркированы в ПЕ отрицательной оценкой (*Гнило слово от гнила сердца* [БСРП: 823]; *И доброе слово не уймет злого* [БСРП: 824]) – в том числе потому, что последствия злых высказываний могут иметь для объекта критики неприятные последствия: *Дурное слово, что смола: пристанет – не отлепится* [БСРП: 824]. В паремике одобряется подход, при котором *злоречивого* сдерживают (*Тот всегда будет славен, кто обличает язык злонравен* [БСРП: 1012]), а беседа признается полезной и приятной, если *Язык доброглаголив умножит добру беседу* [БСРП: 1013], т.е. ‘речь человека добрых намерений улучшит, украсит разговор’.

Нельзя, однако, не отметить паремии, в которых подмечено, что нежелательному распространению негативной информации о чем-либо или о ком-либо трудно положить конец: *На чужой роток не накинешь платок; Чужой роток не свой хлевок: не затворишь* [БСРП: 766]; *На чужой рот пуговицы не нашьешь* [БСРП: 765] и др. Пословицы построены на образе человеческого рта как источника речи, а обладатель этого «рта» предстает как *досужий сплетник, любитель пересудов*.

Противостоят этим паремиям изречения, подчеркивающие важность

позитивного отношения к человеку. Проявление *доброты, похвала, ободрение, ласка* получают высокую оценку говорящих: *Доброе слово дороже золота* [БСРП: 823]; *Доброе слово пива дороже; Ласково слово что великий день; Доброе слово обращает лице, а злое отвращает сердце* [БСРП: 824]. Разнообразие представленных в ПЕ образных решений и эталонов ценности для выражения позитивной оценки «доброе слово» показывает, насколько важным видится проявление в речи такого отношения к собеседнику: *Ласковое слово лучше мягкого пирога; Доброе слово сказать, что посошок в руку дать; Доброе слово человеку – что дождь в засуху; Доброе слово – что весенний день* [БСРП: 824]; *Доброе слово в жемчугах ходит, а злое слово пуще стрелы разит* [СНМ].

10. О том, что высказанное без околечностей мнение *прямого, прямолинейного* человека или характеристика кого-либо могут быть крайне неприятными, говорят ПЕ *Прямикое слово что рогатина* [БСРП: 825] – *рогатина* используется в качестве эталона и в иных поговорах как символ ‘колющего’ и в переносном смысле ‘ранящего’ предмета; ср.: *Холопье слово что рогатина; Прямое слово рожном торчит* [БСРП: 825], *рожон* – ‘острый кол, укрепленный в наклонном положении’ [ТСУ.3], т.е. ‘неприятный, неудобный, колющий’.

Не следует проявлять *упрямства* (*Заколоти в него хоть осиноый кол – он все будет говорить: соломинка!* [Д.1.114]), *высокомерия* (*Ваши слова в Библию, а мои, знать, ни в [татарский] Пролог [не годятся]; Ваши слова в Евангелие писать, а наши в азбуку не годятся; Нашему слову и места нет* [БСРП: 821]), допускать ложь, поскольку *лживые* речи «пачкают» произносящего их и закрепляют за ним репутацию лгуна: *Не с ветра говорится, что лгать не годится* [БСРП: 118]; *Лгать – бога прогневить, правду говорить – людей досадить; и молчи* [БСРП: 71]; *Вчера солгал, а сегодня лгуном обзывают* [БСРП: 474].

Русские поговорки показывают, что наиболее типичным способом указать на содержание речи субъекта и его намерение является использование компонента-прилагательного, способного прямо или косвенно аттестовать и самого говорящего или адресата речи и в целом – часто наблюдаемые ситуации.

ПЕ *Жестoko слово смущает сердце* [БСРП: 824] говорит о проявлении жестокости и характеризует **жесткого** человека.

В ПЕ *За бесчестное слово засвербела голова* [БСРП: 824] характеризуется порицаемый поступок **бесчестного** человека.

Изречение *Лестное слово что вешний день* [СНМ] может служить как поощрением человеку, **не скупающемуся на похвалы**, так и косвенной аттестацией **тщеславного**.

Использование паремии *Льстивое слово недолго живет* не является прямой аттестацией одного из коммуникантов либо третьего лица, но, несомненно, связывает его с представлениями о **льстеце, лицемере, лукавом, хитром, расчетливом** и т.д.

Пословица *Покорное слово гнев укрощает; Покорно слово сокрушает кости* [БСРП: 825] говорят скорее не о покорности, а об отсутствии упрямства в человеке. Проявление **покладистости** способно сильно влиять на собеседника и помогает находить общий язык; ср. также: *Кроткое слово гнев побеждает* [БСРП: 824].

Пословицы на удивление многогранны – они призывают – прямо или косвенно быть **внимательными и приветливыми** (*Доброе слово и кошке приятно* [СНМ]; *От вежливых слов язык не отсохнет* [БСРП: 821]); **тактичными, чуткими** (*В доме повешенного не говорят о веревке* [БСРП: 291]; **благодарными** (*Пожалуйста не кланяется, а спасибо спины не гнет; Своего спасибо не жалея, а чужого не жди* [Д.1.114]; *Пошел на обед — паси слово на привет* [СНМ]; **дальновидными** (*Говорить правду – потерять дружбу* [БСРП: 713]; **сдержанными** – *На ласковое слово не кидайся (не сдавайся), на грубое не гневайся (не сердись)* [Д.1.116]; **воспитанными, вежливыми**: *Чужих слов не перебивай* [ДТС.4: 235]; *Рад не рад, а говори: милости просим!* [Д.1.263]; *Колокольный звон не молитва (а крик не беседа)* [Д.1.38].

Таким образом, мы постарались показать на примерах пословиц, каковы проступающие в речевой деятельности основные свойства человека, каким он видится носителям русского языка – в положительном, но преимущественно – в отрицательном свете. Это вполне согласуется с назначением пословиц как единиц

«санкционированной мудрости» (термин Яна Мукаржовского) – ориентировать человека на лучшие «образцы» поведения, но через отрицание и осуждение нежелательных черт и поступков.

2.4.2. Характеристика неприятного собеседника сквозь призму его речи: итоги анкетирования

Желая уточнить, чем руководствуются участники диалога и коммуникации в целом в оценке собеседника, какие именно свойства говорящих вызывают наибольшие нарекания и производят отрицательное впечатление, мы провели небольшой эксперимент. Он состоял в опросе 61 респондента (это люди с высшим образованием), от которых требовалось дать ответ на следующий вопрос: «Какого собеседника вы можете охарактеризовать следующим образом: *«С ним неприятно общаться, он говорит ...»*».

В результате опроса нами получен довольно значительный перечень ответов, демонстрирующих, с одной стороны, сочетаемость глагола *говорить*, а с другой – широкий спектр признаков как самого субъекта речи и его манеры говорить, так и неприемлемого для других содержания речевого высказывания.

Полученные ответы настолько разнообразны, что здесь напрашивается их разделение на несколько разрядов – в зависимости от того, что именно вызывает негативную оценку реципиентов речи.

Представим отдельные разряды полученных ответов, с тем чтобы показать степень важности для респондентов отдельных характеристик говорящих (участников коммуникации), вызывающих неприятие при общении и участвующих в формировании общего впечатления о человеке.

2.4.2.1. Отношение к участникам коммуникации и нарушение правил речевого взаимодействия

1. Обратимся к ответам, составившим **первую группу** и называющим признаки речевого поведения, в которых проявляется отрицательное восприятие говорящего, оцениваемого в аспектах **его отношения к другим участникам коммуникации, нарушения им принципов речевого взаимодействия, затруднения им восприятие собственной речи.**

Так, неприятие вызывает поведение, свидетельствующее об *ощущении человеком своего превосходства, исключительности*, что считается обычно проявлением нескромности и невоспитанности, нарушением принципа «равенства» собеседников (см. Таблицу 15). В рамках данной и рассматриваемых далее групп признак сопровождается количественным показателем, указывающим, во-первых, на число респондентов, которые привели данный ответ (например, *высокомерно* – 5), что является свидетельством его относительной важности для говорящих – в сравнении, к примеру, с приведенным единственным ответом. С другой стороны, близкие по смыслу ответы суммируются (например, «Демонстрация превосходства в разговоре» – всего 14 ответов), что позволяет, с одной стороны, увидеть, для какого количества респондентов демонстрация превосходства в общении в любом виде является недопустимой (для 14 из 61 человека). С другой стороны, это делает реальным сопоставление по степени важности для опрашиваемых отдельных групп признаков, названных при опросе.

Таблица 15. Демонстрация превосходства в разговоре (22 ответа)

Причина признания речевого поведения неприемлемым	Полученные ответы	Кол-во
Ощущение превосходства, проявление высокомерия, кичливости	высокомерно – 8 надменно – 3 поучающим тоном – 1 пренебрежительно – 1 претенциозно – 1 неуважительно – 1 без уважения к собеседнику – 1 как сноб – 1	17

Продолжение Таблицы 15. Демонстрация превосходства в разговоре (22 ответа)

Причина признания речевого поведения неприемлемым	Полученные ответы	Кол-во
Необоснованная уверенность в себе	назидательно – 1 самоуверенно – 1 с вызовом – 2 авторитарно – 1	5

2. Согласно принципам кооперации и вежливости собеседники в процессе речевого общения должны не только говорить сами, но и давать возможность высказаться собеседнику и выслушать его, а не лишать его права говорить. Если один коммуникант говорит, то «другой должен находиться в состоянии слушания, что соответствует молчанию» [Богданов 1990: 27]. Затем они меняются ролями. Как пишут И.В. Грошев и А.А. Щербак, «человек, перебивший собеседника, оценивается как спорящий, равнодушный, самоутверждающийся, грубый, властный, склонный к соперничеству, подчиняющий себе собеседника» [Грошев, Щербак 2008: 280], т.е. исключительно отрицательно.

Негативно оценивается респондентами и невнимание к собеседнику, к теме и содержанию его высказывания. Это своего рода проявление пренебрежения к человеку, не слишком важному (полезному) для общения. как бы включаемому в круг «субъективно незначимых лиц» (термин И.В. Грошева, А.А. Щербак). К числу таких оценок следует отнести полученные нами следующие ответы (Таблица 16).

Таблица 16. Отсутствие внимания к собеседнику как участнику коммуникации, недооценка собеседника (16 ответов)

Основание для признания речевого поведения неприемлемым	Полученные ответы	Кол-во
Перебивание речи	перебивая собеседников – 3	3

Продолжение Таблицы 16. Отсутствие внимания к собеседнику как участнику коммуникации, недооценка собеседника (16 ответов)

Основание для признания речевого поведения неприемлемым	Полученные ответы	Кол-во
Отсутствие внимательности, внимания к речи собеседника	не слушая собеседника – 2 совершенно не слышит собеседника – 1 не думая о собеседнике – 1 невнимателен – 2 постоянно на что-то отвлекаясь – 1	7
Уход от затронутой темы	постоянно на другие темы – 1 не поддерживает разговор – 1	2
Говорить исключительно самому	не давая возможности ответить – 1 безостановочно – 1 (говорить) он говорит эгоистически – 1 упиваясь своими речами – 1	4

3. В качестве порицаемых характеристик приведены и такие, которые характеризуют *неверно выбранный собеседником тон, стиль общения, манеру речи* (всего 54 ответов), вызывающие неприятие – у собеседника может пропасть желание разговаривать в подобном тоне:

Грубо – 15 (25% от общего количества респондентов), *агрессивно* – 5 (8%), *резко* – 3 (5%), *по-хамски* – 1 ответ (2%), *нагло* – 2 ответа (3%) – т.е. пренебрегая правилами этикета, бесцеремонно, нахально. Как видим грубость как *тактика, проявляемая в разговоре*, – один из наиболее нежелательных признаков речевого поведения в коммуникации – суммарно 26 ответов;

нецензурно – 4, *матерясь, нецензурные слова* – 2, *некультурно, использование сленга, использование слов-паразитов* – 2; всего – 11 ответов.

саркастично, язвительно, оскорбительным тоном – 3 ответа, указывающие на *желание задеть собеседника*, дать чему-л. нелестную, обидную характеристику; *назойливо*, т.е. ‘не дающий покоя, утомительный, навязчивый’ – 1 ответ.

О бестактном и невоспитанном человеке говорят такие характеристики,

как *с раздражением* (1), *с наездом* (1), *беспардонно* (1), «*сквозь зубы*» (1), *бестактно* (1), *вызывающе* (2), *отвратительно* (1), *противно* (1), *категорично* (1) – 10 ответов.

С другой стороны, ***общий стиль и тон*** также оцениваются говорящими; ср. признаки: *напыщенно* – 2 ответа, т.е. ‘преувеличенно важно, кичливо’, ‘чрезмерно торжественно, искусственно приподнято; высокопарно’ [СРЯ.2: 386]; *велеречиво* – 1 ответ; всего – 3 ответа.

4. К признакам, говорящим ***о неясности содержания, об отсутствии четко выраженной мысли, логичности***, о неумении, неподготовленности можно отнести такие ответы, как *непонятно* (4), *бессвязно* (3), *неуверенно* (1), *сбивчиво* (5), *сумбурно* (1), *слишком путанно или как будто бредит* (1); *он говорит и не может сформулировать свою мысль* (1) – такая речь затрудняет восприятие, существенно снижает доходчивость, достижение конкретной цели – всего 16 ответов.

Сюда же, вероятно, следует отнести указанные респондентами признаки, которые также могут затруднять понимание сказанного. Порицание малограмотного собеседника – 14 ответов – выразилось в ответах: *неграмотно* (7), *с ошибками* (4), *необразованно* (2), *безграмотно* (1). Суммарно – 30 ответов.

5. Очень важными оказались характеристики, указывающие на отсутствие возможности полностью, полноценно понимать речь собеседника ввиду ощутимых ***недостатков произношения***. Об этом говорит тот факт, что *невнятность* речи отметили более 20% респондентов (15 ответов), а вместе с ответами *неразборчиво* (8), *нечленораздельно* (2) и *проглатывая слова* (2), *непонятно из-за плохой дикции* (1), *косноязычно* (2), *заикаясь* (1) и образной характеристикой *как каши в рот набрал* (1 ответ) суммарный показатель важности членораздельной, без труда воспринимаемой речи составил 32 ответа.

6. Небольшую группу составили ответы, в которых респонденты выразили свое неприязненное отношение к ***малокультурному*** человеку, который, *разговаривая, ест* (2 ответа – 3%), и ***неаккуратному*** человеку, *брызгающему* во время разговора *слюной* (1 ответ – 2 %); всего 3 ответа.

Ответы, называющие отдельные нарушения принципов речевого

взаимодействия и создающие препятствия для успешной коммуникации, приведены разным количеством респондентов, т.е. их приоритетность определенным образом градуируется. Это достаточно наглядно представлено на нижеследующей диаграмме (Рис. 4).

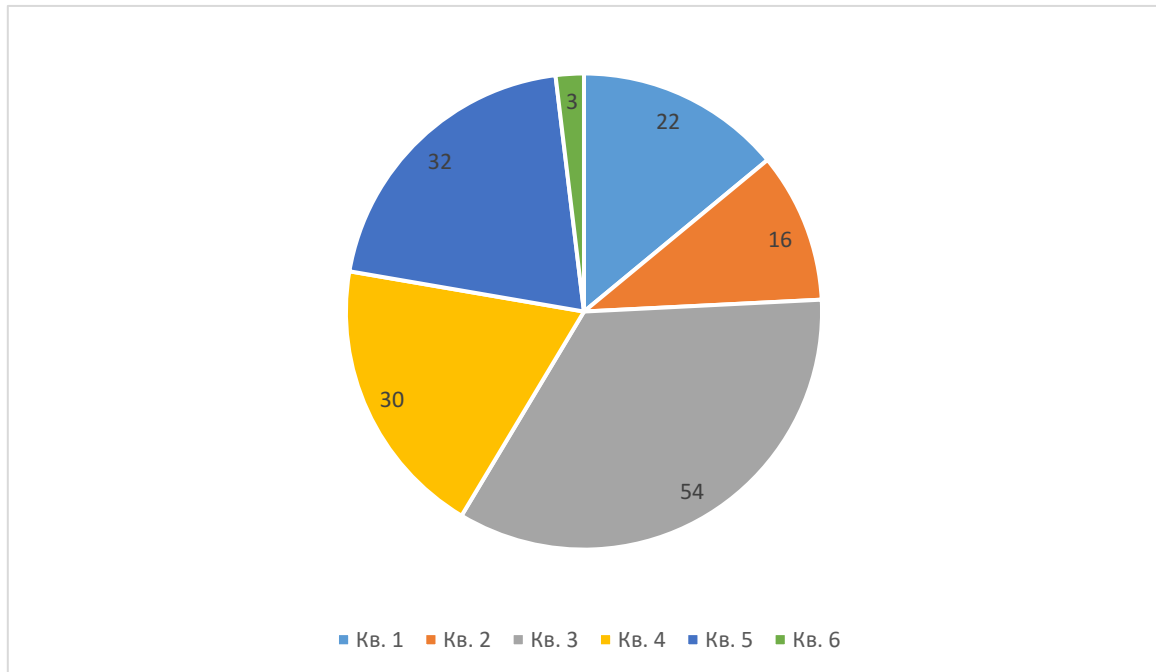

Рисунок 4. Неприемлемое отношение говорящего к другим участникам коммуникации: нарушение им принципов речевого взаимодействия, создание трудностей восприятия его речи.

1. Демонстрация превосходства в разговоре (22 ответа);
2. Отсутствие внимания к собеседнику как участнику коммуникации (16 ответов);
3. Характеристика неверно выбранных собеседником тона, стиля, манеры речи (54 ответа);
4. Отсутствие четкости мысли, логичности (30 ответов);
5. Мешающие восприятию ощутимые недостатки произношения (32 ответа);
6. Отношение к малокультурному человеку (3 ответа).

Значительным вниманием респондентов отмечены такие характеристики, как проявление говорящим высокомерия и превосходства, нарушение правил речевого взаимодействия – невнимательность к собеседнику и грубая и резкая манера

поведения. Неожиданно большую группу ответов составило указание на факторы, мешающие оптимальному восприятию речи собеседника.

2.4.2.2. Характеристики речи, воспринимаемой на слух

Темп речи и *степень ее громкости* представляют собой важные характеристики, поскольку тяжело воспринимается слушающими как слишком быстрая речь, скороговоркой, так и медленная, растянутая речь, а также слишком громкая либо, наоборот, тихая. Любой из этих признаков важен в том случае, если речь характеризуется его чрезмерным проявлением.

Респондентами в качестве негативных отмечены внешние характеристики речи, образующие противоположные по смыслу пары:

(1) первую пару составили признаки *быстро* (9 ответов – 15%) и *медленно* (8 ответов – 13%) – близкие по количеству ответов;

(2) вторую пару составили ответы *громко* (13 ответов – 21%) и *тихо* (5 ответов – 8%).

Отмечены также такие *признаки звучащей речи*, как *неблагозвучно* (1); *так, что режет слух* (1) и, что показательно, *неэмоционально* – 1 ответ, *занудно* – 2 ответа и *монотонно* (3 ответа). Последние три признака говорят о том, что в коммуникации приветствуется эмоционально-окрашенная речь и ее воспринимаемая на слух интонационная выразительность.

Данные, обобщающие характеристики речи в аспекте ее восприятия на слух, представлены в Таблице 17.

Таблица 17. Признаки речи в аспектах ее восприятия на слух и протяженности

Основание для признания речи неприемлемой	Названные признаки	Кол-во
Темп речи	<i>быстро</i> – 9 ответов <i>как пулемет</i> – 1 ответ	18

Продолжение Таблицы 17. Признаки речи в аспектах ее восприятия на слух и протяженности

Основание для признания речи неприемлемой	Названные признаки	Кол-во
	<i>медленно</i> – 8 ответов	
Степень громкости речи	<i>громко</i> – 13 ответов <i>тихо</i> – 5 ответа <i>себе под нос</i> – 2 ответа	20
Протяженность речи	<i>много и долго</i> – 15 ответов <i>без умолку</i> – 1 ответ <i>с утра до вечера</i> – 1 ответ <i>безостановочно</i> – 1	18
Эмоционально-интонационное оформление речи	<i>монотонно</i> – 4 ответа <i>занудно</i> – 2 ответа <i>неэмоционально</i> – 1 ответ <i>неблагозвучно</i> – 1 ответ <i>так, что режет слух</i> – 1 ответ	9
Высота голоса	<i>пискляво</i> – 2 ответа	2

2.4.2.3. Признаки речи в аспекте ее содержания

Анализ результатов опроса позволил обобщить, что именно в речи участников диалога оценивается как неприемлемое и порицаемое в аспекте содержания высказываний. Назовем отдельные подгруппы как результат группировки ответов респондентов, называющих одно и то же понятие или понятия близкие, пересекающиеся.

1. Так, первую подгруппу в ответах респондентов составили признаки, характеризующие **речь бессодержательную, бедную мыслями, неинтересную:**

<i>скучно</i> – 7 ответов (11%) <i>банальности</i> – 4 (7%) <i>общеизвестные истины</i> – 1	<i>несодержательно</i> – 1 <i>не по делу</i> – 8 (13%) <i>одно и то же</i> – 2 (3%)	23 ответа
---	---	-----------

2. Вторую подгруппу составляют более категоричные оценки респондентов, определяющих *речь* собеседника как *откровенно глупую*.

<i>глупости</i> – 13 (21%)	<i>чепуха</i> – 1	16 ответов
<i>не подумав</i> – 1	<i>ерунда</i> – 1	

3. Особенно неприятное впечатление производит на слушающих *сообщение негативной информации о чем-, ком-либо, высказывание отрицательных оценок* в адрес собеседника или в отношении третьих лиц (29 ответов):

Неприятные вещи – 4, *обидные вещи* – 2, *ужасные вещи* – 2 ответа. Обобщающим признаком можно считать характеристику «*плохо (обо всех)*», приведенную 8-ю респондентами (13%). Но имеются и более конкретные комментарии к пониманию негативного по содержанию высказывания: недопустима *речь о недостатках собеседника в присутствии других* (1), что категорически порицается и в деловых отношениях, и при воспитании детей взрослыми. Интересно, что отвечавшими особо отмечено неприятное для всех желание стороннего человека «совать нос» в чужие дела – *копаться в чужом грязном белье* (1) и *говорить в основном о грехах других* (1). Это достаточно типичное явление: как говорит русская пословица, «В чужом глазу соринку видим, а в своем бревна не замечаем», т.е. ‘в ситуации с другим человеком, наблюдаемой со стороны, всегда видны недостатки, в то время, как в своих делах они малозаметны’.

Помимо сравнительно нейтральных характеристик неприемлемого содержания высказываний, респондентами названы и более конкретные и «жесткие» признаки, указывающие на речь безнравственного или непристойного содержания, отвратительные слова:

<i>мерзости</i> – 1	<i>гадости</i> – 3
<i>пошлости</i> – 2	<i>грязно</i> – 2
<i>сальности</i> – 1	<i>пересылая свою речь какими-то пошлыми шуточками</i> – 1

4. Респонденты сочли недопустимым *сообщение (распространение) непроверенных или заведомо ложных сведений* (9 ответов):

<i>неправда</i> – 4	<i>неискренне</i> – 2
<i>неправдиво</i> – 1	<i>сплетни</i> – 1
	<i>распространяя глупые слухи об общих знакомых</i> – 1

5. Если *разговор заострен на темы, интересные только одному из коммуникантов* (6 ответов) – например, говорящий концентрируется только на своих проблемах, делах, успехах и т.д., игнорируя возможность обсуждения иных тем, то это становится малоинтересным остальным и нередко ведет к прекращению беседы, а то и общения в целом и впредь. Не случайно нами получены такие ответы респондентов о нежелательных темах общения: *только о себе* (5) и *говорит только о своих проблемах* (1).

Не составили отдельных групп разрозненные ответы респондентов, также касающиеся содержания. Так, не самым приятным вариантом в общении является уверенность одного из собеседников в том, что ему все известно лучше, чем другим: *знает, как вам надо жить и что делать* (1), и *что следует подражать чужим образцам* (1), т.е. говорящий приводит собеседнику в качестве правильного варианта поведения пример из чужой жизни.

В качестве одобряемых характеристик речевого поведения респондентами были приведены и 4 положительных признака речи – по 1 ответу: *интересно, большой опыт, содержательно, широкие познания*.

Итак, можно суммировать полученные ответы относительно содержания речи, которая отвергается респондентами как участниками коммуникации. На диаграмме (Рисунок 5) представлено соотношение выделенных нами групп ответов, демонстрирующих степень важности отмеченных характеристик речи.

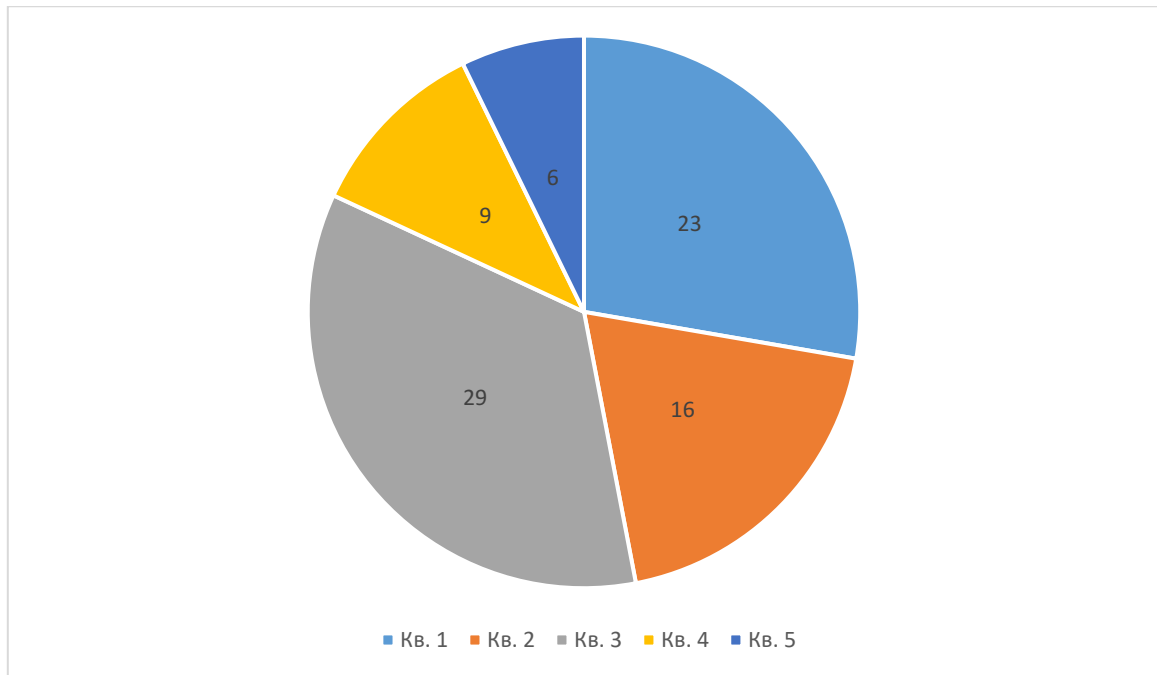

Рисунок 5. Критерии оценки содержания речи как неприемлемого.

1. Речь бессодержательная, бедная мыслями, неинтересная (23 ответа);
2. Речь собеседника как откровенно глупая (16 ответов);
3. Речь, содержащая негативную (порочащую) информацию о чем-л., ком-л., или отрицательную оценку собеседника или третьих лиц (29 ответов);
4. Речь, содержащая непроверенные или заведомо ложные сведения (9 ответов);
5. Речь, которая сводится к темам и аспектам, интересным только одному из коммуникантов (6 ответов).

Как видим, речь воспринимается позитивно, если содержит полезную, интересную информацию, не содержит порочащих собеседника или третьих лиц сведений, не вводит участников коммуникации в смущение непристойностью сказанного, отвратительными подробностями и т.д. В меньшей степени участников коммуникации не устраивает ложная информация и распространение слухов и сплетен, содержащаяся в речи, и отсутствие в разговоре тем, актуальных для всех (обоих) собеседников.

Выводы

Подведем итоги проделанного анализа.

1. Пословицы, в которых носители языка и культуры характеризуют речевые ситуации, признаки речи, особенности протекания коммуникации и ее участников, составляют значительный массив единиц, содержащих компоненты, входящие в тематическое поле «речь, речевая деятельность». Одни из них в большей степени представлены в составе паремий – глагол *говорить* во всех его формах (более 600 единиц), существительные *язык* (более 200), *речь* (более 100), *слово* – последнее выступает и в иных формах (*словцо, словечко, слова* и др.) и насчитывает более 500 ПЕ. Эти компоненты составляют активный пословичный лексикон, санкционированный паремиологическим пространством, в который входят и стилистически отмеченные единицы – сниженные (*брехать*) или книжные (*глаголати*). Для вербализации представлений о речи в ПЕ используются и иные компоненты, менее частотные, но весьма разнообразные, что позволяет оценить объем рассмотренного материала в более чем 1500 единиц.

Благодаря картотеке пословиц, хранящейся в Словарном кабинете филологического факультета СПбГУ и послужившей базой для составления «Большого словаря русских пословиц», мы получили представление, сколько всего насчитывается, согласно самым разным паремийным источникам, единиц, использующих компоненты с семантикой говорения.

2. В вербализации разнообразных представлений, связанных у носителей русского языка с говорением, участвует в роли компонентов широкий спектр лексических средств. На выбор лексемы «речь» в качестве родового слова для различных наименований говорения как одного из наиболее важных видов деятельности повлияла традиция группировки пословиц о речи в словарях. Так, в собрании «Пословицы русского народа» паремии о говорящем человеке и характере его речи собраны под рубрикой «Язык – речь». В словаре паремиики Пермского края «К пиру едятся, а к слову молвится» (под редакцией И.А. Подюкова) эти ПЕ объединены названием «О речи, разговорах». Таким образом, с одной стороны, нет единообразия в принципах группировки единиц о

говорении и выбора для них общего наименования. С другой стороны, в рамках этих массивов паремий объединены единицы, содержащие разные компоненты с семантикой «говорения» и характеризующие разные стороны речевой деятельности. Они не разделяются в зависимости от того, говорится ли в них о способности говорить, о манере говорить (произношении и т.п.), о беседе, разговоре или о речи как публичном выступлении, о содержательной стороне речи и т.д. Так организовано, в частности, собрание пословиц В.И. Даля.

Обращение к отдельным разрядам паремий, объединенным одним компонентом (*речь, язык, слово, говорить*), показывает, что многие стереотипные представления могут повторяться от одного разряда к другому, т.е. в выражении одной определенной идеи могут участвовать ПЕ с разными компонентами с семантикой говорения – например, глаголы *говорить* и *молоть* (*Зять с тещею говорит день до вечера, а послушать нечего; Мелет день до вечера, а послушать нечего*) или существительные *слова* и *язык* в ПЕ *Много слов – мало дела* и *Не торопись языком – поспевай делом*, в которых говорится о предпочтительности дела в сравнении с разговорами.

3. Среди ПЕ о речи обнаруживаются единицы, которые, во-первых, оценивают возможность говорения в целом – благодаря наличию языка как органа речи (*И велик и широк корове бог язык дал, да говорить приказал; Язык мой, а речи не свои говорю*), и, во-вторых, единицы, формулирующие общие правила коммуникации и касающиеся внешних характеристик речи, воспринимаемых на слух – темпа, протяженности речи (*Хороша веревка длинная, а речь короткая; Говорить — не работать, торопиться не надо*) и др. Интересно при этом, что степень громкости речи для говорящих практически нерелевантна.

В-третьих, в ПЕ имеются прямо или косвенно выраженные прескрипции, касающиеся содержания речи. Предложенная нами типология стереотипных представлений демонстрирует их разнообразие, с одной стороны, и важность для носителей языка отдельных установок – с другой. В первую очередь носителям культуры претит многословие и пустословие, особенно негативно воспринимаемые в сравнении с нужной и плодотворной работой (*Поменьше слов, побольше дела; Не*

спеши языком, торопись кочадыком!), которой говорящими в целом отведено в паремике важное место.

Рекомендуемым также является серьезное отношение к выбору слов: следует говорить, предварительно подумав, окинув критическим взглядом смысл собственной речи (*Всякая сорока от своего языка погибает*), взвесив потенциальные последствия (*Лишнее говорить – себе вредить*), оценив собеседника (*Знай больше, а говори меньше; Щи хлебай, да поменьше бай!*), проявив осторожность (*Сказал бы словечко, да волк недалечко; Держи язык на привязи*) и т.д.

Отдельные мотивы удостоились неоднократной пословичной вербализации – это касается ярких образных единиц о невозможности исправить сказанное, о пользе молчания и воздержанности в разговоре, важности проявления при общении такта и вежливости и др.

4. Пословицы, характеризуя речь, отмечают проявляющиеся при этом разнообразные свойства человека, хотя в рамках одной исследовательской работы вряд ли возможно назвать все качества, проявляющиеся в речи, поскольку в ней возможны реализации самых разных намерений (например, подольститься, урезонить, оскорбить, похвалить, позавидовать и др.), определяемых отношениями между людьми, характером человека и привычной манерой общения говорящих.

В спектре характеристик человека значительное место занимают прямые и косвенные указания на негативные свойства природы и черты характера, которые могут проявляться через речь – например, упрямство (*Заколоти в него хоть осиновый кол – он все будет говорить: соломинка!*), осторожность (*Говори, да назад оглядывайся!*), поспешность и самоуверенность (*Не говори «гоп», пока не перескочишь*), прямота (*Не говори обиняком, говори прямиком*) и др.

5. Выявленные нами установки вербализуются с привлечением ряда образов, сравнений и эталонов (*Сказанное слово – серебро, не сказанное – золото; Слово не стрела, а сердце насквозь разит; Язык что осиновый лист: во всякую погоду треплется; С умным разговориться, что меду напиться; Доброе слово дороже золота* и др.), что придает пословицам запоминающуюся форму.

Паремии о речи характеризуют, таким образом, своеобразную совокупность правильных или неверных моделей речевого поведения, получающих оценку участников коммуникации и воспринимаемых носителями языка и культуры как практическое руководство к действию.

6. Остановимся на результатах, полученных в ходе опроса. В рамках определения речи – задания, допускающем достаточно произвольный выбор ответов, большинство участников привели свое понимание и отметили такие признаки, которые позволили соотнести их с представлениями, вербализуемыми в пословицах. Будучи сгруппированными, они показывают, что акцент говорящими делается на разных сторонах речи, из которых наиболее важными – в соответствии с количеством полученных ответов – оказались: «речь – способ коммуникации, общения», возможность «осуществления мыслительной деятельности с помощью языка», «реализация языковой системы, форма существования языка», «передача информации» – т.е. охвачены ответами практически все основные аспекты значения слова *речь*, приводимые в словарях и указывающие на функции, выполняемые речью, языком.

В этих ответах обнаруживается также сходство с ПЕ в трактовке сущности и назначения речевой деятельности. В пословицах речь так же рассматривается как способ передачи информации (*Свинья скажи борову, а боров всему городу*); она связана с мыслительной деятельностью (*Сперва подумай, а потом скажи*); существует преимущественно в устной форме (*Лучше скажи мало, но хорошо*); обеспечивает возможность общения (*Беседовать – не устать: было бы что сказать*); характеризуется звуковым оформлением (*Горлом дело не спорится*) и т.д.

Отметим, что никто из респондентов не оставил это задание без ответа. Человек, чье сознание, по словам известного лингвиста Б.Ю. Нормана, «насквозь пропитано языком» [Норман 1987: 17], не может не иметь никакого представления о том, для чего ему язык и за что он отвечает в реальной жизни.

7. Называя признаки речи, испытуемые привели значительный спектр характеристик, продемонстрировав знание многих важных параметров речи – форм реализации говорения – устной, письменной, внутренней,

стилистических разновидностей, представленных бытовой, официальной, художественной речью; форм осуществления коммуникации (монолог, диалог), степени подготовленности речи, признаков культуры речи.

Следует отметить, что в ответах отразилось весьма требовательное отношение говорящих к качеству речи – во-первых, к соблюдению ее чистоты и правильности, во-вторых, – к лексическому оформлению, которым определяется богатство речи, ее выразительность и эмоциональная окрашенность, но также и приемлемость / неприемлемость для говорящих, поскольку респондентами отмечены такие признаки, как *грубая, нецензурная* и др.; в-третьих, к впечатлению, которое речь может (а нередко и должна) производить на участников коммуникации и которое удостоивается как положительной оценки, так и отрицательной. В-четвертых, были названы образовавшие внушительные группы внешние признаки речи, характеризующие особенности ее протекания – продолжительность, скорость говорения, внятность, громкость, плавность, существенно влияющие на восприятие речи и возможность ее понимания.

Второй большой блок критериев составили признаки, касающиеся содержательной стороны речи, т.е. того, ради чего осуществляется речевая деятельность – способности передать некоторое содержание. Согласно полученным ответам, оно должно отвечать требованиям логичности (*связная*), понятности (*ясная*), достойного внимания содержания (*содержательная, по существу* и др.). При этом респонденты идут и по пути номинации положительно оцениваемых параметров (*познавательная*), но также называют и нежелательные, порицаемые характеристики (*бессодержательная, пустая*). Достойно внимания указание респондентами на связь содержательности, осмысленности речи и ментальных способностей говорящих (*умная, разумная и глупая, бестолковая*) – это одна из констант, отражающих специфику русской ментальности.

8. Поскольку поговорки чаще представляют ситуации, дающие возможность в прямой или косвенной форме вербализации нежелательных, порицаемых признаков речи, проявляющихся в общении, перед респондентами была поставлена задача характеризовать именно недопустимое поведение говорящих, что может

служить косвенной аттестацией предписываемого речевого поведения. Это позволило получить широкий спектр признаков, важных для эффективной коммуникации: наличие / отсутствие мешающих восприятию недостатков произношения – отмечено 52% отвечавших; наличие / отсутствие демонстрации превосходства в разговоре – 36%; проявление невоспитанности (игнорирование собеседника, уход от темы разговора, перебивание и др.) – 27% респондентов; наличие / отсутствие проявлений грубости – отметили 25% респондентов.

Из анализа ответов, касающихся соблюдения правил речевой кооперации, видно, что проявляющееся в речи отношение говорящего к другим участникам коммуникации является весьма важным, о чем свидетельствует как общее количество отмеченных признаков, так и их разнообразие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура, рассматриваемая сквозь призму языка, проявляется по-разному. «Культурное содержание» может храниться на глубинных уровнях человеческого сознания и передаваться носителями культуры неосознанно – в частности, через паремии. Пословицы, как показывает проведенный анализ, весьма подробно и в разных аспектах характеризуют речевую деятельность. Обнаруживаемые в них типичные ситуации с осуществлением речевой деятельности, прескрипции и вербализованные стереотипные представления – о приоритетности реальных действий в сравнении со словами и порицании многословия и праздных речей, о проявлении осмотрительности и дальновидности в разговоре, о проявлении в речи такта, воспитанности и др. – подтверждают важность выраженных носителями русской культуры суждений о речи и ее оценок.

Результаты наблюдений демонстрируют антропоцентричность пословиц, поскольку сказанное в них, какой бы сферы деятельности оно ни касалось, рассматривается с проекцией на человека: каким он видится говорящим в той или иной жизненной ситуации. Это очевидно и в отношении паремий о речи: будучи единицами предписывающими, пословицы вербализуют преимущественно критическое отношение к говорящим, допускающим нарушения негласных правил коммуникации, и реже – позитивное, одобрительное, что в целом подтверждает аксиологическую природу этих единиц и их назидательный характер.

Участие современных носителей культуры и языка в коммуникации и наблюдения за ее особенностями приводит к формированию целого спектра признаков, характеризующих речь и собеседника, которые на шкале оценок образуют два полюса – со знаками «плюс» и «минус». В эти группы признаков входят как характеристики, важные для конкретного говорящего, так и те, что входят в социуме в состав негласного речевого кодекса. Результаты анкетирования показали, что носители русского языка и культуры дорожат хорошей, качественной речью, детально очерчивают круг признаков, которые способны снизить важность речевого акта и даже исключить его прагматический смысл, обесценить речь и общение.

Сопоставление совокупностей представлений о речи, характеризующих два разных способа их выявления и два временных среза, подтвердило актуальность одобряемых и порицаемых признаков речи, вербализованных пословицами, для носителей культуры первой четверти XXI века. В обоих случаях отмечены внешние признаки – темп речи, внятность, подготовленность речи. Вызывают осуждение как носителей современного русского языка, так и их предшественников чрезмерная болтливость и пустословие, неоправданная продолжительность речи, грубость и безоглядность говорящих и т.д.

Важный аспект, обнаруживающий совпадения, это содержательная сторона речи (в ответах респондентов: *по существу, важная, уместная*), сопрягаемая с ментальными способностями говорящих (в ответах: *умная, разумная, осмысленная*). Однако здесь наблюдается разная расстановка акцентов: в пословицах активно подчёркивается категорическая неприемлемость праздной болтовни, поскольку основным пословичным императивом является труд.

Расхождение состоит в отсутствии вербализованных в пословицах представлений, которые не относятся к числу определяющих эффективность коммуникации. Такие характеристики, названные респондентами, как жанры и формы речи, степень нормативности и стилистическая окраска, каналы осуществления коммуникации и т.д. – это признаки и понятия, актуальные для сегодняшнего дискурса. До некоторой степени они определяются и сферой профессиональной деятельности респондентов, среди которых 63.9% составляют филологи.

Разница в оценке речи современниками и носителями традиционной народной культуры видна и во внимании, уделяемом ими отдельным параметрам речи. Так, положительная оценка красоты речи в паремиях встречается редко, а в оценках респондентов красиво оформленной, богатой, выразительной речи уделено большое внимание. Это свидетельствует о современном русском языковом сознании, включающем оценку эстетической и экспрессивной сторон речи, производимого ею впечатления, в то время как народная мудрость более акцентирует аспект пользы, иллюстрируя тем самым типичный для пословиц и

носителей народной культуры прагматический, утилитарный подход. И в этом, как нам кажется, проявляется изменение со временем взгляда на речь: она сегодня рассматривается не только сквозь призму общественно-санкционированного кодекса речевого поведения, но и как явление эстетического порядка, как проявление навыков и умений с осуществлении речевой деятельности.

Совпадения и расхождения в совокупностях признаков речи, отмеченных в пословицах и в анкетах респондентов, иллюстрируется ниже в Приложении, где на степень актуальности отдельных признаков для современных носителей русского языка указывает количество знаков «плюс». На лакунарность отдельных признаков указывает прочерк в соответствующей графе.

В свете активного межличностного взаимодействия обращение к специфике речевого общения и восприятию человека через его речь оказалось весьма показательным, поскольку спектр характеристик говорящего субъекта не так быстро меняется с течением времени, что свидетельствует о важности вербализованных паремиями характеристик. Многие паремийные установки культуры и характеристики речи по-прежнему актуальны для восприятия и оценки собеседника и сегодня.

Полученные в результате нашей работы представления о национально-культурной специфике оценки речи и самих говорящих носителями русской культуры могут быть верифицированы на материале корпуса современных контекстов, в которых прямо или косвенно даются характеристики речевой деятельности участников коммуникации. Это составляет перспективу развития направления, в котором проведено данное исследование.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. *Аникин В.П.* Русские пословицы и поговорки: Сборник / Под ред. *А.П. Аникина*. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
2. *БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
3. *БФСРЯ –* Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. *В.Н. Телия*. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. *Д. – Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. – 431 с.; Т. 2. – 447 с.
5. *ДТС – Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: словарь: в 4-х т. Т. 1–4. – М.: тип. М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1. – 808 с.; Т. 2. – 810 с.; Т. 3. – 582 с.; Т. 4. – 710 с.
6. *Жиг – Жигулев А.М.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Моск. рабочий, 1965. – 360 с.
7. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1991. – 534 с.
8. *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2010. – 736 с.
9. *ИЭС – Бирих А.К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
10. *Ковшова М.Л.* Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
11. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Народная мудрость. Русские пословицы. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 416 с.
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. *В.В. Виноградова*. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

13. *РАС* – *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / рук. проекта – М.: Астрель; АСТ, 2002. Т. 1. От стимула к реакции. – 784 с.
14. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 519 с.
15. *СНМ* – Сборник народной мудрости // URL: <https://sbornik-mudrosti.ru/> (дата обращения: 07.10.2024).
16. *СРЯ* – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. *А.П. Евгеньевой*. – М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. – 696 с.; Т. 2. – 736 с.; Т. 3. – 752 с.; Т. 4. – 797 с.
17. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. – М.: Акад. проект, 2001. – 989 с.
18. *ТСУ* – *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
19. *ЭСС* – *Бабенко Л.Г.* Семантические модели русских глагольных предложений: экспериментальный синтаксический словарь. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 1998. – 169 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации: монография. – СПб.: Алеф-Пресс, 2012. – 352 с.
2. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология, ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы вербализации концепта. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
4. *Алефиренко Н.Ф.* Смысл, модусные концепты и значение // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 31 (322). – Вып. 84. – С. 8–14.
5. *Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синэргетика слова: монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
6. *Алешин А.С., Зиновьева Е.И.* Стереотипное представление о коте и кошке сквозь призму компаративных фразеологизмов русского и шведского языков // Вестник РУДН. Серия: Теория Языка. Семиотика. Семантика. – Т. 10. – № 2. – 2019. – С. 288–300.
7. *Ани Рахмат, Банит С.В., Якименко Н.Е.* Названия животных в пословицах и поговорках русского и индонезийского языков. Лингвокультурологический словарь пословиц русского и индонезийского языков. – Бандунг: Umpad-press, 2021. – 230 с.
8. *Антонова Е.Н., Бредис М.А., Владимирова Т.Е. [и др.]* Паремиология без границ. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – 244 с.
9. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
10. *Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 5–23.
11. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.
12. *Арутюнова Н.Д., Ковшова М.Л.* Лингвокультурологические

исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. *Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова* – М.: Гнозис, 2019. – 856 с.

13. *Бабенко Н.С.* Опыт немецкоязычной фразеологии XVI в. как лингвокультурный феномен раннего Нового времени // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сб. научн. ст. к 90-летию проф. В.Н. Телия / Отв. ред. *И.В. Зыкова, В.В. Красных*. – М.: Гнозис, 2020. – С. 14–25.

14. *Байрамова Л.К.* Интерпретация фразеологизмов в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика. Идиоматика и познание. – Белгород: БелГУ, 2008. – Т. 1. – С. 298–302.

15. *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: 2003. – 457 с.

16. *Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 527 с.

17. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.

18. *Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г.* Стереотип и индивидуальные стратегии речевого поведения в онтогенезе // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всерос. Симпозиум по психоллингвистике и теории коммуникации. – М.: 1994. – 254 с.

19. *Богданов В.В.* Речевое общение: прагматический и семантический аспекты. – Л.: ЛГУ, 1990. – 87 с.

20. *Богданов К.А.* Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens. – СПб.: Рус. христиан. гуман. ин-т, 1998. – 352 с.

21. *Богданова Е.А.* Концепты «добро» и «зло» в русской и французской лингвокультурах: аксиологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. н. – Майкоп, 2012. – 162 с.

22. *Бочина Т.Г.* Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремологии. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – 286 с.

23. *Бредис М.А., Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 26. –

С. 5–29.

24. *Бредис М.А., Ломакина О.В.* Топоним как компонент пословицы: к проблеме семантической эквивалентности (на материале русских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских и таджикских паремий) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2018. – № 4. – С. 118–129.

25. *Ван Исюань.* Стереотипные представления о русской избе в зеркале пословиц // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 1(109). – С. 117–122.

26. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

27. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: (Теория и методы). – М.: Рос. ун-та Дружбы народов, 1997. – 331 с.

28. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2008. – 336 с.

29. *Георгиева С.О.* Познание культуры через фразеологию // Слово. Фраза. Текст. Сб. науч. статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 108–115.

30. *Георгиева С.О.* Национальной специфике фразеологических фондов русского и болгарского языков // Русистика: язык, культура, перевод: Юбилейная международ. науч. конф. – София: Изток-запад, 2012. – С. 219–225.

31. *Гридина Т.А., Пятинин А.Э.* Проективная активность личности в речевой деятельности // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2003. – № 1. – С. 5–14.

32. *Грошев И.В., Щербак А.А.* Половозрастные и гендерные особенности процесса общения: явление перебивания речи собеседника (обзор исследований) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 3 (59). – С. 271–281.

33. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с.

34. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс,

1984. – 397 с.

35. *Гутовская М.С.* Метафорическое представление сферы языка, речи, общения в русском и английском языках: схожее и различительное // *Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: сб. науч. ст. к 90-летию профессора В.Н. Телия / отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных.* – М.: Гнозис, 2020. – С. 194–216.

36. *Гутовская М.С.* Концепт ‘речь’ в русской языковой картине мира и его место среди других понятий народной лингвистики // *Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка.* – 2007. – № 2. – С. 63–70.

37. *Долгова Т.В.* Восприятие времени в итальянской и русской культурах (на примере премий) // *Наука о человеке: гуманитарные исследования.* – 2018. – № 33. – С. 49–54.

38. *Еремина С.А., Орлова А.П.* Стереотип «речевая деятельность» в народном языковом сознании (по данным пословиц, собранных *В.И. Далем*) // *Лингвокультурология.* – 2009. – № 3. – С. 68–82.

39. *Жуков К.А.* Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2004. – 109 с.

40. *Забусова Е.И., Лазарева А.Ю., Колодченко В.В.* Развитие речевой деятельности // *Символ науки.* – 2018. – № 10. – С. 82–83.

41. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж, 2006. – 204 с.

42. *Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф.* О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // *Филология и культура.* – 2010. – № 2 (20). – С. 73–78.

43. *Захаренко И.В., Зыкова И.В.* Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. – М.: Гнозис, 2020. – 719 с.

44. *Зиновьева Е.И.* «Болтливый» в русской лингвокультуре // *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego Ежегодник Русско-польского Института.* – 2013. – № 1 (4). – С. 81–94.

45. *Зиновьева Е.И.* Лингвокультурология: от теории к практике: учебник. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
46. *Зиновьева Е.И.* Стереотипное представление о порядочном человеке в русском языковом сознании // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7. – С. 290–302.
47. *Зиновьева Е.И., Соколова А.П.* «Позитивный человек» в русской языковой картине мира // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 2 (41). – С. 202–207.
48. *Зиновьева Е.И., Хруненкова А.В.* «Правильный человек» в русской языковой картине мира // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. Сборник научных статей / под общ. ред. *М.В. Пименовой.* – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического университета, 2018. – С. 335–345.
49. *Зуева Т.А.* Фразеологические единицы со значением процесса речи как фрагмент языковой картины мира // Язык. Система. Личность / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 80–84.
50. *Зыкова И.В.* Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. – М.: Гнозис, 2017. – 752 с.
51. *Иванов Е.Е.* «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // Мир русского слова и русское слово в мире: в 7 т. – София: Heron Press, 2007. – С. 152–156.
52. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 157–170.
53. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие. – СПб., 2006. – 280 с.
54. *Иванова Е.В.* Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.
55. *Иванова Е.В.* Речевая деятельность, речевая культура и культура речи. К определению понятий // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 12. – № 3(3). – 2010. – С. 633–637.

56. *Иванова С.В., Чанышева З.З.* Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
57. *Карасик В.И.* Сюжетные мотивы в лингвокультурном аспекте // *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. научн. тр.* – М.: Тезаурус, 2015. – С. 26–32.
58. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
59. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
60. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
61. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 1987. – 261 с.
62. *Ковшова М.Л.* Идиомы и паремии с «колокольной» семантикой: образы и смыслы // *Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах.* – М.: Гнозис, 2019а. – С. 387–404.
63. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2019б. – 400 с.
64. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
65. *Ковшова М.Л.* Личное имя в русском паремиологическом дискурсе: опыт дискурсивного анализа // *Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Матер. междунар. науч. конф.* – Тула: ТППО, 2018. – С. 227–240.
66. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2009. – 48 с.
67. *Комова Д.Д., Ломакина О.В.* Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева.* – 2019. – № 3 (103). – С. 78–86.
68. *Копыльских О.В.* Тематическая классификация наименований жилища

и его частей как компонентов в русских паремий // Вестник ЧГПУ. – 2016. – № 8. – С. 159–166.

69. *Корнеева А.Ю.* О становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины // Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов. Т. 1. Мат. X Конг. МАПРЯЛ. – СПб., 2003. – С. 250–255.

70. *Королёва Е.В.* Место лексемы код в лингвистической терминосистеме // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 4. – С. 332–340.

71. *Косинова Е.В.* О понятии языковая личность в современной лингвистике // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 1 (05). – С. 182–185.

72. *Косинская Е.В., Черных А.В.* Речи как черта личности // Территория науки. – 2016. – № 3. – С. 7–11.

73. *Костина Р.Г., Миронов А.Г., Дмитриев Е.А.* Проблема констант в гуманитарных науках // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей победителей V Международной научно-практ. конф.: в 4 частях. Часть 4. – 2017. – С. 195–198.

74. *Косяков В.А.* Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материалах СМИ, посвященных войне в Ираке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2009. – 153 с.

75. *Кравченко А.В.* Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск, 2001. – 260 с.

76. *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 19. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 5–21.

77. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 270 с.

78. *Красных В.В.* Язык и культура сквозь призму многомерности бытия человека говорящего // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы III Конгресса РОПРЯЛ. – В 2 т. – Т. 1. – СПб.: Изд. Дом «МИРС», 2012. – С. 345–349.

79. *Ксенофонтова А.Н.* Концептуальные основы речевой деятельности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – № 1. – С. 160–165.
80. *Кузнецова А.В.* Культурный код в динамике художественного образа // Мир русского языка. – 2022. – № 4 (89). – С. 44–52.
81. *Кумахова Д.Б.* Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2011. – 27 с.
82. *Леднева А.В.* Паремиологическая картина мира в русском и немецком языках (тематический блок «Человек»): Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2016. – 154 с.
83. *Ленец А.В., Овсиенко Т.В.* Фразеологическая репрезентация лингвокультурных констант «фемининность / маскулинность» (на материале немецкого языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 1 (29). – С. 62–68.
84. *Леонтьев А.Н.* Человек и культура. – М.: [б. и.], 1961. – 114 с.
85. *Липпман У.* Общественное мнение. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
86. *Лотман Ю.М.* и тартуско-московская семиотическая школа : [сборник]. – М.: Гнозис, 1994. – 547 с.
87. *Лызлов А.И.* Оценка и языковые способы ее выражения в поговорках (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 22 с.
88. *Лызлова О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018. – № 4 (54). – С. 303–317.
89. *Лю Хун.* Лингвокультурологические исследования: прошлое и будущее // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сб. научн. ст. к 90-летию проф. В. Н. Телия / отв. ред. В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 674–688.
90. *Любимов В.Ю.* Культурно-психологические особенности речевой деятельности // Историческая психология и социология истории. – 2022. – № 2. – С.

169–187.

91. *Ма Сянфэй*. Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках (на примере устойчивых выражений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4 (117). – С. 128–135.

92. *Мамонтов А.С., Морослин П.В.* Зоометафоры как лингвокогнитивная составляющая процесса межкультурной коммуникации (на материале русско-турецких сопоставлений) // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2016. – № 1. – С. 139–143.

93. *Маркарян Э.С.* Понятие «культура» в системе современных социальных наук. – М.: Наука, 1973. – 30 с.

94. *Маслова В.А.* Лингвокультурология – провидческий проект В.Н. Телия // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. *И.В. Зыкова, В.В. Красных*. – М.: Гнозис, 2020. – С. 689–698.

95. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.

96. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособ. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

97. *Маслова В.А.* Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 78–90.

98. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / отв. ред. *У. М. Бахтикиреева*. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 208 с.

99. *Массальская Ю.В.* Семантическое поле «человек» в немецкой паремиологии (на материале немецких пословиц) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 121–123.

100. *Матевосян Л.Б.* Стереотипы коммуникативной модели // Вестник

Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 6. – С. 99–105.

101. *Милованова М.В.* Семантика глагольных единиц в аспекте отражения особенностей моделирования посессивных отношений в русском языке (в сопоставлении с немецким языком) // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 120–130.

102. *Мильруд Р.П.* Язык как символ культуры // Язык и культура. – 2013. – № 2 (22). – С. 43–60.

103. *Мокиенко В.М.* О словаре псковских пословиц и поговорок // Словарь псковских пословиц и поговорок. – СПб., 2001. – С. 5–11.

104. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 278 с.

105. *Мокиенко В.М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.

106. *Мощева С.В.* Речевая деятельность: интенция и интенциональность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2022. – Т. 19. – № 3. – С. 19–26.

107. *Мухаметов Д.Б.* Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 5(3). – С. 77–82.

108. *Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Ершов В.И.* Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 223–243.

109. *Ничипорчик Е.В.* Здоровье как ценность в паремиологической картине мира: на материале русских и итальянских паремий // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН; под ред. *М.Г. Абрамзона*. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2012. – № 3 (27). – С. 218–231.

110. *Ничипорчик Е.В.* Логика развития темы «розум, кемлівасць, дурасць» в электронном словаре белорусских пословиц // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2023. – № 3 (15). – С. 135–148.

111. *Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в поговорках. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
112. *Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. – Минск: Вышэйш. шк., 1987. – 220 с.
113. *Опарина Е.О.* Установка культуры и диапазон метафоризации: к вопросу о мотивах образной концептуализации // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. *В.Н. Телия*. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 53–59.
114. Паремология на перекрестках языков и культур / под ред. *Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной*. – М.: РУДН, 2021. – 246 с.
115. *Паршукова Г.Б.* Формирование профессиональной и общекультурной компетенции обучающихся как становление культурного кода // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 6. – С. 105–108.
116. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремологии. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
117. *Пименова М.В.* Языковая картина мира: учеб. пособие. 5-е изд., доп. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 106 с.
118. *Пищальникова В.А.* Психопоэтика. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – 173 с.
119. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
120. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
121. *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М.: 1999. – С. 25–33.
122. *Привалова И.В.* Построение типологии национально-маркированных языковых единиц // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 95–101.
123. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. – СПб.: Фирма, 1994. – 235 с.

124. *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
125. Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конф. – М.: ИСБ, 1995. – 160 с.
126. *Ростова А.Н.* Концепт «говорить», «сказать» в русских говорах Сибири // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 105–111.
127. *Ртищева О.В.* Языковая личность в культуре: направления исследований // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 1 (24). – С. 152–158.
128. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М.: Педагогика, 1973. – 423 с.
129. *Рябинская Н.С.* Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа // Социологический журнал. – 2002. – № 4. – С. 78–91.
130. *Савенкова Л.Б.* Мы в зеркале пословиц. – Ростов на Дону: Феникс, 2006. – 128 с.
131. *Селиверстова Е.И., Лень Син-и.* Отражение макроситуации «работа» в русских поговорках // Университет китайской культуры. Сб. статей. – Тайбей: 2005. – № 8. – С. 49–60.
132. *Селиверстова Е.И.* Вариативность пословиц как проявление законов жанра // Вестник СПбГУ. – Сер. 2. – Вып. 3 (18). – 2003. – С. 44–54.
133. *Селиверстова Е.И.* Как «собрать» поговорку: некоторые средства и способы // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. *В.М. Мокиенко*. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 135–142.
134. *Селиверстова Е.И.* О некоторых константах в поговорке // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 54. – С. 66–70.
135. *Селиверстова Е.И.* Представления об удаче и неудаче в русской и чешской фразеологии: образные способы передачи жизненного опыта // West-East. – 2019а. – Т. 2-2. – № 1. – С. 15–21.
136. *Селиверстова Е.И.* Пространство русской поговорки: постоянство и изменчивость / науч. ред. *В.М. Мокиенко*. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.

137. *Селиверстова Е.И.* Свой глаз – алмаз, а чужой стекло: доверие и недоверие у русских и чехов (на примере паремии) // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. – М.: Гнозис, 2019б. – С. 281–291.

138. *Селиверстова Е.И., Яньшань У.* Ошибка в деятельности человека: коммуникативный опыт русских и китайцев в пословицах // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 1. – С. 202–216.

139. *Семененко Н.Н.* Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. – 2020. – № 11 (2). – С. 213–232.

140. *Семененко Н.Н.* Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Белгород, 2011. – 46 с.

141. *Семененко Н.Н.* Когнитивный субстрат паремий в фокусе задач моделирования паремической семантики // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 46–52.

142. *Семененко Н.Н.* Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования // Известия ВГПУ. – 2011б. – С. 19–24.

143. *Семененко Н.Н.* Проблемы ценностной репрезентации в аспекте лингвокогнитивного описания семантики паремий // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2010. – № 18 (89). – С. 47–57.

144. *Семененко Н.Н., Кривошеев Г. С.* Паремическая картина мира как проводник этнокультурного стереотипа // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 4. – С. 32–41.

145. *Склярлова Н.Г.* Интернациональное и национальное в лингвокультурах (на материале русской и английской фразеологии): учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 194 с.

146. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.

147. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки

славянских культур, 2007. – 248 с.

148. *Степанова Ю.В.* Языковая личность и аспекты ее изучения // Вестник Тюменского гос. университета. – 2012. – № 1. – С. 186–192.

149. *Сукаленко Н.И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев: Наукова думка, 1992. – 164 с.

150. *Сулейманова Я.О.* Ценностная картина мира русской культуры в паремиологическом контексте (на материале пословиц с компонентами-наименованиями природных стихий) // *Universum: Филология и искусствоведение.* – М.: ООО «МЦНО», 2017. – № 6. – С. 31–35.

151. *Сюй Яо, Селиверстова Е.И.* Особенности вербализации идеи о важности взвешенности слова в русских поговорках на фоне китайских // Вестник Костромского государственного университета. – 2023б. – № 2. – Т. 29. – С. 160–166.

152. *Сюй Яо.* Качества человека сквозь призму речевой деятельности (на материале русских пословиц) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2023в. – № 4. – С. 32–36.

153. *Сюй Яо.* Компоненты-вербализаторы концепта «Речь» в русских пословицах (лексико-семантический аспект) // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. – СПб., 2023г. – С. 486–487.

154. *Сюй Яо.* Особенности вербализации концепта «речь» в русских пословицах // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе: материалы докл. и сообщ. XXVII междунар. науч.-метод. конф. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2022. – С. 154–160.

155. *Сюй Яо.* Стереотипные представления о речи, отразившиеся в русских пословицах // Вестник филологических наук. – 2023а. – № 3. – Т. 3. – С. 68–72.

156. *Сюй Яо.* Стереотипные представления о языке в русских пословицах (на фоне китайского языка) // Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2021». – СПб.: Скифия-принт, 2021. – С. 694–695.

157. *Сяоцзюн Хо, Якименко Н. Е.* Орнитонимы в приметах, пословицах и

поговорках русского и китайского языков. Учебный лингвокультурологический словарь. – СПб., 2022. – 143 с.

158. *Тарланов З.К.* Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. – Петрозаводск, 1999. – 447 с.

159. *Татиева А.Б., Суюнова Г.С.* Концепт «речь» в русской паремиологии // Актуальные проблемы лингвистики. Сб. тр. конф. Павлодар: Павлодарский гос. пед. ин-т, 2015. – С. 323–328.

160. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

161. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

162. *Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 306–315.

163. *Фролова О.Е.* Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословиц, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. – М.: URSS, 2007. – 317 с.

164. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.

165. *Хомякова Е.Г.* Введение // Язык как культурный код нации / отв. ред. А.В. Зеленичиков, Е.Г. Хомякова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. – 264 с.

166. *Шан Вэньцин.* Семантика чрезмерности в русских пословицах на фоне паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2022. – 359 с.

167. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – М.: Либроком, 2009. – 312 с.

168. *Шкуратова И.П.* Речь как средство самовыражения личности // Северо-

Кавказский психологический вестник. – 2009. – № 7/2. – С. 57–60.

169. *Шумарина М.Р.* «Народная лингвистика» в русских пословицах и поговорках // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 98–101.

170. *Шуян Сунь, Селиверстова Е.И.* Особенности представления события в русских пословицах со структурой простого предложения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 47–54.

171. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.

172. *Эпштейн М.Н.* Слово и молчание: Метафизика русской литературы. – М.: Высшая школа, 2006. – 559 с.

173. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

174. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 73–89.

175. *Якушина Р.М.* Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 21 с.

176. *Dundes A.* Interpreting folklore, Bloomington, 1980.

177. *Shibutani T.* Society and personality. N.Y., 1961. P. 105.

**ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРИЗНАКИ РЕЧИ, ВЫЯВЛЕННЫЕ В ПОСЛОВИЦАХ, В
СОПОСТАВЛЕНИИ С ПРИЗНАКАМИ РЕЧИ, ВЫДЕЛЕННЫМИ В
РЕЗУЛЬТАТЕ ОПРОСА**

Речь с точки зрения ее восприятия и понимания		Признаки речи по результатам опроса	Признаки речи, вербализованные в ПЕ
Характер протекания во времени (продолжительность, темп)	долгая, многословная речь	++	<i>Многая говоря всегда стыда доводит [БСРП: 183]; От его словца не дождешься конца [Д. 2: 10]</i>
	краткая речь	+++	<i>Хороша веревка длинная, а речь короткая [БСРП: 113]; Много слов – кладь для ослов, а короткое слово – украшение мира [БСРП: 821]</i>
	быстрая, торопливая речь	++	<i>Языком не спеши, а делом не ленись [БСРП: 1015]; Говорить — не работать, торопиться не надо [ДТС.1: 373]</i>
	медленная речь	+	<i>Полно мотать, пора узел вязать [БСРП: 924]; Молоко скиснет, пока он слово вымолвит [БСРП: 549]</i>
Четкость, внятность речи	внятная, членораздельная	++	—
	невнятная, неразборчивая	+	<i>Говорит, как плохая плетя кружева плетет: что сплетет – ничего не разберет [Аникин: 64]</i>
Громкость	громкая (крик)	+++	<i>Горлом дело не спорится [БСРП: 205]; Звон не молитва, крик не беседа [БСРП: 368]</i>
	тихая, спокойная	+	—
Плавность	плавная	+	<i>Слово молвит – соловей поет [БСРП: 826]</i>
	прерывистая	+	—

Продолжение Приложения. Признаки речи, выявленные в пословицах, в сопоставлении с признаками речи, выделенными в результате опроса

Речь с точки зрения ее восприятия и понимания		Признаки речи по результатам опроса	Признаки речи, вербализованные в ПЕ
Речь с точки зрения содержания			
Логичность, осмысленность	связная, логичная	+	<i>Красную речь красно и слушать [БСРП: 755]; Вежества не купи, умелось бы говорить [БСРП: 107]; Не болтай наугад, клади слово в лад [БСРП: 825]</i>
	бессвязная, путаная, сбивчивая	+++	<i>Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов [БСРП: 310]; Говорит, как плохая плетя кружева плетет: что сплетет – ничего не разберет [Аникин: 64]</i>
Содержательность	содержательная, информативная	+++++	<i>В доброй беседе всяк ума копит; В умной беседе ума набраться, а в глупой – свой растерять [БСРП: 52]; Слово толковое стоит целкового [БСРП: 827]</i>
	пустая, бесполезная бессодержательная	++	<i>Пустые слова – что орехи без ядра [БСРП: 822]; Мелева много, да помолу нет [БСРП: 527]; Наговорили, что наварили, а глядь – ан и нет ничего [Д.1: 358]</i>
	недостоверная неправда	++	<i>Говорит направо, а глядит налево [БСРП: 181]; На его словах хоть выпись, а на деле и головы притулить негде [Д.2: 136]</i>
Косвенное указание на содержательность речи через характеристику ментальных способностей говорящего	умная, осмысленная	+	<i>Умные речи и дурак поймет [СНМ]; Умную речь хорошо (добро) и слушать [БСРП: 755];</i>
	глупая, бестолковая	+	<i>С глупую речью сиди за печью [БСРП: 756]; Глупым словам – глупое ухо [БСРП: 822]; Осла узнаешь по ушам, а дурака по словам [БСРП: 628]</i>

Продолжение Приложения. Признаки речи, выявленные в пословицах, в сопоставлении с признаками, речи, выделенными в результате опроса

Речь с точки зрения ее восприятия и понимания		Признаки речи по результатам опроса	Признаки речи, вербализованные в ПЕ
Речь с точки зрения принятых норм и стилистических особенностей			
положительные признаки	правильная, грамотная	++++	—
отрицательные признаки	жаргонная	+	—
	неграмотная, дефектная	+++	—
стиль и жанр	официальная	++	—
	разговорная	++	—
	неофициальная	+	—
Оценка речи в аспекте производимого впечатления			
эмоциональный настрой говорящего	эмоциональная, ораторская	++	<i>Слово молвит – соловей поет</i> [БСРП: 826]
чувства и ощущения слушающего	волнующая, вдохновляющая	+++	—
значимость для адресата	убедительная, поучительная	++	<i>Птицу кормом возьмешь, человека – словом</i> [БСРП: 731]; <i>Кто говорит, тот сеет; кто слушает – собирает (пожинает)</i> [Д.1: 356]
	внушительная, запоминающаяся	+	<i>Слово вовремя и кстати сильнее письма и печати</i> [БСРП: 826]
позитивная оценка речи	хорошая, красивая, приятная	++	<i>Красную речь красно и слушать; Красна речь пословицей</i> [БСРП: 755]; <i>Слово молвит – соловей поет</i> [БСРП: 826];
негативная оценка речи	неприятная	+	<i>Глупая речь не пословица</i> [БСРП: 755]; <i>С глупой речью сиди за печью</i> [БСРП: 756]

Продолжение Приложения. Признаки речи, выявленные в пословицах, в сопоставлении с признаками, речи, выделенными в результате опроса

Речь с точки зрения ее восприятия и понимания		Признак и речи по результатам опроса	Признаки речи, вербализованные в ПЕ
Отсутствие внимания к собеседнику			
проявление нетактичности	перебивание собеседников	+	<i>Чужих слов не перебивай</i> [ДТС.4: 235]
отсутствие внимательности	не слушает собеседника	++	<i>Слушай больше, а говори меньше</i> [БСРП: 181]
уход от затронутой темы	не поддерживает разговор, все время переходя на другие темы	+	<i>Ему говори про попа, а он про Емелю дурака; Дай волю языку; скажет то, чего и не знает</i> [СНМ]
говорит исключительно сам	не дает возможности ответить	+	<i>Умную взять – не даст слова сказать</i> [Д.1: 284]; <i>Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать</i> [Д.1: 361];
Неприемлемая манера речи			
нарушение правил этикета	грубо, агрессивно	++++++	<i>Брань до добра не доводит; Чем долго браниться, не лучше ль подрасться</i> [БСРП: 90]
	нецензурно, некультурно	+++	—
проявление невоспитанности	беспардонно, вызывающе	++	—
порицаемый стиль речи	напыщенно, высокопарно	+	<i>Высоко говорит, а рукою до неба не достанет</i> [БСРП: 774]